

Константин Рыжов

Человечество: История. Религия. Культура

Древняя Греция

Константин Рыжов

**Человечество: история, религия,
культура. Древняя Греция**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рыжов К. В.

Человечество: история, религия, культура. Древняя Греция /
К. В. Рыжов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Политическая история государств, религиозные искания, культурные достижения в различных областях искусства, науки и техники будут представлены в нескольких книгах серии "Человечество: история, религия, культура". Данный том посвящен цивилизации Древней Греции и охватывает события с древнейших времён до начала Первой Македонской войны.

Содержание

I. Греция до ее столкновения с Персией	5
1. Страна и народ	5
2. Древнейшая Греция	13
3. Критская цивилизация	15
4. Героическая эпоха	23
5. Складывание полисного строя	28
6. Политическая борьба и ранняя тирания	31
7. Великая колонизация	33
Как греки выводили свои колонии	33
Эолийская колонизация	35
Ионийская колонизация	37
Самос	51
Эвбейцы и их колонии	56
Ахейская колонизация	61
Дорийская колонизация	64
Мегары и колонии мегарцев	67
Коринф и его колонии. Сиракузы	69
Баттиды Кирены	76
8. Лаконика и Мессения	80
Цари Спарты до Ликурга	80
Ликург	81
Цари Спарты после Ликурга. Феопомп	89
Цари Мессении до Эвфая	90
Первая Мессенская война	91
Парфении. Основание Тарента	94
Вторая Мессенская война	95
Цари Спарты после Феопомпа	99
Государство лакедемонян	100
9. Афины	125
Реформы Солона	125
Тирания Писистрата. Реформы Клисфена	132
10. Аргос, Сикион, Беотия, Фокида, Дельфы и Фессалия	138
Аргос	138
Сикионские Орфагориды	140
Союз беотийских городов	141
Фокида и Локриды	141
Дельфы и первая Священная война	142
Фессалия	144
II. Эпоха греко-персидских войн	146
1. Великое ионийское восстание	146
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Константин Рыжов

Человечество: история, религия, культура. Древняя Греция

I. Греция до ее столкновения с Персией

1. Страна и народ

1) Части Древней Греции

Что имеют в виду современные историки, когда говорят о Древней Греции? Прежде всего к ней относят южную оконечность Балканского полуострова, омываемую на западе Адриатическим морем, а на востоке – Эгейским. На карте хорошо видно, что страна эта имеет неправильную форму и сначала сужается до пределов узкого перешейка – Истма, а потом вновь расширяется, образуя на юге полуостров меньших размеров – Пелопоннес. К востоку от него, за морем, лежит другой полуостров – Малая Азия (в настоящее время это территория Турции). На большей его части проживали племена и народы, которые имели свою собственную историю, не связанную с историей Греции. Исключение во все времена составляла только узкая прибрежная полоса на западе Малой Азии, население которой уже в древности имело тесные контакты (а часто и общую судьбу) с жителями Балканского полуострова. Это восточное побережье Эгейского моря являлось второй частью Древней Греции. Ее третью часть составляли многочисленные острова Эгейского моря, разделенные то более широкими, то более узкими проливами. (Греки делили их на два архипелага: один носил название Киклады, другой – Спорады). Четвертой частью Древней Греции считается большой остров Крит.

2) Природные условия

Более трети всей территории материковой Греции, а также большинство островов, покрыто горами. На западе Балканского полуострова горные цепи идут в направлении с севера на юг. Горы здесь поднимаются большей частью прямо из моря и поэтому западное побережье почти не имеет удобных гаваней. В восточной части полуострова картина совсем другая. Обращенные на восток горные хребты, тянутся через острова Эгейского моря (многие из этих островов представляют собой каменистые вершины подводных гор) и заканчиваются в Малой Азии. Берег очень изрезан, море глубоко проникает своими заливами вглубь суши. Поэтому здешние места имеют множество удобных гаваней. Береговая линия Малой Азии в Эгейском море также сильно изрезана и изобилует большими и удобными гаванями. Вообще, тесное соседство гор и моря, глубоких долин и плоскогорий, расположенных на различных высотах, сильная расчлененность береговой линии, составляют самую характерную особенность Греции. И хотя горы Южных Балкан невысоки, они очень обрывисты и труднопроходимы. В древности они являлись серьезным препятствием и часто создавали непреодолимые барьеры между соседними областями.

Современная Греция фактически лишена лесов, но четыре тысячи лет назад эта страна имела разнообразную растительность. Горы были покрыты густыми лесами из бука, дуба, каштана и пихты. В долинах их сменяли плодовые деревья и кустарники. В лесах водились многочисленные звери, так что жителям приходилось вести борьбу с бурыми медведями, волками и даже львами. В большом количестве встречались дикие козули, лани, серны и олени, а также быки и кабаны. Море было богато рыбой. Охота и рыболовство играли большую роль в жизни населения, но основными видами хозяйственной деятельности являлись земледелие и скотоводство, хотя природные условия для них не везде были благоприятны.

Лето в Греции очень сухое и жаркое. Время наивысшего зноя падает на июль и август. Температура в тени достигает тогда 40 градусов. Небо безоблачное. Море блистает яркой синевой и вода так прозрачна, что кажется будто снизу ее освещает другое солнце. Нагретый воздух дрожит мириадами мелких искорок. Большинство рек пересыхает, трава выгорает. Дождливое время наступает с середины сентября. Тогда земля вновь зеленеет. В ноябре-декабре южные ветры, приносящие ливни, чередуются с пронзительными и холодными северными ветрами. В январе внезапно и сразу выпадает глубокий снег и начинается короткая (1,5–2 месяца) зима. В марте также внезапно наступает весна, приход которой сопровождается бурными ливнями и ветрами. В горах быстро тают снега. Горные реки наполняются стремительно несущейся на рав-

нины водой. На деревьях появляется молодая листва. В апреле дожди прекращаются. Склоны гор покрываются цветами – красными анемонами, белыми гиацинтами, лиловыми фиалками, желтоватыми нарциссами. Море успокаивается и становится благоприятно для плавания. Редкие дожди в мае уже не в состоянии напитать почву. Реки быстро мелеют. Растительность высыхает, скот поднимается в горы. В конце мая – начале июня с полей убирают хлеб.

3) Первоначальное население

Какие народы, населяли Грецию до прихода сюда греков? Этот вопрос уже давно волнует историков, но единодушного ответа на него до сих пор нет. В греческих мифах сохранились смутные воспоминания о племенах "божественных пеласгов", заселявших ко времени прихода греков юг Балканского полуострова и некоторые острова Эгейского моря. Греческие легенды исполнены самого искреннего восхищения перед пеласгами, у которых пришельцы переняли многие из их культурных достижений. В самом деле, внимательное изучение греческого языка дает основание утверждать, что такие слова, как «город», "богатство", «ванна», "кирпич" по форме своей имеют догреческое происхождение и были позаимствованы греками у пеласгов. Следовательно, можно предположить, что греки, в тот момент, когда они пришли в Грецию, еще не знали городской жизни, не умели делать кирпичи и не пользовались ванными. У пеласгов же, напротив, все это уже было. Точно также в язык пришельцев вошли названия некоторых южных растений, неизвестных им прежде – таких как гиацинт, кипарис, нарцисс и некоторых других. Все эти слова также считаются негреческими. На каком языке говорили пеласги точно не известно. Древнегреческие историки называли его «варварским» (то есть «чуждым», "непонятным").

Хотя пеласги были многочисленным народом, они, по-видимому, не населяли всей территории Древней Греции. Так, например, жители Крита и многих восточных островов Эгейского моря, как об этом свидетельствуют те же греческие мифы, не являлись пеласгами и говорили на совершенно другом языке. Никаких письменных свидетельств или легендарных воспоминаний об этой древней эпохе не сохранилось. О том, как жили люди в те давние времена, мы можем судить лишь на основании археологических раскопок.

4) Расселение греков

Греческие племена переселились на юг Балканского полуострова около 2000 г. до Р.Х. В те далекие времена материковая Греция принадлежала пеласгам, которые во многих отношениях находились на более высоком культурном уровне, чем пришельцы. Однако греки оказались очень способным и восприимчивым народом. Археологи выяснили, что поначалу у них не существовало ни больших городов, ни крупных центров ремесла. Но постепенно они переняли все культурные достижения пеласгов, а потом превзошли своих учителей. С XVI в. до Р.Х. отмечается быстрый расцвет греческой культуры. В следующем столетии греки освоили мореходство и расселились по Кикладским островам. Небольшие греческие колонии появились даже на берегах Малой Азии. Важнейшим культурным центром Восточного Средиземноморья в те времена оставался Крит. Греки многому научились у критян, позаимствовав у них секреты изготовления высококачественной керамики, тайны кораблестроения и искусство письма. Наконец, в XV в. до Р.Х. Крит перешел под власть греческой династии. С этого времени можно говорить о самостоятельном развитии греческой культуры.

5) Фессалия

Мифы единодушно связывают начало греческой истории с Фессалией – обширной равниной на самом севере страны. Со всех сторон эта область окружена горными хребтами, которые имеют наибольшую высоту на востоке и словно стены отгораживают Фессалию от моря. Здесь же поднимается самая высокая гора в Греции – Олимп (2975 м над уровнем моря). Круглый год его вершины покрыты снегами и горят на солнце ослепительным блеском. Склоны горы у подножья густо заросли миртом, лавром, можжевельником и олеандром. Раньше над ними располагались настоящие леса из платанов, каштанов и дуба. Верхние утесы, напротив, лишены растительности и очень обрывисты. В древности Олимп был окружен благоговейным почитанием и считался обителью богов.

В нескольких десятках километрах к югу возвышается Осса (1600 м над уровнем моря). Между этими горными вершинами пролегает широкое Темпейское ущелье, по которому к морю прорывается Пеней – самая большая и полноводная река Греции. Во время таяния снегов он вбирает в себя воду со всех окружающих Фессалию горных склонов и широко разливался. Природные условия Фессалии очень благоприятны для сельского хозяйства. Земля на равнине плодородна, и в древности местные жители собирали с нее самые значительные в Греции урожаи пшеницы. На высокогорных пастбищах и заливных лугах паслись большие стада скота и табуны лошадей.

Путь из Фессалии в южные районы Греции лежал вдоль берега моря. В некоторых местах горы настолько тесно подходили здесь к береговой полосе, что оставляли совсем мало места для прохода. Самым узким местом на этой дороге считался участок около 7 км длиной, именованный Фермопилами. С севера и юга вход в ущелье сужался настолько, что здесь с трудом разъезжались две телеги, а окрестные горы, хотя и не очень высокие, были очень круты и отвесны.

В мифические времена Фессалию населяли разнообразные народы, близкие по языку к грекам. Древнейшими жителями страны считались пеласги. Затем сюда переселились племена лапифов, дриопов, малиев, долопов, магнетов и перребов. Все они играют важную роль в древних греческих сказаниях.

6) Этолия

Этолия располагалась на юго-западе от Фессалии, за высокими скалистыми горами Парнас и Эта. В древности собственно Этолией именовалась только прибрежная, лучшая, часть страны, выходящая к Ионийскому морю и орошаемая реками Ахелой и Эвен. Она представляла собой плодородную, удобную для земледелия равнину с превосходной почвой. Другая часть Этолии, располагавшаяся к северу и востоку от прибрежной равнины, носила название «Приобретенной». Это была довольно неровная и бесплодная область. Здесь находилась самая высокая из горных вершин Этолии – Коракс. Другой знаменитой горой был Курий, по имени которой окрестных жителей называли куретами. До прихода греков куреты считались самым могущественным племенем и властвовали над всей страной. Позже им пришлось отступить под напором греческих переселенцев в горную Этолию, где их центром стал город Плеврон.

7) Беотия

Многие греческие мифы уводят нас в Беотию – обширную область в Средней Греции, которая тянулась подобно ленте через весь полуостров и омывалась водами двух заливов: на

востоке – Эвбейского, а на западе – Коринфского. Со всех сторон плодородная Беотийская равнина окружена горами. На юге это были Аттические горы, на севере – Фокейские. На западе равнину замыкали два горных хребта – Геликон и Киферон. В древности Геликон был чрезвычайно живописен. Его склоны покрывали рощи ореховых, оливковых деревьев, а также миндаля. Группы дубов и вечно зеленых кустарников украшали его равнины. По берегам потоков, спадавших блестящими каскадами, цвели олеандры и мирт. Совсем другой вид имел Киферон, по отвесным склонам которого поднимались рощи мрачных кипарисов и пиний.

В отличие от Арголиды и некоторых других засушливых областей Греции, Беотия была в изобилии снабжена водой. Самая крупная река – Кефис – брала начало в Фокейских горах и впадала в большое Копайдское озеро. Две другие реки – Пермесс и Ольмей – стекали с Геликона, сливались друг с другом и впадали в то же Копайдское озеро. Таким образом, оно собирало в себя все воды Беотии. Помимо Копайдского существовали и другие полноводные озера. Весной реки широко разливались и затопляли соседние равнины. В некоторых местах вода застаивалась до конца лета, образуя болота. Но большая часть долин успевала просохнуть к концу весны, и благодаря плодородию их земли возделывалась разными способами. Расположенные на востоке горы мешали естественному стоку воды из озер. Ее излишки уходили в море через подземные каналы. Когда они по каким-либо причинам засорялись, начинался быстрый разлив озер. Не раз бывало так, что озера поглощали не только соседние города, но и целые области. После очистки каналов долины снова освобождались от водяного покрова. В результате по одним и тем же местам в разное время можно было то плыть на лодке, то идти пешком, а одни и те же города лежали то на озере, то вдали от него.

Первыми жителями Беотии считаются локры. Затем сюда переселились родственные грекам племена гигантов и аонов.

8) Аттика

Что касается Аттики, то эта область имеет форму треугольника, основание которого прилегало на севере к Беотии, а две стороны омывались с востока и запада морем. Будучи самой засушливой частью Греции, афинская равнина – Педион – летом совершенно выжигалась солнцем. Одна из речек, протекавшая по ней – Илис – пересыхала, а другая – Кефис – не доносила вод до моря, так как запасы ее воды полностью расходовались на орошение. Земли, годные для обработки, имелись только вблизи трех городов – Афин. Элевсина и Марафона.

Скудость почвы несколько компенсировалась богатством недр полуострова. Горы Пенталикон и Гиметт, лежащие неподалеку от Афин, славились превосходными мраморными каменоломнями, а Гиметт – еще и своим медом. На юго-восточной оконечности Аттики находилась гора Лаврион, вблизи которой располагались знаменитые серебряные рудники. Сам город Афины представлял собой скалу Акрополя, возвышавшуюся среди равнины и окруженную строениями. С трех сторон скала Акрополя была отвесна и имела сравнительно пологий склон только на западе. Подобно всем древним городам Греции, Афины находились на некотором удалении от моря. Их якорной стоянкой была гавань Фалерон, отлогий песчаный берег которой хорошо защищали от ветра выступающие с двух сторон мысы.

9) Мегарида

К югу от Аттики в древности располагалась Мегарская область. От лежащей на юге Коринфии она отделялась поперечным хребтом, а от находившейся севернее Аттики – труднопроходимыми Скироновыми скалами. Вся страна мегарцев имела скудную почву. Большая ее часть была занята, так называемыми, Онейскими горами – горным хребтом, который простирается от Скироновых скал до Беотии и Киферона. Скироновы скалы не оставляют прохода

вдоль моря, поэтому дорога от Истма к Мегарам и Аттике пролегла над ними. Причем она настолько близко подходила к скалам, что во многих местах шла по краю обрыва, поскольку гора, возвышавшаяся над ней, была непроходима и высока. За Скироновыми скалами выдается в море мыс Миноя. Он образует гавань в Нисее, которая являлась главной якорной стоянкой мегарцев.

Первоначальным населением в Мегариде были лелеги, а в Аттике – пеласги.

10) Коринфия

Выше уже говорилось, что Пелопоннес связывает с материком узкий перешеек – Истм. Южную половину Истма в древности занимала область, получившая по своему главному городу – Коринфу – наименование Коринфии. Почва здесь была не очень плодородной, земля – неровной и скалистой. Тем не менее, из-за ее торговли древнегреческие поэты называли столицу Коринфии «богатым» городом. Действительно, Коринф имел чрезвычайно выгодное местоположение, так как располагался в самом узком месте перешейка по соседству с двумя гаванями, из которых одна (Кенхрей) была направлена в сторону Азии, а другая (Лехей) – в сторону Италии. Это облегчало обмен товарами из обеих стран, столь далеко отстоящих друг от друга. Ведь в древности открытые моря были чрезвычайно неблагоприятны для плавания. Особенной дурной славой пользовалось море, омывавшее южные берега Пелопоннеса, поскольку здесь постоянно дули сильные и переменчивые ветра. Купцам, независимо от того, откуда они прибывали – из Италии или из Азии – было приятнее, избегнув плавания вокруг Пелопоннеса, выгрузить свои товары в Коринфии, доставить их посуху до противоположной гавани и дальше плыть на другом корабле. Коринфяне ввозили пошлины на ввоз и вывоз товаров и таким образом получали значительные доходы.

Город Коринф был расположен на плодородной равнине у подножья Акрокоринфа – высокой отвесной горы, оканчивавшейся острой вершиной.

11) Области Пелопоннеса

Большая часть греческих мифов связана с Пелопоннесом. Этот полуостров, напоминавший своей фигурой лист платанового дерева, делился в древности на шесть изолированных областей. Западную его часть занимали Элида и Мессения. Непосредственно рядом с Элидой располагалась Иония. Область эта была обращена на север, тянулась вдоль Коринфского залива и оканчивалась у города Сикиона. На юге после Мессении шли Лаконика и Аргонида. Внутри полуострова находилась лесистая Аркадия, большая часть которой располагалась на волнистом плоскогорье, изрезанном долинами рек.

12) Элида

Элида располагалась на западе Пелопоннеса. В древние времена она делилась на несколько областей. Самая лучшая и плодородная ее часть, орошаемая двумя большими реками – Алфеем и Пенеем, называлась Келеэлидой (то есть, «расположенной в углублении изменностью»), так как находилась во впадине. Здешние пастбища считались лучшими во всем Пелопоннесе. Южнее располагались Писатида и Кавкония, бывшие в древности местом обитания самостоятельных племен. В Писатиде жили писаты, а в Кавконии – кавконы. Оба этих народа древние греческие авторы считали родственными пеласгам. Позже, после переселения греков, южнее Келеэлиды образовалась еще одна область – Трифилия.

13) Мессения

Мессения представляла собой обширную равнину, омываемую с запада водами дождливого Ионического моря. Только в центральной части ее поднималась большим седлом гора ИФОМА (802 м над уровнем моря). Мессения славилась своей красотой и плодородием. Древнегреческий поэт Еврипид так писал о ней: «...плодородная, струей потоков орошенная бесчисленных, воловьим и овечьим изобильна пастбищем, и от порывов зимних бурь не холодная, и колесницей Феба сильно не палимая».

Если граница между Элидой и Мессенией являлась во многом условной, то сообщение между ней и Лаконикой было очень затруднительным, поскольку две эти области словно каменная стена разделяла гора ТАЙГЕТ. Путь из Мессении в Лаконику проходил через горный перевал на высоте около 1440 м над уровнем моря.

14) Лаконика

Лаконикой или Лакедемоном называли область на юго-востоке Пелопоннеса, граничившую с благодатной Мессенией. Однако природа была к ней далеко не так благосклонна! Один из греческих поэтов так писал про Лаконику: «В ней много пашни и нелегкой для труда. Лежит она глубоко среди гор, скалиста, зато и недоступна для набегов вражеских». Действительно, Лаконика представляет собой углубленную долину, по которой несет свои стремительные воды река Эврот. На правом берегу реки, в центре долины на гряде низких холмов, поднимавшихся почти непосредственно над рекой, находилась древняя столица страны – город Спарта, возникший еще в догреческие времена. С запада долину окаймляет высокий и скалистый горный хребет Тайгет, а с востока другой хребет – Парнон. Горы Тайгета, сверкающие на солнце пятью снежными вершинами, уходят от долины вверх мощными террасами. В центральной части Тайгет достигает своей максимальной высоты (2400 м). Северными отрогами он соприкасается с подошвами Аркадских гор, а его южная оконечность образует обрывистый утес Фриды, омываемый водами Мессенского и Лаконского заливов. Здесь находились самые удобные гавани Лаконики. Подобно Тайгету, Парнон заканчивается на юге далеко уходящим в море утесом Малей. Берега Аркадского залива, к северу от Малей на значительном расстоянии обрывисты и скалисты, однако и там встречаются хорошие якорные стоянки и гавани.

В древности склоны гор хорошо орошались многочисленными источниками. Верхний пояс Тайгета покрывали заросли дуба, орешника, каштанов и кипарисов. Над ними, на высоте более 1 км, поднимались к вершинам еловые и пихтовые леса. За лесами начинались луга с пышной растительностью, в над лугами ярко вырисовывались зубцы обнаженных вершин, большую часть года покрытых снегом. В лесах во множестве водились дикие козы, кабаны и медведи. Область Тайгета была известна частыми и сильными землетрясениями. Местность перерезали глубокие трещины, овраги, тут и там возвышались нагромождения огромных каменных глыб.

15) Арголида

Самая знаменитая область героической эпохи – Арголида – располагалась на северо-востоке Пелопоннеса. С трех сторон она была окружена горами и открывалась к морю только с юга. В центральной части Арголида представляла собой холмистую, пересеченную горными кряжами равнину, которая по сей день считается очень сухой и бесплодной. Все ее реки в жару пересыхают и большую часть года безводны. Условия для успешного развития земледелия

лия существовали прежде только в западной части Арголиды, где протекает бурный Инах – самая крупная река области, имеющая истоки в Аркадии. Здесь и располагался главный город страны – Аргос.

16) Греческие народности

В древности греческий народ делился на четыре близкородственные народности: дорийцев, ионийцев, ахейцев и эолийцев. Каждая из них говорила на особом диалекте греческого языка и имела свои культурные особенности. Проникновение греков на юг Балканского полуострова было длительным процессом и проходило в несколько этапов. Первыми, еще в XX–XVI вв. до Р.Х., здесь расселились эолийцы, ионийцы и ахейцы. При этом эолицы заняли Северную Грецию, а ионийцы – Аттику. Истм и часть Пелопоннеса, прилегающая к перешейку, также принадлежала ионийцам, на остальной территории полуострова обитали ахейцы.

В XVI–XII вв. до Р.Х. все эти народности переживали высокий культурный подъем. Тогда на территории Греции существовало несколько больших и малых царств. Самыми могущественными из них были Микенское царство в Арголиде, Афинское царство в Аттике, Фиванское царство в Беотии, Иолкское и Фтийское царства в Северной Греции, а также Спартанское царство в Лаконике и Пилосское – в Мессении. Никаких достоверных исторических известий об этой далекой поре до нас не дошло. Глухие отголоски событий тех лет донесли до нас только греческие мифы.

2. Древнейшая Греция

1) Центры догреческой культуры

Важные центры догреческой культуры располагались прежде всего на Кикладских островах. В каменном веке этот архипелаг был довольно слабо заселен. Многочисленное население, уже знакомое с металлами, появляется здесь только в начале III тыс. до Р.Х. Нам не известно на каком языке говорили первые островитяне, но переселились они сюда, по-видимому, из Малой Азии. Тогда же значительно увеличилось количество поселений на Крите. В дальнейшем население Киклад продолжало расти, и если в начале III тыс. до Р.Х. была заселена лишь пятая часть архипелага, то к концу того же III тыс. обитаемыми были три четверти всех островов.

Время наивысшего расцвета островной культуры падает на XXV–XXIII вв. до Р.Х. Некоторые города, относящиеся к этой эпохе, уже раскопаны археологами, другие еще ждут своих исследователей. Одно из древнейших поселений обнаружено возле Ферми на острове Лесбос. Первые жители появились здесь в XXXII в. до Р.Х. Они были мирными пастухами и жили в хорошо построенных каменных домах значительного размера и тесно примыкавших друг к другу. Их город, поначалу не имевший никаких укреплений, состоял из нескольких узеньких мощеных улиц, образованных непрерывным рядом стен. Лесбосцы владели обычными домашними животными: козами, свиньями, небольшими собаками и, вероятно, быками. Свои запасы они пополняли за счет охоты и рыбной ловли. Возможно, они занимались также земледелием, выращивая зерно для хлеба, который выпекали потом в своих печах. Из металлов они знали только медь. Позже город был обнесен массивными оборонительными стенами.

Не менее интересен другой город, открытый на острове Лемнос, также достигший своего расцвета в 2500–2200 гг. до Р.Х. Он делился на правильные кварталы, между которыми пролегали широкие улицы, по большей части мощенные. Дома имели большие залы, внутренние дворики, многочисленные жилые помещения и кладовые. Судя по тому, что археологи обнаружили печи с духовками и ванные комнаты, облицованные красивой плиткой, местные жители отличались тонким вкусом и любовью к комфорту. Город был окружен высокой стеной с мощными башнями. Остатки древних городов обнаружены также на островах Сирос, Парос, Мелос, Накос, Делос, Кеос и некоторых других. Все эти древние центры погибли в огне пожаров или были заброшены в XXIII в. до Р.Х.

Что касается южной части Балканского полуострова, то местное население в то время, видимо, отставало в своем развитии от жителей Киклад. Городов здесь было сравнительно мало. Самые крупные из них обнаружены на Пелопоннесе вблизи позднейшей Лерны и на Истме, неподалеку от позднейшего Коринфа. Город вблизи Лерны существовал в 2400–2200 гг. до Р.Х. Это была сильная крепость с двойным кольцом стен, башнями и воротами. В конце XXIII в. до Р.Х. местный правитель начал возводить величественный дворец, но не успел его завершить, так как город был захвачен врагами и разрушен. Примерно в то же время погиб город на Истме.

2) Переселение народов

Из нашего рассказа видно, что XXIII век до Р.Х. стал роковым для большинства городских центров догреческой эпохи. Многие из них погибли, другие пришли в упадок и обезлюдели. Историки давно обратили внимание на эту крупномасштабную катастрофу и связали ее с массовым перемещением племен, охватившем в конце III тыс. до Р.Х. все Восточное Сре-

диземноморье. Многие детали этого грандиозного переселения народов нам неизвестны, но в общих чертах его картину можно изобразить следующим образом.

Считается, что в III тыс. до Р.Х. ни Европа, ни Азия еще не имели того населения, которое мы застаем здесь в историческое время. Так предки греков, македонцев, фракийцев, фригийцев и, возможно, армян жили, по-видимому, в южнорусских степях в междуречье Дона и Днепра, а предки лувийцев – в Причерноморье, севернее Дуная. В то время это были близкородственные народы, говорившие на близких языках или даже на диалектах одного языка. Около 2300 г. до Р.Х. началось продвижение греков, македонцев и фракийцев на север Балканского полуострова – на территорию позднейшего Эпира и Македонии. Тогда же снялись с насиженных мест воинственные лувийцы, которые двинулись на восток, в Азию. Весь путь их движения был отмечен волной разрушений. Основные массы пришельцев расселились в западных районах Малой Азии. (Потомками этих переселенцев историки считают ликийцев, киликийцев и некоторые другие народы, известные нам по позднейшим источникам). Но какие-то группы лувийцев, продвигаясь от одного острова к другому, завоевали весь Кикладский архипелаг, а затем вторглись на юг Балканского полуострова. Свидетельством их перемещения стали многочисленные разрушения, речь о которых шла выше. Потомки этих лувийцев стали родоначальниками двух близких по языку народов: карийцев, заселивших острова Эгейского моря, и лелегов, расселившихся в различных районах материковой Греции между пеласгами. Особой ветвью лелегов древнегреческие историки считали племя локров.

Собственно греки стали переселяться из северной части Балканского полуострова на территорию своей новой родины только в XX в. до Р.Х. Расселение их, по всей видимости, проходило мирно. По крайней мере археологи не отмечают в это время следов массовых разрушений, подобных тем, что имели место тремя столетиями раньше.

3. Критская цивилизация

1) Остров Крит

Самым южным и большим островом, замыкающим Эгейский архипелаг, является Крит. В центральной части он разделен высоким горным хребтом Левка, который тянется с запада на восток. Посередине острова, в месте его наибольшей ширины (57 км), поднимается величественный массив горы Ида (2450 м над уровнем моря), вершина которой большую часть года покрыта снегом. В древности на ее склонах рос густой лес. На юго-востоке от Иды расположена самая большая равнина острова – Мессара, хорошо орошаемая непересыхающими горными реками. Именно здесь проживает большая часть населения острова. В своей западной части Крит, напротив, труднодоступен, пустынен и дик. Берег представляет из себя сплошной массив обрывистых утесов, так что в штормовую погоду тут негде укрыться от ярости волн. Зато северное побережье имеет много хороших гаваней.

В 3 тыс. до Р.Х. население Крита значительно уступало по своему развитию и численности Кикладской Греции. Еще в начале этого тысячелетия значительная часть критян ютилась в горных пещерах или легких тростниковых хижинах. Интенсивное строительство началось на острове только после 2400 г. до Р.Х., когда возникли главные критские города Кносс и Фест. Разрушительное нашествие племен, погубившее в XXIII в. до Р.Х. высокую культуру Кикладского архипелага, не задело Крита. Возможно даже, что многие островитяне, не дожидаясь врага, бежали на Крит и обрели здесь новую родину. Вскоре этот густонаселенный остров превратился в один из самых оживленных перекрестков Древнего мира.

2) Дворцы Крита

В 4 км от северного побережья острова, в живописной долине у подножья горы Юктас, современным туристам показывают развалины огромного древнего дворца, площадью около 16 тыс. кв. м. И хотя от этого сооружения сохранился один фундамент или, в лучшем случае, кладка первого этажа, впечатление грандиозности и суровой стройности, присущее ему в прошлом, не пропало. Планировка дворца кажется необычной: поражает бесконечная вереница следующих друг за другом помещений – запутанных узких коридоров, лестниц, внутренних двориков, больших и малых зал, крытых и открытых переходов. Для человека непосвященного в тайны его жизни, этот дворец должен был казаться настоящим лабиринтом. Кстати, возможно, что в древности он именно так и назывался. (Считается, что слово «лабиринт», перешедшее во все европейские языки из греческого, происходило от критского «лабрис» – так именовался священный символ древних критян в виде двойной секиры, изображение которой встречалось во многих местах. Приезжим с материка грекам критский дворец-лабиринт представлялся сооружением столь запутанным, что его название стало позже словом, обозначающим место бесконечных блужданий). В Кноссе располагался самый большой лабиринт. Но кроме него существовало еще три: в Фесте, в Маллии и Като Закро. Строительство подобных сооружений является самой яркой особенностью самобытной критской культуры, ибо ничего подобного не существовало в Древней Греции ни до, ни после.

Конечно, у критян не сразу появились такие большие здания. Археологам удалось открыть остатки ранних дворцов, возведенных около 2000 г. до Р.Х. Сейчас трудно понять, что заставило жителей острова взяться за их постройку. Но, наверно, причина была немаловажной, так как последующие 500 лет они, не считаясь ни с какими затратами, продолжали ревностно

трудиться над их улучшением и расширением. Около 1700 г. до Р.Х. Крит пережил разрушительное землетрясение, обратившее все дворцы в руины. Однако прошло всего несколько лет, и они были отстроены вновь. Зная о примитивном уровне тогдашней техники, легко представить каких трудов это стоило. Может быть, не щадя ни сил, ни средств, на стройке трудились все жители острова. Результатом их общих усилий стало появление новых дворцов, которые намного превзошли старые своими размерами и красотой.

Вообще, XVII в. до Р.Х. представляется эпохой высочайшего развития местной культуры. Крит был в то время богатым процветающим островом, с многочисленным населением. Археологи полагают, что на острове существовало тогда около 300 больших сел и городов с общим населением в 250 тыс. чел. Около трети всех критян – до 80 тыс. – проживало в столичном Кноссе. Учитывая небольшую площадь города, можно предположить, что здесь было достаточно тесно. Кносс представлял собой скопление складов, шумных мастерских, просторных общественных зданий и пышных святилищ. Во время раскопок археологи находят изображения домов в два, три и даже четыре этажа, иной раз с чердаком или башенкой. Видимо, многоэтажные дома, тесно соприкасающиеся своими стенами, были для Кносса обычным явлением. По узким мощенным улочкам можно было добраться до центральной части города, где возвышался большой четырехэтажный дворец.

Центром дворцового ансамбля служил просторный внутренний двор, вымощенный каменными плитами, окруженный портиками и галереями. Размеры его во всех критских дворцах одинаковы – длина около 52 м, ширина – 24 м. Со двора можно было по широкой лестнице подняться в тронный зал. Тут находился трон с высокой спинкой, по обе стороны от которого вдоль стен стояли гипсовые скамьи. О других деталях обстановки можно теперь только догадываться, но, судя по всему, она была богатой и изящной. На стенах зала сохранились фрески. На одной из них на красном фоне изображены два лежащих грифона – полуорла, полульва, их лапы вытянуты вперед, головы гордо подняты. Между фигурами грифонов – гибкие стебли папируса.

Обитатели дворца умели и любили окружать себя комфортом. На всех жилых помещениях лежит печать уюта и благоденствия. Многие из них украшала алебастровая облицовка, а оштукатуренные стены покрывала красочная роспись. Внутренние покои были просторными и удобными. Портики с колоннами позволяли в тайне от посторонних взглядов совершать прогулки по открытым террасам. Древние критские архитекторы нашли оригинальный способ освещения дворцовых помещений – солнечный свет проникал в них через специальные световые колодцы, пронизывающие здание от крыши до самых нижних этажей. Система водоснабжения и канализации также была прекрасно продумана. Для этой цели служили обложенные камнем шахты и глиняные трубы. По одним во дворец доставлялась свежая вода, по другим – отводилась использованная.

Из всего сказанного видно, что жить во дворце было приятно и удобно. Однако этим далеко не исчерпывались роль и значение этого огромного сооружения. Уже давно замечено, что многие из его помещений были нежилыми и служили для складирования самых разнообразных товаров. Так археологи открыли длинный коридор, тянувшийся вдоль западных стен дворца. Из него шли двери в 18 вместительных кладовых. Кое-где вдоль стен и по сей день стоят огромные, в рост человека, сосуды – пифосы. В древности они были заполнены зерном или маслом. Археологи установили, что на дворцовых складах находилось большое количество ремесленных изделий, оружия и высококачественной керамики. Большая часть сосудов изготавливалась здесь же, в дворцовых мастерских. Едва ли можно поверить, что все эти огромные запасы предназначались для нужд обитателей дворца. Скорее они приготавливались для продажи. Итак, оказывается, что дворец служил не только резиденцией правителей, но был также сосредоточием критского ремесла и торговли. Другими словами, здесь находился центр не только политической, но и хозяйственной жизни острова. Однако и это не все. С каждым

годом археологи все больше убеждаются в том, что критские дворцы имели еще одно важное назначение – религиозное. Но прежде, чем говорить об этой стороне жизни критян, следует познакомиться с ними поближе.

3) Обитатели и обительницы критских дворцов

Одним из достижений критской культуры стало создание оригинальной письменности. В распоряжении ученых есть достаточно много глиняных табличек с критскими письменами, но, увы, они пока не прочитаны, поскольку не известен язык, на котором говорили древние критяне. Однако у нас есть другая возможность заглянуть в эту далекую эпоху – ее дают нам прекрасные критские фрески. Обычай украшать свои жилища настенной живописью появился на Крите в XVII в. до Р.Х. Поначалу художники изображали растительные мотивы и животных. Потом на фресках появляются изображения человека и различные жанровые сценки из жизни критского общества. Мы видим на них мужчин и женщин невысокого роста, изящного и гибкого телосложения. Мужчины загорелые и румяные, а женщины, напротив, белокожие, так как тщательно оберегают себя от жгучих лучей южного солнца. Нет сомнения, что критские "придворные дамы" много времени уделяли своей красоте. Во дворце имелись особые комнаты, где они могли наряжаться и прихорашиваться. В их распоряжении были бронзовые зеркала с ручками, деревянные и слоновой кости гребни, прекрасные ювелирные украшения и разнообразные притирания, при помощи которых можно было подчеркнуть алость губ или белизну щек. Особое внимание уделялось одежде. Основной женский костюм состоял из корсажа с глубоким вырезом и длинной оборчатой юбки. Но никакого однообразия не было. Одежды различались деталями и отделкой: иногда их украшал геометрический узор, иногда – причудливые животные, возможно вышитые. Основной тканью являлась шерсть, но несомненно в ходу был и лен, возможно, ввезенный из Египта. Красящие вещества в изобилии добывались из различных минералов и растений. Прически отличались разнообразием. Одни кокетки оставляли возле ушей завитки, другие очень высоко зачесывали волосы и поддерживали их лентами, диадемами, волосными сетками и шпильками. Некоторые носили изящные шляпки. Мужчины не были так изысканы. Обычно они не носили никакой одежды выше талии, ограничиваясь короткой юбкой или набедренной повязкой. Только зимой они надевали длинную верхнюю одежду из шерсти. Мужской головной убор чем-то напоминал восточные тюрбаны позднейших времен.

Жизнь во дворце была заполнена торжественными церемониями и разнообразными развлечениями. Вот одна из зарисовок: вокруг здания, весьма сходного со святилищем Кносского дворца, собралось множество зрителей. В центре фрески изображены придворные дамы, сидящие в непринужденных позах, в нарядных голубых, желтых и красных платьях; ожерелья и диадемы дополняют наряд. У них красивые прически: волосы спадают локонами на плечи. Видно, что зрелище мало их занимает; они весело болтают между собой. Еще более нарядно одеты женщины на другой фреске, известной под названием "дамы в голубом": на них расшитые, глубоко декольтированные платья, богатые ожерелья, браслеты. Кокетливые локоны спускаются на лоб и шею; в волосах нитки жемчуга. Обе веселы и оживлены. Сохранилась фреска, на которой нарисована знатная дама в носилках; ее несут четверо слуг. Следует особо подчеркнуть, что на всех фресках женщины предстают деятельными и независимыми, можно предположить, что в своей повседневной жизни они пользовались уважением и свободой.

Возникает вопрос: действительно ли жизнь обитателей дворца была такой богатой и беспечной, какой запечатлели ее художники? Пока у нас нет оснований сомневаться в этом. Дорогое оружие и золотые украшения, найденные в Малии, Фесте и других местах острова, очень сходны с теми, что изображены на фресках, это подтверждает их жизненную правдивость. О богатстве и комфорте свидетельствует обстановка домов критской знати, которые располага-

лись неподалеку от дворца и в миниатюре копировали дворцовую архитектуру. Например один из таких домов (археологи назвали его "южный дом") имел три этажа и много комнат, в том числе приемный зал, площадку для совершения очищений, спальни, а также погреба и кладовые. Бронзовые засовы, глубоко входящие в дверные гипсовые косяки, надежно защищали хранившиеся в них продовольственные запасы, бронзовое оружие и красивые сосуды.

4) Религия критян

Находки археологов позволяют утверждать, что древние критяне были очень религиозным народом. Они верили в то, что весь природный мир пронизан духами и старались умиротворить их разнообразными магическими действиями. Например, пещеры позволяли им торжественно общаться с подземными богами и силами тьмы. В тридцати скальных нишах на Крите было найдено бесчисленное множество глиняных приношений, сложенных в сырых и неуютных тайниках. В то же время почитались горные пики. Некоторые горные вершины острова были буквально усыпаны терракотовыми приношениями. Среди них находят человеческие фигурки в молитвенной позе, но в большинстве своем это грубоватые изображения коз и овец. Есть здесь и глиняные изображения различных частей тела: это говорит о том, что дары предназначались божеству-целителю. На некоторых фресках можно видеть изображения религиозных обрядов, совершаемых в священных рощах. Сложные религиозные церемонии сопровождались танцами и музыкой. Одна из таких церемоний изображена на фреске в Кносском дворце: юноши несут сосуды, девушки – музыкальные инструменты; в центре шествия – фигура жрицы с двойной секирой-лабирисом.

Особенно чтили критяне Великую богиню. Обнаружено огромное количество ее изваяний – больших и малых. Возможно, в каждой семье был свой маленький идол, которому приносились жертвы. Критяне верили, что Великая богиня царствует над всей природой – над растениями и животными, над небесным громом, дождем и даже самим плодородием. Была ли она единственным божеством или могла принимать различные облики – определить невозможно, так как не существует текстов, которые по прошествии тысячелетий объяснили бы точный смысл скульптур и других изображений, представляющих ее в самых разных видах, одеяниях и покровах. (Очень часто ее изображали со змеями в руках). Надо заметить, что Крит не единственное место, где почитали Великую богиню. Культ ее был распространен по всему Восточному Средиземноморью еще с эпохи каменного века.

Вместе с тем огромную роль в религии критян играл культ быка. Многочисленные изображения этого животного встречаются на фресках кносского дворца. Почти в каждом критском святилище археологи находят священные бычьи рога – ими обычно увенчивали жертвенники. Изображения рогов помещали и над самими святилищами. Огромные быки были неизменными участниками религиозных праздников и опасных состязаний. Уже сама поимка этих могучих животных являлась рискованным и непростым делом. Отважные юноши выходили против диких быков, не имея никакого оружия, только с сетями. На одном из древних критских кубков изображена сцена охоты. В центре нее бык, вырывающийся из сетей. Справа от него – другой разъяренный бык; он сбрасывает с себя охотника и пытается расправиться с его сотоварищем, крепко обхватившим бычьи рога ногами. Третий бык спасается бегством.

Но самые необычайные представления с участием быков разыгрывались в сердце критских дворцов-лабиринтов, на тех просторных внутренних дворах, речь о которых шла выше. Суть этой увлекательной и смертельно опасной игры заключалась в следующем: исполнив некую акробатическую пляску вокруг быка, отважные юноши и девушки совершали затем головокружительные прыжки и скачки через рога животного и над его спиной. Сцены, изображающие этот обряд, археологи находят буквально повсюду: на фресках, на печатях, на каменных и глиняных сосудах. Это был один из излюбленных мотивов критского искусства, и, по-

видимому, любимое зрелище критян той эпохи. И действительно, состязание отважного человека с могучим и неукротимым животным должно было выглядеть очень впечатляюще. Игра, вероятно, заканчивалась закланием (жертвоприношением) побежденного быка. Возможно, с этим обрядом заклания был связан культ лабриса – двойного топора-секиры. Полагают, что первоначально это был топор для жертвоприношений, но потом священный лабрис сам сделался объектом поклонения. Секира фигурирует на многих фресках Крита, ее несут в священных процессиях девушки, знаками священной секиры покрыты колонны в святилище Кносса и стенки глиняных сосудов.

Скорее всего, игры с быками, являлись не единственным священным действием, происходившим внутри дворца-лабиринта. Многие историки в настоящее время считают, что дворец на самом деле являлся огромным храмом, своего рода сценой и декорацией для сложных ритуальных представлений, разыгрывавшихся в его дворах, коридорах и внутренних покоях. При этом участниками их была не только знать, но и простые люди. Возможно, это действие включало в себя длительное движение процессии по бесконечным коридорам дворца, постоянные переходы из тьмы на свет и обратно, а также всевозможные испытания, которым подвергались участники шествия. При современном уровне наших знаний трудно утверждать определенно так это было или иначе. Но вот что кажется несомненным: огромные критские дворцы могли быть возведены лишь при добровольном участии всего населения острова, которое считало дворец домом богини, а правителей острова – ее служителями и жрецами.

5) Кто правил Критом?

Раскопки показали, что древние критские города не имели укреплений. Это свидетельствует в пользу того, что остров являлся единым государством. Здесь не происходило внутренних военных столкновений, а внешних врагов критяне не боялись так как обладали самым сильным на Средиземном море военным флотом. Однако по сей день остается неясным, кто же стоял во главе этого государства. Один из главных наших источников о жизни критского общества – фрески, хранят на этот счет полное молчание. Ни на одной из них нет изображения царя. Сам по себе этот факт очень многозначителен. Возникает вопрос: был ли вообще на Крите царь? Многие историки отвечают на него отрицательно. Они указывают на важную роль жрецов в жизни критского общества и считают очень вероятным, что верховная власть находилась в их руках. Но каким образом осуществлялась эта власть – была она выборной или наследственной, единоличной или коллегиальной (коллективной) – нам неизвестно. Нет ничего невозможного в том, что островом правила женщина – главная жрица Великой богини.

6) Критская морская держава

Критяне были искусными рыболовами и опытными мореходами-торговцами. О хорошем знакомстве с морем говорит даже их утварь, которую часто и с большим знанием дела украшали изображениями осьминогов, дельфинов, наутилусов, моллюсков, кораллов и других обитателей морских глубин. Из кипарисов, что в изобилии росли на острове, критяне строили весельные и парусные корабли, обладавшие прекрасными мореходными качествами. Судя по рисункам, многие из них имели палубы, каюты и мостики. Нос боевых кораблей делали высоким; на конце его находился таран. Строились также вместительные грузовые суда. Длина больших кораблей достигала 30 м, команда вместе с гребцами насчитывала несколько десятков человек. О большом размахе морской торговли мы можем судить по тому, что изделия критских мастеров находят по всему средиземноморскому побережью. Особенно много их в Египте. За морем высоко ценились изящные критские вазы, со стенками не толще яичной

скорлупы. Кроме того большие доходы приносила критянам торговля тканями, древесиной и оливковым маслом.

В годы своего расцвета Крит бесспорно занимал господствующее положение во всей островной Греции. Критяне держали в своих руках морскую торговлю и активно колонизировали острова Эгейского моря. Колонии критян располагались на соседних островах: Фере, Мелосе, Родосе, Кифере, на ряде других островов, а также на побережье Малой Азии, в районе позднейшего Милета. С критской колонизацией, по-видимому, связано новое оживление городской жизни на Кикладских островах, которое отмечается в XVII в. до Р.Х. Тогда здесь расширяются старые поселения и возникает много новых.

Благодаря масштабным археологическим раскопкам на острове Фера мы можем достаточно хорошо представить себе как протекала жизнь в одной из важнейших критских колоний. Пусть сам остров Фера был небольших размеров, зато его порт занимал внушительную площадь. Неподалеку от гавани возвышались большие, прочные дома поднимавшиеся в высоту на два, три, а иногда, может быть, и четыре этажа. Сам город представлял собой лабиринт узких кривых улиц, которые вели к маленьким причудливой формы площадям. Но внутри своих домов горожане наслаждались привольной жизнью. Просторные комнаты заливал свет, падавший из больших окон. Покои были уставлены изящной деревянной мебелью. Неотъемлемой частью дома являлись ванны комнаты с терракотовыми ваннами. Уборные находились на втором этаже и с помощью глиняных труб, встроенных в толстые стены, соединялись с хитроумной системой сточных каналов, проходивших под городскими улицами. В одном из домов археологи открыли живописный миниатюрный фриз с изображением морской экспедиции, во многом подтверждающий данные раскопок. Помимо всего прочего здесь с массой деталей и мелких подробностей показаны два поселения. Хорошо видны высокие, похожие на башни дома, компактно сгруппированные на небольшом пространстве. Они имеют плоские крыши (на которых собрались жители, наблюдающие за отплытием флота), большие окна, закрытые решетчатыми ставнями, просторные веранды и балконы.

7) Гибель критского государства

Наблюдения археологов свидетельствуют о том, что критская культура в XVII в. до Р.Х. переживала период подъема. Ничего не предвещало скорого заката и краха критского могущества, которые последовали в XVI–XV в. до Р.Х. Каковы были их причины? Историки до сих пор не пришли по этому вопросу к единому мнению, но большинство сходится на том, что не последнюю роль сыграли здесь страшные природные катаклизмы. Все началось с землетрясения, разразившегося около 1580 г. до Р.Х. По своей разрушительной силе оно не уступало землетрясению 1700 г. Большинство дворцов вновь обратились в руины. Уцелел только один из них – в Фесте. Возможно, на прибрежные районы острова обрушилась гигантская волна, уничтожившая большую часть критского флота. Впрочем, удар этот не был смертельным. Спустя несколько лет критяне вновь стали отстраивать дворцы, но восстановить их до конца не успели. Между 1520 и 1510 гг. до Р.Х. проснулся вулкан на острове Фера. Уже первое его извержение носило разрушительный характер и следы его видны не только на самой Фере, но и на расположенном неподалеку Крите. Второе извержение было во много раз более мощным. Археологи внимательно изучили слои вулканического пепла, покрывающего в настоящее время Феру, и установили, что между двумя извержениями прошло около полувека. То есть новая катастрофа разразилась между 1470 и 1450 гг. до Р.Х. Ее масштабы кажутся теперь невероятными и можно смело утверждать, что вблизи берегов Крита разверзся подлинный ад. Остров Фера с возвышавшимся на нем конусом вулкана, высотой более 1000 м над уровнем моря, оказался в результате извержения расколотым на несколько частей. Сам вулкан провалился в глубину моря и был затоплен водой. Катаклизм сопровождался взрывом чудовищной

силы и выбросом колоссального количества пепла. Обследование морского дна вокруг Феры показало, что наиболее мощный слой залегания пепла (более 2 м) найден к юго-востоку от острова. Это означает, что пепельный ураган и гигантское цунами неслись на юго-восток, в сторону Крита. Тысячи и тысячи тонн пепла должны были засыпать остров, нанести большой урон его растительности и вызвать голод. Результаты раскопок свидетельствуют, что между 1470 г. и 1450 гг. все критские дворцы, кроме кносского, погибли в огне, а заодно с ними – окрестные города и все виллы. В ту же пору были заброшены заморские колонии критянок. Ни один из разрушенных дворцов не был позже восстановлен. И это понятно, так как в это время на острове уже властвовали иноземцы. То были греки с материка. По всей видимости, они воспользовались хаосом и неразберихой, царившими среди критянок после катастрофы, и утвердили над ними свою власть.

8) Греческое завоевание Крита. Минос

Греческие мифы о завоевании Крита упоминают лишь мимоходом. Согласно традиции, власть греков над островом установил Тектам, сын Дора, который вторгся сюда во главе большого войска, состоявшего из эолийцев и пеласгов. После Тектама царскую власть наследовал сын Астерий, а потом его пасынок Минос. Его правление было славным и блестящим. По свидетельству греческих историков, он построил большой флот, установил свою власть над Кикладскими островами и основал на многих из них колонии. Живших на островах карийцев он изгнал в Малую Азию, так как все они занимались разбоем и наводили ужас на греческие города. Именно благодаря Миносу мореходство в Эгейском море сделалось более оживленным.

Таковы свидетельства преданий. Древние мифы знают только одного критского царя по имени Минос. Однако позже древнегреческие историки, высчитывая даты различных событий мифологической истории, заметили явное несоответствие в счете лет. Объясняется оно очень просто – на самом деле на Крите правил не один Минос, а как минимум два царя, носивших это имя. Оба они были знамениты среди современников, и в дальнейшем их образы слились в народной памяти. Тот Минос, сын Зевса, с царствованием которого связывают возрождение морского могущества Крита, правил в конце XV – начале XIV в. до Р.Х. Второй Минос, сын Ликаста, герой известного мифа о Минотавре, занимал престол столетием позже – в середине XIII в. до Р.Х.

Теперь попытаемся сопоставить сообщения мифов с данными археологии. Раскопки свидетельствуют в пользу того, что греки захватили Крит где-то между 1470 и 1450 гг. до Р.Х. Именно с этого времени археологи начинают находить в гробницах греческое оружие и нетипичную для Крита посуду. В течение нескольких следующих десятилетий пришельцы находились под сильным влиянием более высокой критской культуры.

Резиденцией греческого правителя оставался в это время Кносский дворец, восстановленный и отремонтированный после последнего землетрясения. Мы не знаем, насколько изменилось течение дворцовой жизни, но, судя по тому, как любовно новые хозяева сохранили всю старую обстановку, перемены свелись к минимуму. Однако затем все изменилось. Между 1400 и 1380 гг. до Р.Х. дворец погиб в огне пожара, и с тех пор оставался в запустении. Точная причина катастрофы не известна: среди догадок называют очередное землетрясение, междоусобицы, вторжение новых завоевателей. Единственное, что можно утверждать с уверенностью, – это то, что крах наступил неожиданно и с ним завершилась эпоха великих критских дворцов.

Все эти события слабо или совсем не отразились в греческой мифологии. Но кое-что из нее все-таки можно узнать. Попробуем прежде установить, когда произошло завоевание острова. Понятно, что в мифологической истории нет точных дат. Однако разные слои мифа можно датировать, основываясь на счете поколений. Считается, что в среднем за сто лет сменяется три поколения людей. А поскольку родоначальник династии критских царей Тектам,

приходился правнуком Девкалиону, царствование которого относят к первой половине XVI в. до Р.Х., можно заключить, что сам Тектам правил в первой половине XV в. до Р.Х. Дата эта очень хорошо согласуется с вычислениями археологов. Пойдем дальше. Мы знаем, что царствование Миноса отделялось от царствования Тектама двумя поколениями людей. Значит оно приходилось на самый конец XV в. до Р.Х. или даже на начало XIV в. до Р.Х. По преданию Минос захватил престол после борьбы с братьями. Быть может, как раз тогда и погиб Кносский дворец?

Миф оставляет возможность и для другой трактовки. Вспомним, что Минос, ставший родоначальником новой династии, был для первых греческих переселенцев пришельцем со стороны. В связи с этим, борьба, развернувшаяся на острове после смерти Астерия, могла быть не обычной междоусобицей, а новым завоеванием. Так или иначе, к власти тогда пришли люди, крайне враждебно относившиеся к древней критской религии и критской культуре. Это видно не только по жестоким разрушениям в Кноссе (о чем нам сообщают археологи), но и по самому характеру греческих мифов, отразивших полный разрыв традиций. Так мифы ничего не сообщают о блестящем прошлом Кносского дворца. Мы не найдем в них никаких упоминаний об изысканной и утонченной жизни его прежних обитателей, о их напряженной хозяйственной деятельности и пышных религиозных церемониях. Судя по всему, греки, с любопытством взиравшие на величественные кносские развалины, вообще не считали лабиринт дворцом, созданным для жизни людей. Назначение этого огромного, насчитывавшего более 1000 помещений, здания с множеством запутанных переходов, оставалось им непонятным. Как иначе мог возникнуть знаменитый миф о Минотавре – страшном чудовище, полубыке-получеловеке, обитавшем где-то в самом сердце лабиринта и пожиравшем людей, безнадежно заплутавшихся в его бесконечных переходах? И откуда мог взяться этот причудливый, жуткий образ? Рожден ли он воспоминаниями о любимом критянами зрелище – играх с быком, или мы имеем тут отголосок каких-то неизвестных нам критских обрядов, исполнявшихся жрецами в бычьих масках и связанных с человеческими жертвоприношениями? Ответа на эти вопросы пока нет.

4. Героическая эпоха

1) Государства героической эпохи

В героическую эпоху на территории Греции существовало несколько больших и малых царств. Самыми могущественными из них были Микенское царство в Арголиде, Афинское царство в Аттике, Фиванское царство в Беотии, Иолкское и Фтийское царства в Северной Греции, а также Спартанское царство в Лаконике и Пилосское – в Мессении. Никаких достоверных исторических известий об этой далекой поре до нас не дошло. Глухие отголоски событий тех лет донесли до нас только греческие мифы. Археологические раскопки подтверждают, что правившие в то время цари обладали огромными богатствами и значительным могуществом.

2) Общественный строй героической эпохи

О жизни греков в героическую эпоху (то есть, в XVI–XII веках до Рождества Иисуса Христа) мы узнаем из различных источников. Главным из них по сей день остаются мифы, прежде всего эпические поэмы древнегреческого поэта Гомера, жившего, как считают, где-то в IX–VII веках до Р.Х. Однако теперь, благодаря крупномасштабным археологическим раскопкам и расшифровке древнейшей греческой письменности, историки могут значительно дополнить (а порой и поправить!) этого автора.

Можно уверенно утверждать, что в центре общественной и хозяйственной жизни той эпохи находился царский дворец. Царь и его приближенные управляли страной с помощью многочисленных чиновников и писцов. Цари не только обладали большой политической властью, но и владели большими богатствами. Им принадлежали плодородные земли, виноградники, множество голов скота. При дворцах имелись мастерские. Часто изготовлявшаяся здесь продукция использовалась не только на нужды царского окружения, но и шла на продажу. Каждый крестьянин и землевладелец должен был отдавать царю часть собранного зерна и других продуктов. В дальнейшем собранное таким образом продовольствие шло на оплату труда царских чиновников, жрецов, торговцев, воинов и дворцовой прислуги.

Помимо чиновников, в управлении государством принимали участие богатые аристократы-землевладельцы. Основное население во всех греческих государствах составляли свободные крестьяне-общинники, сообща владевшие землей. Кроме того, в дворцовом хозяйстве широко использовался труд невольников. (Число их было довольно значительным. Так одна из табличек, найденная в Пилосе, упоминает о группе рабов, численностью в 2000 человек). Кроме того, таблички отмечают существование многочисленных жрецов и жриц разных культов.

3) Хозяйственная жизнь

Подавляющая часть греческого населения была занята в сельском хозяйстве. Из хлебных злаков возделывались пшеница и ячмень. Не менее важное значение имело разведение оливы. Иногда плоды этого дерева солили и употребляли в пищу непосредственно; но по преимуществу из них делали высококачественное масло. В Аттике культура оливы была распространена особенно широко, а продажа оливкового масла во все времена приносила афинянам большие доходы. Греция была богата фиговыми деревьями, поскольку фиги являлись обычным и очень любимым яством. Греки выращивали также яблоню, грушу, айву, гранат, миндаль, каштан, орех, сливу. Приятным и полезным дополнением к их столу служили овощи: капуста, репа, редиска, артишок, салат, лук, чеснок, огурцы, тыква, морковь, а также бобы, чечевица и горох.

О широком распространении виноградарства и виноделия уже говорилось прежде. Местные жители также выращивали лен и умели выделять хорошие льняные ткани.

Наряду с земледелием, широко было развито скотоводство. Так, к примеру, критские таблички упоминают о тысячных стадах овец (общее их поголовье на острове оценивается в 100 тыс.). Впрочем, мясо овец не пользовалось у греков особой любовью. Этих животных ценили из-за молока и шерсти. Коз было намного меньше. Разведением их занимались, по преимуществу, в гористых и бесплодных областях. Мясные блюда приготавливались в основном из говядины и свинины. (Мифы неоднократно упоминают о больших стадах быков и свиней). Из домашней птицы разводили кур, голубей, гусей и уток. Коневодство тоже имело место, однако упоминания о лошадях в письменных документах этой эпохи редки. Использовали их в основном на войне. В хозяйстве и в качестве тягловой силы повсеместно применяли быков.

Железо в героическую эпоху еще не играло заметной роли. Основными металлами были медь и олово, которые сплавлялись в бронзу. Из бронзы изготавливали оружие и все инструменты. В самой Греции олово и медь встречаются редко, их завозили из дальних стран – Испании, Италии и Британии. Основным поставщиком меди являлся Кипр. Греческие ремесленники умели изготавливать из привезенного сырья высококачественные изделия, продававшиеся потом за рубеж. Особенно охотно иностранные купцы покупали греческие мечи. Помимо них страна славилась своей превосходно вылепленной и красочно расписанной керамикой, оливковым маслом, благовониями, шерстью, льном, вином, тканями и древесиной.

4) Царские дворцы и быт героической эпохи

К настоящему времени археологи обнаружили и изучили остатки древних дворцовых комплексов в Микенах, Коринфе, Пилосе, Афинах, Фивах и Иолке. На основании их исследований можно говорить об общих особенностях дворцовой архитектуры героической эпохи. Неотъемлемой частью всех дворцовых построек являлся тогда большой парадный зал (так называемый, мегарон), представлявший из себя чуть вытянутое прямоугольное помещение с круглым очагом посередине. С узкой стороны к нему примыкал просторный вестибюль, через который попадали в дворцовый двор. Вокруг очага, посередине парадного зала, возвышались обычно четыре несущие колонны, поддерживавшие высокий потолок. Эту центральную часть дворца окружали жилые комнаты, кладовые для хранения съестных припасов, одежды и оружия, а также помещения, в которых спали рабы. Особой роскошью жилища царей не отличались. Стены, перегородки и потолки в комнатах, дверные створки, наличники, а иногда и пороги у дверей делались из соснового, дубового, ясеневоего или оливкового дерева. Плотники пользовались полировкой, а может быть, и лакировкой, чтобы предать некоторый блеск внешним поверхностям бревен и досок. В отличие от критских, греческие дворцы обычно обносились стенами. Располагали их в труднодоступной местности и тщательно укрепляли подступы, ведущие от крепостных ворот в собственно дворец.

Уже упоминалось, что многие дворцы имели хорошо продуманную систему водопроводов и канализации. В Кноссе, Тиринфе и Пилосе археологи обнаружили остатки ванных помещений, а в пилосском дворце найдена и сама керамическая ванна. Как мужчины, так и женщины, не довольствуясь купанием в море или в реках, любили принимать ванны. Гомер в своих поэмах несколько раз описывает процедуру омовения: под треножником разводился огонь; наверх ставился медный котел, где нагревалась вода, которая должна была переливаться в чан и смешиваться там с холодной водой; человек, для которого предназначалась ванна, влезал в этот чан, а другой мылил его, поливая ему голову и плечи водой, а потом натирал его маслом и одевал. Роль банщиков исполняли женщины, обычно служанки, или дочери хозяина, а иногда и сама хозяйка. В домах средних слоев населения не было столь вместительных комнат для мытья, однако и там археологи иногда находят ванны из обожженной глины. Греки всегда

заботились о том, чтобы иметь достаточные запасы воды. На акрополях Микен, Тиринфа и Афин были обнаружены крупные подземные колодцы. В Пилосе вода поступала во дворец по водопроводу из источника, находившего на расстоянии почти 1 км.

В жилищах всех слоев общества в главной комнате дома располагался открытый очаг, над которым устраивался дымоход из терракотовых труб. Очаг служил для приготовления пищи и обогрева жилища. На огнище ставили специальные котлы с полусферическим туловом на трех ногах. Считается, что использование таких кастрюль на высоких ножках значительно улучшало качество пищи, так как помогало избегать подгорания. Свидетельством того, что греки уделяли еде большое внимание служит огромное количество кухонной посуды, обнаруженной во всех поселениях героической поры. Из описаний Гомера видно, что основным продуктом питания было мясо. Обыкновенным напитком служило вино, смешанное с водой.

Царские дворцы были обставлены легкой, богато изукрашенной мебелью. В найденных археологами табличках содержатся упоминания о стульях, креслах, табуретках для ног, столах и столиках, престолах и других предметах. Однако, у Гомера нигде нет упоминаний о подушках и других принадлежностях пышного убранства постели. Спали, очевидно, на матрацах, постеленных поверх шкур, а укрывались плащом или шерстяным одеялом. Одежду и вещи хранили в глубоких сундуках. Замков тогда не существовало и их роль играла тесьма из материи.

Для освещения и обогрева комнат использовали жаровни, устанавливавшиеся на высоких подставках. Их наполняли щепками, сухими поленьями или смолистыми кусками дерева. В ходу были также смолистые факелы из длинных и тонких кусочков дерева, связанных жгутами из коры тростника. Их брали с собой, отправляясь куда-либо ночью, поскольку уличного освещения не существовало.

Кое-что можно сказать о внешнем облике людей героической эпохи. Большое внимание уделялось тогда уходу за волосами. Прически женщин состояли из пышно взбитых на голове локонов, иногда локоны опускались на плечи. Мужчины также носили длинные волосы, перевязанные лентой. Усы и бакенбарды, кажется, были не в моде. Щеки и верхнюю губу чисто выбривали, но зато оставляли большую бороду. Для бритья употребляли бронзовые бритвы, а волосы расчесывали гребнями.

Обычной мужской одеждой была короткая набедренная повязка. Более изысканным видом одежды являлась легкая рубаша с короткими рукавами, узкий жилет и мужская юбка. Праздничные мужские одеяния наоборот были длинными, ниспадая до лодыжек. Иногда мужчины носили высокие кожаные гамаша, очевидно для защиты ног на дорогах. Наверно, в повседневной жизни были и другие одеяния. Одежда женщин, особенно из богатых слоев общества, отличалась большой пышностью. В их гардероб водили юбки, стянутые в талии поясом, и облегающие грудь блузки. Различные складки, сборки, воланы и другие ухищрения были хорошо известны портным и портнихам. Одеяния цариц украшались золотыми нашивками, иногда орнаментированными тисненым орнаментом.

5) Вооружение

Греки героической эпохи были очень воинственны. Их искусство изобилует сценами сражений, а в царских гробницах в Микенах обнаружено несметное количество бронзового оружия. Многие могилы являют собой целые арсеналы: здесь найдены десятки богато украшенных мечей и кинжалов, а также пики, ножи, наконечники копий и стрел.

Оборонительное оружие воина состояло из шлема, панциря и щита. Ноги защищали наколенники (поножи). К этому надо прибавить особый металлический пояс, прикреплявшийся к тому месту, где кончались латы и служивший для защиты живота и поясицы. Основу панциря составляла полотняная рубаша с большим количеством нашитых на нее металлических пластин. Шлем изготовлялся из кожи или из войлока. Защитные функции выполняли

нашитые на него бронзовые пластины. Наверху шлема развевался султан из конских волос, выкрашенный иногда в красный цвет. К шлему приделывались особые выступы для защиты щек. Щиты делали из нескольких слоев кож и укрепляли металлом. Они имели различную форму и размеры, однако чаще были круглыми или овальными. Иногда использовались большие щиты продолговатой формы, достигавшие почти что размеров человеческого тела.

Наступательное оружие также делалось из бронзы. В ближнем бою использовался обоюдоострый меч. Деревянная или костяная оправа крепилась к рукоятке золотыми или серебряными гвоздями. Ножны меча часто украшала серебряная или золотая инкрустация. Прежде чем сойтись в поединке на мечах, воины обычно обменивались ударами копий. Как правило, копьё имело крепкое ясеневое древко и два бронзовых острия на каждом конце. Одно острие служило для нападения, другое – для втыкания в землю. Наконечники стрел были трехгранной формы. При ранении их приходилось вырезать из тела, поскольку стрелы имели зазубрины и просто вырвать их из раны не получалось. Впрочем, лучники играли в ту пору второстепенную роль. Как такового правильного боя не существовало и фактически битва распадалась на множество поединков отдельных героев. Воины въезжали в сражение на легких плетенных колесницах, которые запрягались парой лошадей. Управлял колесницей кучер, стоявший рядом с бойцом. Он придерживал лошадей в то время как воин, спустившись на землю, сражался со своим противником; а когда борьба заканчивалась, вез его обратно побежденным или победителем.

6) Письменность

В мифах чрезвычайно редко упоминаются письма или документы. И действительно, археологи подтверждают, что письмо имело в героическую эпоху очень ограниченное распространение. В качестве образца для своей письменности греки взяли слоговое письмо критян, приспособив его предварительно к своему языку. Возникла эта древнейшая письменность где-то во второй половине XV в. до Р.Х. Самый значительный архив табличек (около 3400) обнаружен в Кноссе и датируется приблизительно 1400 г. до Р.Х. Все они представляют собой архив с текущими хозяйственными записями. С Крита письмо распространилось среди материковых греков и использовалось в дворцовых канцеляриях вплоть до рубежа XIII–XII вв. до Р.Х. С окончанием героической эпохи оно было полностью забыто. Считается, что число грамотных людей в ту пору оставалось очень ограниченным. Не исключено, что писать и читать умели одни только чиновники, занятые в дворцовом хозяйстве, – профессиональные писцы, в семьях которых это знание наследовалось из поколения в поколение.

7) Нашествие дорийцев

Что касается дорийцев, то основная часть этого народа долгое время проживала за пределами Греции. По уровню своего общественного развития дорийцы стояли гораздо ниже остальных греков. Но зато дорийцы были знакомы с металлургией железа, умели делать железные мечи и железные наконечники копий. Свои первые грабительские походы в Грецию дорийцы совершили еще в XIII в. до Р.Х., а во второй половине XII в. до Р.Х. они приступили к систематическому завоеванию страны. Как гласят предания, во главе захватчиков стояли три брата – Темен, Кресфонт и Аристокдем. Они приходились правнуками знаменитому мифическому герою Гераклу, и потому древнегреческие историки называют их Гераклидами. Опустошив прежде Северную и Среднюю Грецию, дорийцы около 1125 г. до Р.Х. прорвались в Пелопоннес. Царские дворцы, а также многие древние города оказались повсеместно разрушенными и больше никогда не возродились. В течении нескольких последующих веков на территории Греции вообще не обнаружено следов крупных построек.

Одновременно с дорийцами в Северную Грецию вторглись племена *фессалийцев*, говоривших на эолийском диалекте греческого языка. По их имени эта область получила с тех пор название *Фессалии*. Проживавшие до этого в Северной Греции эолийцы должны были отступить на юг и заселили Беотию. Дорийцы заняли восточную и южную части Пелопоннеса. Из трех братьев-Герклидов Темен, завладел Арголидой, Кресфонт – Мессенией, а Аристодем – Лаконикой и ее столицей Спартой. Все трое стали родоначальниками местных царских династий. Кроме того, под власть дорийцев постепенно перешли Элида, Коринфия, Мегарида и остров Эгина. Расселившись среди древнего населения, дорийцы во всех этих областях ввели свой язык и нравы.

Из всех коренных народов Пелопоннеса независимость сохранили только аркадцы. Кроме того, многие из ахейцев, населявших прежде Арголиду и Лаконику, не пожелали оставаться под властью завоевателей и ушли на север Пелопоннеса – в Ахайю. Не меньше других пострадали от вторжения ионийцы, которым пришлось вовсе покинуть полуостров. Большая их часть перебралась в Аттику – главную область расселения этой народности.

5. Складывание полисного строя

После переселения дорийцев в жизни Греции произошли большие перемены. Царские дворцы, а также многие древние города оказались повсеместно разрушенными и больше никогда не возродились. В течении нескольких последующих веков на территории Греции вообще не обнаружено следов крупных построек. Гибель дворцов вызвала быстрый упадок многих ремесел: перевелись высококвалифицированные плотники и каменщики; исчезли письменность, фресковая живопись и резьба по слоновой кости; ушла в прошлое прекрасная керамика; резко уменьшилось количество ювелирных украшений. В связи с этим, некоторые археологи называют эпоху, наступившую после прихода завоевателей, "временем нищеты и упадка". Не все, конечно, было так плохо. Вместе с дорийцами в Греции широко распространились инструменты и оружие, сделанные из железа. Они были несравненно лучше, прочнее, удобнее и дешевле бронзовых. А ведь прежние обитатели страны фактически не знали употребления железа! Впрочем, благотворные последствия этого сказались гораздо позже, а пока в культурном отношении Греция была отброшена на несколько столетий назад.

В это время большинство греков вернулось к родоплеменному строю. Жили они большими патриархальными семьями. Взрослые сыновья после женитьбы не отделялись от отца, оставались в доме родителей и вели с ними совместное хозяйство. Семьи, происходившие от общего предка, составляли род. Члены рода жили обычно в одной деревне, а несколько таких деревень объединялись в племя, которое называлось у греков филлой. Все члены филлы находились в дальнем родстве друг с другом, и это было главное, что связывало их между собой. Поселение, в котором жил царь, служило центром всей округи. В отличие от остальных, оно было укреплено стенами и являлось крепостью. (Греки называли такую крепость, всегда располагавшуюся на возвышении, акрополем). Если начиналась война, окрестные жители могли укрыться в ней от нападавшего врага.

Дорийские цари имели большое влияние на жизнь своих подданных. Однако их власть не шла ни в какое сравнение с могуществом древних ахейских правителей. Все важнейшие вопросы дорийцы обсуждали на народных собраниях. На них собирались все свободные жители подвластной царю области (обычно население такой области составляли члены трех-четырех (реже, шести-восьми) союзных фил). В древности собрания, представлявшие собой сходку вооруженного народа, играли в жизни греков ключевую роль. Но в X–VII вв. до Р.Х. это славное время ушло в прошлое. Собрания существовали лишь для того, чтобы выслушивать и одобрять решения, принимаемые наверху. Всеми делами стали заправлять главы родов – аристократы. Эта богатая родовая знать сумела скопить у себя большие богатства и объединить в своих руках значительные наделы земли. Многие прежде свободные крестьяне сделались должниками богатых и потому попали в зависимости от них. В случае войны каждый аристократ приводил с собой отряды вооруженных слуг. Только они могли позволить себе содержать дорогих боевых коней. А ведь конница в то время была главной ударной силой любого войска! Отсюда видно, что не только крестьяне, но и сами цари находились в сильной зависимости от знати – без ее помощи они просто не могли собрать боеспособной армии.

Таким был общественный строй греков в первые два-три века после завоевания. Постепенно родоплеменные связи слабели. Им на смену приходили новые отношения между людьми, основанные на представлении о том, что все они, вне зависимости от родства, являются членами одной общины и одного государства. Процесс этот значительно ускорился благодаря появлению и быстрому росту новых городов. Многие детали происходивших перемен еще не до конца ясны историкам. Однако, можно предположить, что города обычно возникали вокруг центрального поселения области, где находилась ставка царя. Здесь же собиралось народное собрание, а значит всегда было много людей. Очевидно, вблизи крепости существо-

вал рынок, где крестьяне могли обменивать продукты своего хозяйства (зерно, скот, вино, оливковое масло и т. п.) на необходимые им инструменты и утварь. Если прежде все ремесленники жили в деревнях, то теперь многие из них переселялись поближе к крепости – тут можно было быстрее и выгоднее реализовать свои изделия.

Со временем вокруг акрополя вырастали жилые кварталы ремесленников и торговцев. Купцы в греческом обществе появились благодаря быстро наладившемуся обмену между различными областями. Ведь далеко не всегда все необходимое для жизни можно было найти поблизости от дома! В некоторых засушливых районах, к примеру, не хватало своего хлеба, но зато был избыток оливкового масла или глиняной посуды (хорошая глина тоже встречалась не везде). Одни области были богаты железом, другие – древесиной, третьи могли поставлять на рынок дешевых рабов. Постепенно между отдаленными друг от друга частями Греции, а также окрестными народами, завязывается оживленный обмен. Торговля очень способствовала росту городов, поскольку отрывала от сельскохозяйственного труда много новых людей. В самом деле, для проведения строительных работ (например для сооружения молот) нужны были землекопы и рабочие, для каждого корабля (а они в то время все были гребными) требовалось большое количество гребцов и матросов. Множество бедняков в поисках заработка стекалось в приморские города, поскольку здесь всегда ощущалась нужда в крепких и сильных людях. Некоторые приходили издалека; они не были родственниками местных жителей, не принадлежали ни к одной из фил и не могли участвовать в народном собрании. Однако, по мере роста городов таких пришлых людей становилось все больше и больше.

Важно отметить, что город это не просто большое количество людей, поселившихся рядом и занимающихся ремеслом, либо торговлей. Город – это сложный организм, живущий по определенным законам и имеющий свои органы управления. Города в Древней Греции возникали не как обособленные поселения со своим укладом, они вырастали из древнего родоплеменного строя, постепенно изменяя и разрушая его. Одним из важнейших этапов на этом пути являлся, так называемый, синойкизм. Этим словом древние греки называли процесс слияния нескольких соседних деревень в единый, общий центр. Происходило оно, как правило, на добровольных началах, путем заключения договора. Жители договаривались, что отныне они являются единой общиной, живущей по общим законам и подчиняющейся одним и тем же органам власти. Таким образом, им легче было отстаивать свои совместные интересы и защищаться от врагов. Синойкизм далеко не всегда имел своим следствием поселение членов общины в каком-то определенном городе. Зачастую они продолжали жить в старых деревнях, рядом со своими полями и садами. При синойкизме менялось не место жительства людей, а их статус – отныне все они были гражданами одного города и одного государства, по имени которого их называли теперь либо мегарцами, либо коринфянами, либо афинянами или спартанцами. Символом их объединения становился общий пританей – здание, где заседали избранные народом правители города. Тут принимали знаменитых чужеземцев и послов. На общественном очаге здесь всегда горел неугасимый огонь.

Так на смену родоплеменным объединениям в Греции в VIII в. до Р.Х. пришли города-государства. Сами греки именовали их полисами. Следует знать, что понятие это было сложным и многогранным. Прежде всего, говоря о полисе, греки имели в виду укрепленный город – главный центр той или иной области. Здесь собиралось народное собрание. Здесь находились общественные здания, храмы и чтимые святыни. Полисом называли также общину полноправных граждан вне зависимости от места их проживания. Гражданином полиса мог быть какой-нибудь крестьянин, живущий в деревне, далеко от города и появляющийся здесь всего несколько раз в году. Тем не менее, он являлся членом общины и народного собрания, участвовал в выборах и сам мог избираться на общественные должности. В тоже время, пришлый купец, даже если он постоянно проживал в городе, не входил в понятие полиса, потому что не был членом общины и не имел гражданских прав. Наконец, третье значение слова «полис»

было «государство», причем в обоих его смыслах. С одной стороны, полисом именовали территорию, где проживали его граждане – то есть, город и окружающую его сельскую округу с несколькими десятками деревень. С другой стороны, каждый полис имел свои законы, свои органы управления, свои войска, свои традиции, свои праздники, проводил свою внешнюю политику, вел войны и заключал договоры, являясь государством в политическом и социальном смысле.

В полисе на смену прежнему коллективу родичей-соплеменников пришла община сограждан. Древние родоплеменные отношения ослабли, но не были совершенно уничтожены. (Окончательно они распались только несколько столетий спустя). Прежние органы власти также претерпели значительные изменения. Цари, управлявшие греками в древности, при переходе к полисному строю фактически повсеместно утратили свою власть. (Если в каких-то городах и сохранялись цари, никаких реальных рычагов управления они уже не имели и, в лучшем случае, являлись только верховными жрецами). Зато родовая знать не только сохранила свое влияние, но и значительно его укрепила. Реальная власть в большинстве полисов сосредоточилась в руках одного или нескольких аристократических родов, которые вручали ее избранным из своей среды на известный срок должностным лицам. Кроме того, важную роль в политической и общественной жизни полиса играл государственный совет, состоявший из тех же аристократов (здесь заседали отслужившие свой срок должностные лица). Хотя народное собрание продолжало собираться, на практике его значение упало. Как правило, граждане не могли вести прения или вносить свои предложения, они могли только утверждать или отвергать решения, принятые на совете знати. Точно также, они не могли реально контролировать работу должностных лиц, которые отчитывались не перед ними, а перед тем же советом. Такой образ правления, когда власть в государстве принадлежала одной только знати, сами греки называли аристократическим. В VIII в. до Р.Х. он, за редким исключением, утвердился во всех греческих полисах.

6. Политическая борьба и ранняя тирания

Пока аристократия владела основными наделами пахотной земли и являлась главной ударной силой на войне, то есть господствовала как в хозяйственной жизни, так и на поле боя, ее политическое главенство оставалось непоколебимым. Но вот, незначительное на первый взгляд изменение в амуниции, привело к тому, что военная роль знати оказалось сильно подорванной, а это повлекло за собой крушение ее политической власти.

Все началось с щита. В позднюю эпоху у древнегреческого круглого щита имелось две рукояти: одна в середине (в нее просовывали руку по локоть) и другая с краю – ее сжимали в кулаке. Однако, так было не всегда. Вплоть до VIII в. до Р.Х. щиты имели всего одну рукоять, были маленькими и плохо защищали воина. Да и вообще, значение пехоты в бою оставалось второстепенным. Ведь правильного строя войска не знали: одна вооруженная толпа налетала на другую, и тут каждый искал себе противника по силам – общий бой распадался на множество отдельных поединков, исход которых полностью зависел от искусства сражавшихся. Нечего и говорить, что пеший воин не мог отразить нападение стремительного всадника, и смелая атака конницы решала исход многих сражений.

Но когда в конце VIII в. до Р.Х. появилась вторая рукоять, все изменилось. Круглый щит сразу стал шире. Это значило, что два воина, встав рядом, могли прикрывать друг друга краями своих щитов. А строй воинов, ставших в ряд, оказывался прикрытым сплошной стеной щитов и неуязвимым для ударов противника. Таким образом, вместе с новым щитом греки усвоили тактику сомкнутого пехотного построения – фаланги. С тех пор эпоха героических деяний и единоборств канула в прошлое.

Теперь сражения разыгрывались по новому сценарию. Перед началом боя несколько тысяч тяжеловооруженных пехотинцев (греки называли их гоплитами) выстраивались в затылок друг другу несколькими шеренгами. В каждой шеренге было по тысяче или более воинов. Все они стояли, чувствуя локоть друг друга. Передняя шеренга, сомкнув большие щиты и выставив копья, прикрывала всю фалангу. Вторая и третья тоже направляли копья вперед. Последующие шеренги были готовы заменить убитых товарищей. Прорвать строй фаланги было практически невозможно. Самые отчаянные атаки конницы разбивались о сплошную стену щитов, ошетилившуюся тысячами копий. Не менее грозными были гоплиты в наступлении. Самые сильные удары фаланга наносила в короткой атаке. Воины переходили с шага на бег, копьями опрокидывали противника и довершали разгром мечами.

Так основной силой на поле боя стала тяжелая пехота. Конница отныне решала только вспомогательные задачи. Самое же главное заключалось в том, что купить вооружение гоплита мог любой человек среднего достатка, будь то крестьянин, купец или ремесленник. Введение сомкнутого строя резко повысило военное значение этих слоев (ведь в то время армия каждого полиса формировалась из его граждан). Почувствовав свою силу, народ перестал мириться с господством аристократов. В VII в. до Р.Х. во многих греческих полисах развернулась борьба против родовой знати. Исход ее мог быть различным. В некоторых городах к власти, потеснив или вовсе изгнав аристократов, в конце концов приходили средние слои. Политическими правами здесь пользовались те граждане, которые могли купить полное снаряжение гоплита. Из их числа избирали должностных лиц, из них же формировался совет. Такой вид государственного устройства греки называли олигархическим. Конечно, при олигархии доступ к власти получало значительно большее количество жителей, чем при аристократии. Однако, эти люди по-прежнему составляли меньшинство. Ведь беднякам доступ к органам власти был закрыт, а их в любом городе было куда больше, чем людей состоятельных. Решающий голос, как и встарь, оставался за немногими.

Между тем, положение бедняков в описываемую эпоху было очень тяжелым. Многие крестьяне находились в долгу у богачей. Взятую займы сумму приходилось возвращать с процентами. Если это не удавалось сделать, кредитор мог отобрать у должника его надел земли, или того хуже – продать его в рабство/ Бедняки понимали, что до тех пор, пока политическая власть безраздельно находится в руках богатых, им не видать улучшения своей доли. Поэтому они громко требовали сложения долгов, запрещения долговой кабалы, передела земли (ведь большая и лучшая ее часть постепенно перешла в руки ростовщиков), а также установление полного политического равноправия, когда к управлению государством допущены все без исключения граждане, вне зависимости от их материального достатка. Такой политический строй называли демократическим («демократия» в переводе с греческого означает «власть народа»).

Борьба между родовой знатью и остальными гражданами, между бедными и богатыми кипела в VII–V вв. до Р.Х. во всех греческих полисах. Конечно, в каждой области она имела свои особенности и свое своеобразие, но были некоторые черты, общие для всех греческих городов. Очень редко где удавалось перейти от аристократического образа правления непосредственно к олигархии или демократии. Гораздо чаще этот переход осуществлялся через посредство тирании.

Тиранами древние греки называли тех правителей, которые незаконно захватывали единоличное господство над городом и правили вопреки воле граждан, преследуя только свою выгоду. Но, хотя большинство тиранов господствовали над подданными, опираясь прежде всего на грубую силу (обычно это были набранные и вооруженные ими отряды наемников), далеко не все они были жестокими деспотами. Некоторые пользовались своей властью умеренно и достаточно мягко, так что сумели даже заслужить если не любовь, то уважение сограждан. И в самом деле, во многих полисах своеволие аристократии делалось настолько невыносимым, что простые граждане готовы были сами передать власть в руки тиранов, лишь бы избавиться от своих прежних правителей. Ловкие демагоги знали это и пользовались ненавистью жителей в своих интересах. Завладев властью, они начинали жестоко преследовать знать, а для народа делали различные поблажки и послабления. Разумеется, они пеклись при этом о своих личных, корыстных выгодах, но для большинства сограждан их правление казалось более приемлемым, чем управление аристократов. Вообще, среди тиранов этой поры было достаточно много выдающихся личностей. Некоторые из них провели в своих полисах важные преобразования, способствовавшие их процветанию и усилению.

Но, как бы то ни было, тирания все же представляла из себя временное, переходное явление. В конце концов граждане изгоняли тиранов, и тогда в полисе устанавливалось олигархическое или демократическое правление.

7. Великая колонизация

Как греки выводили свои колонии

Благодаря долгому знакомству с морем греки были прекрасными моряками. Их купцы смело пускались в далекие плавания, а их мастера умели строить хорошие быстроходные корабли. В IX–VI вв. до Р.Х. все суда делились на два класса: боевые (их называли «длинными») и торговые (их называли «круглыми»).

Главными достоинствами военных кораблей считались стремительность и маневренность. Они были низкие, прямые, как стрела, и с тараном впереди. Так как скорость судна напрямую зависела от числа гребцов, их старались иметь как можно больше. Поначалу длину корабля выбирали, исходя из нужного числа весел. Однако, беспредельно увеличивать ее было невозможно. Выход нашли в строительстве кораблей с несколькими рядами весел.

В описываемую эпоху лучшими кораблестроителями в Греции считались коринфяне. Уже в IX в. до Р.Х. они стали строить одноярусные боевые корабли, которые именовались пентеконтерами (то есть, «пятидесятивесельными»; у каждого борта в них помещалось по 24 гребца, а еще двое сидели на рулевых веслах на корме). Такое судно имело неплохие боевые качества, но в то же время из-за чрезмерной длины и узости оно нередко становилось игрищем стихий. В VIII в. до Р.Х. на смену пентеконтерам пришли двухъярусные корабли, а во второй половине VI в. до Р.Х. коринфяне первыми из греков стали строить триеры – корабли, имеющие три ряда весел, расположенных друг над другом в шахматном порядке. Весла были разной длины, в зависимости от того, в каком ряду находились гребцы. Самые сильные сидели на верхней палубе, так как им приходилось управлять самыми длинными веслами. Менее тяжелая и более подвижная триера превзошла суда всех более ранних типов в скорости, таранной силе и способности маневрировать в замкнутых водных пространствах. Но поскольку все свободное место здесь было занято гребцами, триеры не могли перевозить большие грузы. Для торговых целей такие корабли не годились. При постройке купеческих кораблей предпочитали закруглять линию киля. Они были вместительные и высокобортные, хорошо держались на воде и лучше сохраняли избранное направление.

Все свои морские экспедиции греки старались совершать вблизи берегов. Так было удобнее ориентироваться и легче найти укрытие в случае непогоды. Когда пересекали море также старались не терять из вида землю, переплывая от одного острова к другому.

Приобретенные знания и навыки очень помогли грекам, когда они приступили к колонизации новых земель за пределами своей страны. Начавшись сразу после дорийского завоевания, эта колонизация через несколько веков приняла такие грандиозные размеры, что ее называют теперь «великой». За три – четыре столетия греки расселились буквально по всем берегам Средиземного моря, проникнув в самые дальние его уголки и заливы.

Что же влекло людей прочь от родных мест? Одной из главных, хотя и не единственной причин колонизации была перенаселенность Греции. Плодородных земель было мало. Возросшему населению ее не хватало. Когда в страну вторглись дорийцы, многим из прежних жителей пришлось оставить обжитые места и искать счастья на чужбине. Первыми приступили к колонизации эолийцы, затем их примеру последовали ионийцы и ахейцы. Наконец, расселением лишних людей должны были озаботиться и сами дорийцы. Помимо этого колонизация преследовала торговые цели. Греция была бедна металлами и испытывала постоянную потребность в хлебе. Свою нужду в них греки удовлетворяли за счет торговли с колониями. В свою очередь, во вновь основанные полисы поступали вина, оливковое масло, изделия ремесленников из материковой Греции. Торговля была взаимовыгодной и равно обогащала обе стороны.

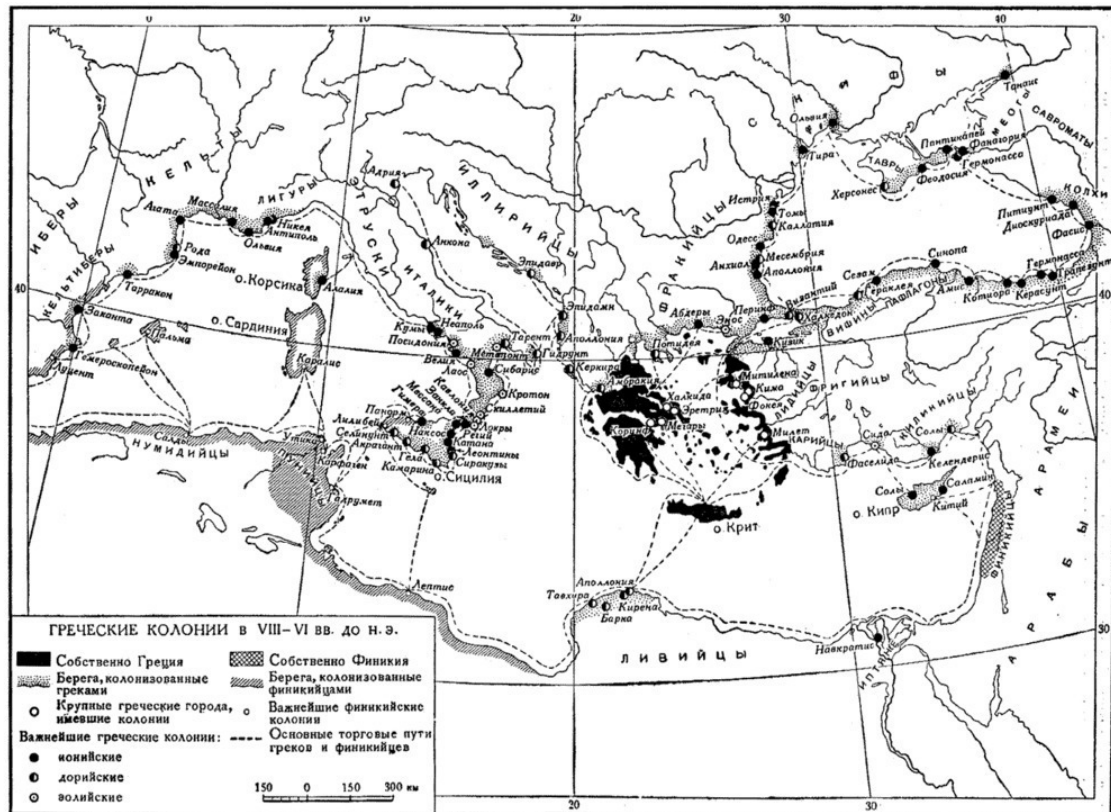
Как же происходил вывод колоний? Прежде всего необходимо было найти желающих для выселения. Вопрос об этом решался на государственном уровне. Набор колонистов производился различным образом. Бывало это делали при помощи жребия или посредством обязательного набора. Но обычно, принудительные меры не требовались, поскольку находилось достаточное количество добровольцев. Во всех городах жило много бедняков, которые рассчитывали поправить свои дела на новом месте, особенно, если на родине у них было мало земли, а в колонии ее давали в избытке. Богатые горожане охотно помогали выселенцам. Они видели прямую выгоду в том, что эти деятельные и беспокойные люди уезжают из их города и не будут в дальнейшем тревожить их своими требованиями о переделе земли. Многим полисам удавалось в течении долгого времени сохранять у себя олигархическое правление благодаря тому, что они регулярно отправляли «за море» своих бедняков, не допуская их чрезмерного умножения. Государство, основавшее колонию, называлось по-гречески «метрополия», то есть «город-мать». Отношения между ним и отпочковавшейся колонией были отношениями взрослых детей с родителями – независимые, но почтительные. Как правило, уезжавшие образовывали на новом месте самостоятельный полис с собственным гражданством и своими собственными учреждениями.

Численность колонистов была обычно невелика: в экспедицию отправлялось не менее 150, но редко – более 1000 человек. Вывод колонии производился под главенством полиса, объявившего набор колонистов; иногда для этой цели объединялось два или более государств. Во главе колониальной экспедиции ставился назначаемый государством архагет. Человек этот должен был пользоваться авторитетом в глазах других переселенцев, поэтому его старались избирать из древнего знатного рода. Перед отправлением экспедиции было принято запрашивать оракул в Дельфах, причем это не являлось формальностью или простой данью традиции. В Дельфы приезжало множество людей со всего Средиземноморья. Местные жрецы пользовались этим, что бы собрать самые точные сведения о далеких землях. Часто оракулы содержали в себе прямые указания на то место, где следует основать новый город.

Но в любом случае, даже тогда, когда переселенцы были снабжены всем необходимым, а их замысел получил одобрение бога, колонизация оставалась сложным и опасным делом. Покинуть землю, освещенную могилами предков, сохраняемую наследственными богами, и отправиться в неизвестные страны, означало для смельчаков в корне изменить свою судьбу. Оставляя родину, колонисты брали с собой горсть родной земли, чтобы посыпать ею чужую почву, и торжественно переносили огонь с общественного алтаря метрополии, чтобы возжечь его в очаге нового поселения.

Прибыв к месту основания города, поселенцы прежде всего сооружали оборонительные стены. Вслед затем они приступали к разделу земельных участков. Землемер, которого греки называли геометром, определял границы наделов, а другое должностное лицо, именуемое геномом распределяло их между колонистами. Каждый из них получал кусок земли в городе под строительство дома и поле для обработки за его пределами.

Политическая жизнь в колониях почти ничем не отличалась от той, что протекала в самой Греции. Первые переселенцы получали обычно самые лучшие и самые большие куски земли. Их потомки превращались в местную аристократию, владевшую всеми политическими правами. Те свободные переселенцы, которые прибывали в колонию спустя несколько десятилетий после основания полиса, не находили уже достаточного количества плодородной земли и не получали полных гражданских прав. Между ними и богатыми горожанами начиналась та же борьба, которая велась в метрополии. Зачастую она шла даже острее и беспощаднее, чем на родине. И это не удивительно, ведь население колоний не было связано давними традициями или родством и потому не так охотно склонялось на компромиссы.

Эолийская колонизация

1) Ход колонизации

Эолийцы первыми из греков решили вывести колонии в Азию. Толчком к этому послужило внешнее вторжение. Сообщают, что одновременно с дорийцами в Северную Грецию вторглись племена фессалийцев, говоривших на эолийском диалекте греческого языка. Проживавшие до этого в Северной Греции эолийцы должны были под их нажимом отступить на юг, в Беотию. Вскоре после этого эолийцы избрали своим предводителем ахейского царевича Пенфила (он был братом микенского царя Тисамена) и двинулись в путь. Предприятие оказалось очень трудным и растянулось на многие годы. Сам Пенфил добрался только до Фракии. Когда он умер, переселенцев возглавил его сын Архелай. Этот царь привел эолийцев на азиатский берег Пропонтиды (Мраморного моря), туда, где спустя несколько столетий был основан ионийский город Кизик. В этих местах колонисты провели не один год, но потом вновь двинулись в поход под предводительством Граса, младшего сына Архелая. Благодаря ему переселение пришло к своему благополучному завершению. Эолийцы вышли к реке Граник, а затем переправились на большой остров Лесбос, изгнали живших здесь фракийцев и сами обосновались на нем. Случилось это, если верить позднему историку Эратосфену, в 1053 г. до Р.Х. Другими словами, на то, чтобы перебраться с одного берега Эгейского моря на другой, эолийцы потратили около 70 лет!

Примерно в то же время другая партия эолийских переселенцев под предводительством Клева и Мала (их также считали потомками Агамемнона) построила на материке город Киму. Остальные города эолийцев в Малой Азии были основаны выходцами с Лесбоса. Всего эолийских городов насчитывалось двенадцать: Кима, Ларисы, Неон, Темнос, Килла, Нотий, Эгиресса, Питана, Эгеи, Мирина, Гриния и Смирна. Они тянулись от Троады на севере до устья реки

Герм на юге. В дальнейшем эта прибрежная область Малой Азии стала именоваться Эолидой. Земля здесь повсюду была очень плодородной, на склонах гор рос прекрасный строительный лес, недра были богаты полезными ископаемыми.

Помимо выше перечисленных городов на материке, эолийцы имели еще семь городов на островах. Из них шесть располагались на Лесбосе, а один – на Тенедосе. Большинство эолийских колоний в Малой Азии были невелики и сыграли в истории достаточно скромную роль. Исключение составляет только главный город Лесбоса Митилена.

2) Тирания Питтака

Главным центром всей греческой Эолиды изначально был Лесбос. О славе этого острова говорят его древние названия: Гимерте – желанная, Ласия – покрытая лесом, Айгейра – поросшая тополями, Маккария – блаженная страна, Айтиопа – сверкающая. В противоположность соседним островам, Лемносу и Хиосу, Лесбос был богат растительностью: оливковые деревья росли здесь до самых вершин высоких холмов, множество природных источников, орошавших долины, благоприятствовали обильному произрастанию трав, кустарников и деревьев. Весной долины покрывались бесчисленным количеством цветов, среди которых выделялись прекрасные анемоны, орхидеи и степные тюльпаны. Благоприятный климат очень способствовал разведению винограда, вследствие чего виноградарство во все времена было главным занятием островитян. Лесбосское вино всегда хвалили медики. Оно считалось одним из самых приятных греческих вин и ценилось наряду с хиосским. Большой известностью во всех греческих землях пользовались также изделия местных ремесленников – лесбосские кратеры (так назывались сосуды для смешивания вина), серебряные котилы (из этих небольших сосудов греки совершали возлияния богам) и оружие.

Самым большим городом на острове была Митилена. Город располагался у основания мыса, глубоко вдававшегося в море и обладал двумя удобными гаванями, из которых южная – закрытая – могла вместить 50 триер, а северная – защищенная молом – еще больше. Перед обоими гаванями находился островок, составляющий часть построенного там города.

В VII в. до Р.Х. Митилена сделалась ареной ожесточенной политической борьбы. К этому времени власть царей сменилась здесь господством родовой знати. Главенствующее положение занимали Пенфилиды – потомки легендарного Пенфила, того самого, что положил начало эолийской колонизации. Правящий род имел в городе множество врагов. В том числе против него вели борьбу и некоторые аристократы, недовольные тем, что их не допускают к власти. Чтобы держать сограждан в повиновении, Пенфилиды окружили себя свитой из дубиноносцев, ведь обнажать настоящее оружие против соотечественников они считали безнравственным (с ним в то время выступали только против внешнего врага). Впрочем, показное благородство не спасло правителей от возмездия. Как-то раз, шатаясь по городу, эти отпрыски царского рода из озорства принялись колотить всех встречных дубинами. Их наглость так возмутила митилян, что они восстали и перебили всех Пенфилидов.

После этого в Митилене последовательно правило несколько тиранов. Первым из них стал некий Меланхр. Около 610 г. до Р.Х. его прогнали. Но вскоре в городе появился новый тиран – Мирсил. Знатные люди очень не любили его. Один из представителей аристократии – поэт Алкей хотел устроить против Мирсила заговор, но его замыслы были раскрыты. Пришлось незадачливым заговорщикам спасаться бегством из родного города. Однако положение в Митилене оставалось беспокойным. За власть боролось несколько партий, которые постоянно плели друг против друга интриги. Описывая в своих стихах родное отечество, поэт Алкей изобразил его в виде корабля, захваченного бурей. Экипаж восстал и не хочет больше подчиняться «доблестному кормчему». Но как же тогда спастись? Ведь избавить судно от неминуемой гибели и привести его в гавань можно лишь при крайнем напряжении сил всей команды!

Спустя какое-то время Мирсила тоже прогнали из города. Алкей, мечтая о власти, вернулся в Митилену. Но сограждане не пожелали подчиняться ему и в 590 г. до Р.Х. провозгласили своим правителем Питтака, сына Гиррадия, – одного из соратников прежнего тирана. Алкей был оскорблен тем, что ему предпочли другого. Он разразился целым потоком ругательных стихов, в которых осыпал Питтака площадной бранью и предрекал городу скорую гибель из-за его стремлений к тирании. Митиляне, впрочем, остались глухи к его пророчествам, и вскоре Алкей был изгнан. Не известно, как он закончил свою жизнь.

Надо думать, горожане знали, что делают и были совсем даже не против тирании Питтака. Ведь Алкей был буйным смутьяном и в каждом втором своем стихотворении бил в набат мятежа. Что хорошего мог ждать от подобного правителя уставший от смут город? Что до Питтака, то он был совсем другим человеком. О его доблести в городе знали не понаслышке. Однажды, еще до того, как Питтак принял власть, он возглавлял войско митилян в войне с афинянами. Над последними начальствовал некий Фринон – известный атлет и олимпийский чемпион, снискавший победу в пятиборье. Гордясь своей силой и ловкостью, он вызвал предводителя вражеского войска на единоборство. И Питтак не побоялся принять вызов! Отправившись на поединок, он спрятал под щитом сеть и, улучив момент, внезапно набросил ее на Фринона. Афинянин запутался в сети и был убит. Спорная земля отошла митилянам, и с тех пор Питтак пользовался у соотечественников великим почетом.

Получив по решению сограждан неограниченные полномочия, Питтак воспользовался ими для того, чтобы окончательно сломить могущество аристократии. Добившись своего и изгнав всех врагов, он через десять лет возвратил городу свободу и добровольно отказался от власти. После этого Питтак продолжал жить в Митилене как простой гражданин. Большой участок земли, данный ему в награду за труды, он посвятил богам, от денег же отказался вовсе. Богатство и роскошь никогда не пленяли Питтака. Говорят, что любовь его к труду и простоте была столь велика, что вместо гимнастики он молот на мельнице хлеб. Умер Питтак около 570 г. до Р.Х. в возрасте семьдесят лет. Митиляне восхищались его мудростью и сохранили некоторые из его высказываний. Право, и сейчас, спустя двадцать шесть веков, они не утратили своей глубины. Судите сами. Когда Питтака спросили, чем вернее всего проверяется человек, он отвечал: «Властью». Когда у него допытывались, какая власть всего сильней, он сказал: «Та, что резана на дереве» (то есть, основанная на законе – раньше законы вырезали на досках и выставляли для всеобщего обозрения в людном месте). На вопрос, что лучше всего, Питтак ответил: «Хорошо делать то, что делаешь», а когда спрашивали, что следует знать, чтобы иметь успех в делах, он заметил: «Знать всему его пору!»

Ионийская колонизация

1) Нелеиды в Афинах. Легенда о Кодре

Основной областью проживания ионийцев в Греции издревле была Аттика. Столицей ее являлись древние Афины. Завоевавшие Пелопоннес дорийцы прошли этот полуостров стороной. В дальнейшем здесь нашли убежище многие знатные ахейские роды, главным образом из мессенского Пилоса. Один из тамошних принцев Меланф, принадлежавший к могущественному роду Нелеидов, вскоре сделался царем над афинянами. Случилось это после того, как у ионийцев пресеклась их местная царская династия из потомков Тесея, а Меланф доказал всем свою доблесть, одолев в единоборстве беотийского царя Ксанфа.

Прежде уже говорилось, завоевание Пелопоннеса повлекло за собой настоящее переселение народов. Побежденные дорийцами ахейцы сами напали на проживавших в северной части полуострова ионийцев и изгнали их из страны. Беженцы устремились на свою прародину в

Аттику, и вскоре население полуострова стало очень многочисленным. Дорийцы с тревогой следили за тем, как растет могущество Афин. Наконец они решили начать с ионийцами войну. К походу на Аттику их побуждали главным образом жители Коринфа и Мессении: первые из-за соседства с Аттикой, а последние из ненависти к Нелеидам, ведь в то время царем Аттики был сын Меланфа Кодра.

Приготовившись к походу на афинян, дорийцы запросил в Дельфах оракул об исходе предстоящей войны. Ответ был таков: «Дорийцы одержат победу, но только в том случае, если не убьют афинского царя». Предводители похода объявили оракул перед войском и строго приказали всеми силами оберегать от смерти вражеского царя. Между тем весть об оракуле дошла до самого Кодра. И тогда, чтобы избавить своих подданных от кровопролитной войны, царь решился на самоотверженный поступок. Он сменил свой обычный наряд на лохмотья, взвалил на спину вязанку хвороста и отправился напрямик в неприятельский лагерь. Оказавшись в толпе вражеских воинов, он выхватил серп и ранил им одного из дорийцев. Тот вспыл и ответным ударом поразил Кодра насмерть. Но когда стали внимательно рассматривать убитого, многие тотчас опознали в нем афинского царя. Сообразив, что их провели, дорийцы отступили без боя. Так, благодаря доблести вождя, обречшего себя на смерть ради спасения родины, афиняне избавились от опасной войны.

2) Начало колонизации

После смерти Кодра его старшие сыновья Медон и Нелей подняли между собой распрю из-за власти. Нелей громко заявил, что не допустит воцарения Медона, ведь тот был хром на одну ногу, а царь не должен иметь никаких изъянов. Медон не желал уступать брату, и наконец они договорились между собой доверить решение спора богу. Афиняне послали спросить оракул в Дельфах, и Пифия провозгласила царем Медона (он правил в 1066–1048 гг. до Р.Х.).

Нелей, а также другие сыновья Кодра не пожелали оставаться в Афинах и решили основать колонии на противоположном берегу Эгейского моря, в Азии. Недостатка в добровольцах у них не было. Кроме пришлых ионийцев, в походе согласилась принять участие часть жителей Фив и минийцев из Орхомена, а также многие фокейцы. Снарядив множество кораблей, сыновья Кодра отправились в путь, а по прибытии в Азию, каждый из них захватил или основал свой собственный город.

3) Лидийцы и карийцы

В ту пору прибрежные районы Малой Азии, севернее устья Герма, уже были заняты эолийцами. Поэтому ионийцы расселились южнее этой реки во владениях лидийцев и карийцев.

Лидия представляла из себя обширную область на западе Малой Азии и занимала долину в низовьях Герма и Каистра. Земля здесь была очень плодородной. В горах добывали много золота, так что царские сокровищницы в лидийской столице Сардах всегда были полны золотого песка. Однако сами лидийцы находились в подчинении у царя Фригии и потому не смогли оказать сопротивления пришельцам. Обычай этого народа, по свидетельству древних историков, не слишком отличался от греческих. Лидийцы были удалые наездники, и их конница одно время считалась лучшей в Азии. Вместе с тем, Лидия славилась своими отличными поварами и ювелирами. В ту пору, когда греки только появились в Азии, лидийцы еще имели влечение к бранной славе, но, спустя несколько столетий, они погрязли в роскоши, изнежились и совершенно утратили былую воинственность. Их уделом стала торговля. Кстати, именно лидийцы первыми из всех народов Средиземноморья стали чеканить деньги и ввели в употребление

золотую и серебряную монету. Раньше других это новшество восприняли ионийцы, а от них – все остальные греки.

Кария располагалась южнее Лидии, за рекой Меандр. Карийцы жили преимущественно в селениях, разбросанных по вершинам холмов, и пасли скот. Единого государства у них не было. Власть в различных областях принадлежала местным царским династиям и сосредотачивалась вокруг святилищ. Крупнейшим религиозным центром считалась Миласа, где находилось святилище Зевса Кария. Сами карийцы считали, что живут на своих землях издревле. Согласно же греческой традиции, они перебрались в Малую Азию с островов. О карийцах шла дурная слава как о морских разбойниках. Кроме того они имели репутацию хороших солдат и часто служили наемниками. Их услугами охотно пользовались, к примеру, египетские цари.

4) Колонии ионийцев в Малой Азии

Самым южным и самым знаменитым городом ионийцев был Милет. Он располагался на плодородной долине, вблизи устья реки Меандр. Город существовал задолго до прибытия сюда греков. Сначала он был критской колонией, потом столицей небольшого карийского царства, и наконец, около 1050 г. до Р.Х. был захвачен теми ионийцами, которыми предводительствовал сам Нелей. Победив карийцев, ионийцы перебили все мужское население, а на их женах и дочерях женились сами. Область Милета составляла довольно обширную территорию. Она была благоприятна как для земледелия, так и скотоводства. Милетяне разводили местную породу овец, шерсть которых считалась лучшей во всем греческом мире.

При следующем поколении, когда у власти в городе находились сыновья Нелея, в Милет из Греции переселилась новая партия колонистов. Отношения между ними и прежними поселенцами не сложились. Дело дошло до того, что вновь прибывшие восстали против сыновей Нелея, отступили в соседний город Миунт и начали оттуда войну. Впрочем, боевые действия велись не без договора. По праздникам враги заключали мир и могли без опаски ходить друг к другу в гости. И вот, когда у милетян случился праздник, дочь одного знатного ионийца по имени Пиэрия пришла в Милет. Тут ее увидел самый могущественный из сыновей Нелея по имени Фригий. Влюбившись в девушку, он стал спрашивать, что было бы для нее особенно приятно. Пиэрия отвечала: «Ах, если бы мне было разрешено часто и со многими друзьями ходить в Милет и не только по праздникам! Это было бы лучшим подарком!». По этим словам Фригий понял, что граждане нуждаются в мире и тотчас прекратил войну. Изгнанники вернулись в город, объединившись с прежними жителями в единую равноправную общину. Так любовь Фригия и Пиэрии послужила умиротворению страны.

Севернее Милета располагались Миунт и Приена. Прежде эти города также населяли карийцы. Ионийцы, взяв над ними верх, завладели их домами и полями. При этом вождем похода и основателем колонии в Миунте был сын Кодра Киарет. Что до жителей Приены, то колонисты представляли здесь смешанное население. Часть из них были фиванцы, часть – ионийцы. Предводительствовал ими сын Нелея Эпит. Миунт, основанный на берегах длинного и узкого залива в самом устье Меандра, поначалу был приморским городом. Но через несколько столетий наносы Меандра обратили залив в болото, где в огромном количестве расплодились комары. Вследствие этого многие местные жители переселились в Милет, а Миунт совершенно захирел.

Еще севернее, вблизи устья Каистра, лежал большой город Эфес. Прежде его населяли лидийцы. Ионийцы, возглавляемые сыном Кодра Андроклом изгнали из города тех лидийцев, что занимали акрополь. Жившим в городе не пришлось переживать таких страхов: лидийцы дали ионицам клятву верности и в свою очередь получили ее от них. Таким образом, они избегли войны, а Эфес обрел смешанное население. Долгое время этот город являлся главным центром Ионии, но потом его затмил Милет. Андрокл был воинственным государем. Он отнял

у жителей Самоса их остров и некоторое время владел им. Потом на стороне жителей Приены он вступил в войну с карийцами. Греческое войско победило, но сам Андрокл погиб.

Севернее Эфеса находился Колофон – древняя колония критян. Когда в Азию переселились ионийцы, они заключили с горожанами договор о союзе и составили с ними единый народ. Однако царское достоинство удержали за собой сыновья Кодра Дамасхитон и Промет. Древнегреческие историки сообщают, что в пору расцвета их города колофоняне обладали большим флотом и сильной конницей. Среди греков они славились необычайной любовью к роскоши. Пишут, что горожане, облаченные в пурпурные одеяния и благоухавшие драгоценными мазями, любили собираться на площади, где хвастались друг перед другом красиво уложенными локонами. Средний уровень достатка в Колофоне был настолько высокий, что по общим греческим меркам большинство местных жителей могли считаться богачами.

Далее на побережье лежал небольшой город Лебедос. В древности его жителями были карийцы. Ионийцы под начальством Андремона, сына Кодра, изгнали их прочь и сами завладели окружающей страной.

Соседний Теос заселили поначалу орхоменские минийцы, возглавляемые Афамантом. При этом коренное карийское население осталось на месте. Затем явились ионийцы, руководимые Апойком. Несколько лет спустя прибыла новая партия колонистов из Афин и Беотии. Отрядом из Аттики предводительствовали Дамас и Неокл, сыновья Кодра, а беотийцами – Герес. Апойк и теосцы приняли пришельцев к себе и поселились вместе с ними.

Неподалеку от Теоса лежали Эритры, также бывшие в древности колонией критян. Позже здесь обосновались минийцы, карийцы и памфилийцы. Колонию ионийцев вывел сюда Кноп, сын Кодра, который собрал из всех ионийских городов столько людей, сколько смог, привел их в Эритры и поселил вместе с местными жителями.

Что касается Клазомен, то этот город не существовал до прибытия греков. Рассказывают, что часть ионийцев, переплыв море, долго блуждала по стране, не зная, где поселиться. Сначала они основали город в древней Трояде под горой Идой, потом решили перебраться поближе к соплеменникам и выстроили городок Скиплий в колофонской области. Наконец, уйдя и оттуда, они основали на берегах Гермейского залива Клазомены. Население его было очень пестрым. Большею частью это были даже не ионийцы, а жители Клеон и Флиунта, изгнанные из Пелопоннеса дорийцами.

Восточнее Клазомен, на берегах того же Гермейского залива, располагалась Смирна. Прежде она была эолийским городом. Но ионийцы из Колофона, отняли ее у прежних жителей и сами поселились здесь.

Самым северным из ионийских городов была Фокея, располагавшаяся уже за Гермом на территории Эолиды. Местные жители, в большинстве своем происходили из Фокиды, однако в Азию они переселились под начальством афинян Филогена и Дамона. Землю для постройки города фокейцам дали жители Кум. Поскольку ионийцы не желали принимать их в свой союз, пока они не поставят над собой царя из рода Кодра, фокейцы вызвали от эритрийцев и с Теоса трех тамошних царевичей: Деэта, Перикла и Абарта. После этого Фокея также стала считаться ионийским городом.

Таковы были главные города ионийцев в Азии. По большей части они располагались в устьях рек или в конце дорог, по которым из глубины материка к морю доставлялись товары, вывозившиеся потом в самые разные страны. Выгодное местоположение позволяло им получать значительные доходы от торговли. При всех местных особенностях, Иония в целом отличалась прекрасным климатом и ровной температурой воздуха. Ни области внутри материка, ни на побережье (на востоке или на западе) не могли сравниться с ней. Первые страдали от холода и влажности, а вторые – от жары и засухи.

В первое время после переселения в Азию общей царской столицей ионийцев считался Эфес. Позже центром ионийского союза стало святилище Панионий, построенное на Микале

– азиатском мысе напротив острова Самоса. Здесь жители всех ионийских городов регулярно собирались на празднование Панионии – торжества, посвященного Посейдону Геликонию.

5) Государства ионийцев на островах

С течением времени под власть ионийцев перешли также многие из островов Эгейского моря. Около 1000 г. до Р.Х. ионийцы заселили большую часть Кикладского архипелага. Крупнейшим и плодороднейшим островом тут был Наксос, славившийся своим замечательным мрамором. (Ремесло ваения развилось на нем столь быстро, что Наксос снабжал своими статуями многие из материковых городов). На острове правили сначала аристократы, затем олигархи. Около 545 г. до Р.Х. власть захватил тиран Лигдамид. Через двадцать лет его изгнали, главенствующее положение снова перешло к олигархам. Наконец, около 500 г. до Р.Х. в результате переворота установилось демократическое правление. В последние десятилетия VI в. до Р.Х. остров достиг небывалой мощи и процветания. Сообщают, что Наксос мог выставить 8 тыс. пехотинцев-гоплитов и несколько десятков боевых кораблей.

В центре Киклад лежит Делос – крошечный, неплодородный клочок суши, имеющий 5 км в длину и 2,5 в ширину. Однако в древности он был едва ли не самым знаменитым из всех греческих островов. Ведь именно здесь, по свидетельству мифов, появились на свет Аполлон и его сестра Артемида.

По соседству с Наксосом располагался его извечный противник Парос – небольшой остров, почти целиком состоящий из мрамора (в древности местные жители строили из него свои дома). Около 650 г. до Р.Х. паросцы с разрешения дельфийского оракула колонизировали лежащий у берегов Фракии остров Фасос и изгнали населявших его фракийцев. Переселенцы нашли на Фасосе плодородные долины и хорошие источники пресной воды. Через двадцать-тридцать лет уже сами фасосцы вывели поселения на материке – Неаполь, Эсиму и Галепс. Назначение этих колоний заключалось в том, чтобы завладеть соседними золотыми и серебряными рудниками горы Пангей. Богатые месторождения серебра, железа и меди имелись и на самом острове. Разработка этих копей оказалась чрезвычайно прибыльным делом, благодаря чему Фасос пережил в VI в. до Р.Х. бурный расцвет.

Из островов, лежащих непосредственно у побережья Малой Азии самым могущественным и знаменитым был Самос, однако в виду значения, которое играл этот остров, о нем будет рассказано особо. К северо-западу от Самоса располагается Хиос – остров вытянутый в длину на 48, а в ширину – на 14 км. От материка его отделяет 8 км пролив. Считается, что древнейшими жителями острова были лидийцы и карийцы. Но около 1000 г. до Р.Х. Хиос заселили ионийцы из Аттики. Эти пришельцы выбрали для своего поселения красивую и плодородную равнину на восточном побережье острова; на этом месте и возник город Хиос. Он имел хорошую гавань и якорную стоянку. Помимо торговли большой доход островитянам приносило сельское хозяйство. Весь остров был покрыт масличными рощами и виноградниками. На западной стороне Хиоса находилась Ариусия – скалистая местность, лишенная гаваней. Здесь производилось самое лучшее из греческих вин. Поначалу, как и всеми другими ионийскими городами, Хиосом повелевали цари. Затем монархия сменилась аристократическим правлением. Оно носило настолько деспотический характер, что вызвало сильное раздражение островитян. Аристократов изгнали, и власть перешла к народному собранию.

6) Тирания в Эритрах

Из всех ионийских городов первыми испытали власть тиранов Эритры. Здешний царь Кноп, плохо разбиравшийся в людях, окружил себя множеством льстецов. Заискивая перед ним, они вместе с тем втайне мечтали сами овладеть властью. Однажды царь отправился на

корабле в Дельфы. Вместе с ним поплыли трое главных заговорщиков: Ортиг, Ир и Эхар, прозванные за свое угодничество "брехливыми псами". Когда корабль отплыл далеко от берега, они связали Кнопа и бросили его в море. Затем они отправились к Хиосу, набрали там воинов и ночью высадились в Эритрах.

Между тем волны выбросили труп Кнопа на берег. Царица Клеоника, устроила мужу пышные похороны. Народ тем временем справлял религиозный праздник и чествовал Артемиду. Жители не ждали нападения и потому не смогли его отразить. Захватив город, заговорщики умертвили всех сторонников Кнопа. (Царица успела спастись бегством в Колофон). После этого они отменили действие законов и стали вершить все дела по своему произволу. Оплотом тиранов стала городская крепость, в которой они заперлись вместе со своими наемниками. Внутри крепости не допускался никто из горожан, а судебные дела вершились перед ее воротами. Свои приговоры тираны выносили, облачившись в пурпурные плащи и в хитоны с пурпурной каймой (все это были символы царской власти). Летом они обувались в роскошные пятипалые сандалии, зимой ходили в женских башмаках, волосы носили длинные и завивали себе локоны, лбы повязывали желтыми и пурпурными диадемами, а украшения носили наподобие женских, целиком из золота. Одних граждан они заставили таскать следом за собой стулья и жезлы, другим приказывали подметать перед собой улицы. Если же кто-то из тиранов умирал, то, созвав граждан вместе с детьми и женами, они заставляли оплакивать покойного, ударяя при этом себя в грудь и пронзительно выть во весь голос. За тем, чтобы все это неукоснительно соблюдалось, следил человек с бичом.

Такова была судьба несчастных эритрийцев. Наконец брат Кнопа Гиппот, явившись с войском во время праздника, внезапно напал на тиранов. Народ тотчас перешел на его сторону. Многих сторонников тирании перебили. Сам Ортиг вместе с ближайшими сподвижниками был заколот во время бегства. Жены и дети тиранов подверглись мучительной казни. Сокрушив врагов, Гиппот даровал родине свободу.

7) Падение царской власти в Милете

Царская власть Нелеидов продержалась в Милете до конца VIII в. до Р.Х. Последним царем здесь был Лаодамант, которого граждане превозносили за справедливость. Но его родственник Амфитрет, также принадлежавший к роду Нелеидов составил против Лаодаманта заговор, убил царя во время одного из праздничных шествий и сам захватил власть в Милете. Дети и друзья Лаодаманта ночью бежали в соседний Ассес, правитель которого дал им убежище. Амфитрет осадил этот город. Однако в последовавшем затем сражении его воины были обращены в бегство. Дети Лаодаманта, преследуя отступавших, убили Амфитрета. Все это произошло около 700 г. до Р.Х.

С гибелью обоих претендентов на власть монархия в Милете больше не возродилась. Была учреждена должность эсимнета – заместителя царя. Это должностное лицо обладало огромными, почти что царскими полномочиями, однако избиралось только на один год. Ему помогала коллегия из пяти просэторов, избравшихся от пяти городских фил (шестую филу, – а в Милете насчитывалось шесть фил, – представлял сам эсимнет). Первым эсимнетом народ путем открытого голосования избрал некоего Эпимена. Прежде всего тот обрушился на родственников узурпатора. Поскольку милетянам не удалось схватить никого из детей Амфитрета (устрашенные, они спаслись бегством), Эпимен велел конфисковать и продать с торгов их имущество. Вырученные деньги были обещаны тому, кто убьет кого-нибудь из потомков тирана.

8) Война между ионийцами и лидийцами

На протяжении нескольких столетий лидийцы не доставляли ионийцам никакого беспокойства. Ведь Лидия, как уже говорилось, входила тогда в состав Фригийской державы, объединявшей под своей властью всю центральную часть Малой Азии. Но в начале VII в. до Р.Х. власти фригийцев пришел конец. Их государство погибло под ударами свирепых кочевников-киммерийцев.

С тех пор Лидия стала независимым царством. Около 680 г. до Р.Х. местного царя Кандавла, отпрыска древней династии, сверг его оруженосец Гигес, который основал династию Мермнадов («Ястребиного дома»).

Новые цари оказались гораздо воинственнее своих предшественников и повели упорную борьбу с ионийскими греками. Правда, сосредоточиться на завоевании прибрежных районов Малой Азии им долго мешали киммерийцы, часто совершавшие грабительские походы в Лидию. В 645 г. до Р.Х. кочевники разграбили греческие города Смирну и Эфес. Наконец, в 637 г. до Р.Х. сын Гигеса Ардис (правил в 645–624 гг. до Р.Х.) разгромил киммерийцев и подчинил их своей власти.

Положение греков ухудшилось. Богатый Колофон первым среди ионийских городов попал под власть лидийцев. Его завоевал уже Гигес. Вторым городом стала Приена, покоренная Ардисом. Алиатт, внук Ардиса, подчинил Смирну, а потом пошел на Клазомены. Однако тут лидийцев ожидала неудача, и они отступили от города с большим уроном для себя. Также упорно боролись с врагом жители Милета. Первый поход, сразу после своего воцарения, совершил против них Гигес. Затем с милетянами воевал Ардис. Но самую тяжелую войну горожанам пришлось выдержать поколением позже. Начал ее Садият, сын Ардиса (правил в 624–610 гг. до Р.Х.), а закончилась она уже при Алиатте, продолжаясь без перерыва полных двенадцать лет. Милетянам в этой войне не помогал ни один ионийский город, кроме разве что Хиоса. Каждый год лидийцы выступали в поход, выбирая для этого время, когда на полях созревали хлеба. Прибыв в землю милетян, они не разрушали дома, оставляя их в неприкосновенности. Вырубив все плодовые деревья и уничтожив на полях хлеб, лидийцы возвращались домой. Осаждать город они даже не пытались, так как милетяне господствовали на море. Дома же лидийские цари не разрушали специально. Они ведь не хотели изгонять греков из своей земли, но желали только одного: обложить их богатые города большой данью.

9) Фрасибул заключает мир с лидийцами

На двенадцатый год войны (в 610 г. до Р.Х.) в Милете установилась тирания Фрасибула. В точности не известно, как тот пришел к власти. Сообщают только, что Фрасибул занимал высокую выборную должность, дававшую ему очень большие полномочия. По истечении положенного срока он отказался сложить власть и при поддержке богатых купцов, управлял городом еще десять лет.

В том же году, войско лидийцев вновь зажгло нивы вокруг города. Внезапно огонь, подхваченный ветром, перекинулся на храм Афины Ассесии. Сначала лидийцы не придали этому событию никакого значения. Но по возвращении войска в Сарды, Алиатт внезапно занемог. Все попытки врачей помочь ему оказались тщетны, болезнь затянулась, и царь отправил послов в Дельфы спросить оракул о причине своего несчастья. Пифия объявила царским посланцам, что бог не даст им прорицания до тех пор, пока они не восстановят сожженный храм Афины в земле милетян. Об этом оракуле вскоре узнал коринфский тиран Периандр, который был близким другом Фрасибула. Он поспешил известить Фрасибула о затруднительном положении лидийского царя.

Между тем Алиатт, получив ответ пифии, послал глашатая в Милет, чтобы заключить перемирие с Фрасибулом и милетянами на время, пока он не отстроит храма. Когда царский посол прибыл в Милет, Фрасибул придумал следующую хитрость. Он приказал весь хлеб, что был в городе (и его собственный и отдельных граждан), снести на рыночную площадь и велел милетянам по данному знаку начинать веселые пирушки с песнями.

Сделал это Фрасибул для того, чтобы глашатай из Сард, увидев огромные кучи хлеба, наваленные на площади, и людей, живущих в свое удовольствие, сообщил об этом Алиатту. Так оно и случилось. Вестник увидел все, что ему хотели показать, и затем, передав поручение лидийского царя Фрасибулу, возвратился в Сарды. Узнав от него о благоденствии милетян, Алиатт потерял надежду покорить их. Ведь он рассчитывал только на то, что в Милете сильный голод и что измученный народ дошел до предела несчастья. Поэтому был заключен мир, по которому прежние враги вступили в дружбу и союз друг с другом. Алиатт же воздвиг вместо одного храма Афине два и исцелился от своего недуга.

10) Милет в эпохи распрей и процветания

После тирании Фрасибула Милет в течение многих лет раздирали гражданские распри. Борьба шла между двумя основными партиями. Одну из них – партию Богатства – составляли люди зажиточные, а другую – партию Кулачного боя – средние слои населения и бедняки. Соперничество между ними носило чрезвычайно ожесточенный характер. На протяжении первой половины VI в. до Р.Х. к власти дважды приходили тираны – сначала Фоант, а потом Дамасенор. Однако никаких подробностей об их правлении история не сохранила. Однажды, изгнав богачей, представители народа собрали на гумне их детей и, загнав туда стадо быков, потоптали и погубили их самым противозаконным образом. В свою очередь богатые, одержав в следующий раз победу, всех своих противников, кого только смогли захватить, облили смолой и вместе с их детьми сожгли.

Наконец паросцам удалось примирить враждующие партии. Произошло это следующим образом. Милетяне отправили посольство на Парос и пообещали подчиниться любому решению третейского суда, лишь бы он положил конец бесконечной вражде. Паросцы согласились быть посредниками. Когда их знатнейшие люди приплыли в Милет и увидели дотла разоренных жителей, они объявили, что прежде чем выносить свое решение, желают обойти окрестные поля. После этого паросцы обошли всю милетскую область из конца в конец. И если им случалось заметить в опустошенной стране хорошо возделанный участок, они записывали имя хозяина. Впрочем, таких участков им удалось найти совсем немного. По возвращении в город паросцы созвали народное собрание и передали управление городом тем немногим хозяевам, чьи участки были хорошо возделаны. При этом послы рассуждали так: раз эти хозяева посреди всеобщей смуты сумели так хорошо позаботиться о своем достоянии, значит им вполне по силам принять попечение об общем благе в период мира! И действительно, под управлением этих людей горожане забыли о былой вражде, и Милет в короткое время превратился в богатый, цветущий город – подлинную жемчужину Ионии. Во второй половине VI века до Р.Х. Милет считался одним из самых богатых городов греческого мира. Роскошь местных жителей вошла даже в пословицу. Здесь, как позже в Афинах, жили люди из разных стран. Милетяне сами много путешествовали и первыми из всех греков ознакомились с достижениями великих восточных культур, а потом сами научили греков египетской геометрии и вавилонской астрономии.

11) Колонии на Геллеспонте и Пропонтиде

В описываемую эпоху Милет был важным политическим, военным, торговым и культурным центром греческого мира. Но из всех великих деяний, совершенных жителями этого города, современники и потомки величайшим считали выведение ими огромного числа колоний. И действительно, в этом отношении «жемчужина Ионии» не знала себе равных. Одни древние историки пишут, что Милет являлся метрополией более чем семидесяти колоний, а другие – доводят число основанных им городов до сотни.

Колонизация Милета развивалась в основном на северо-запад. Если двигаться в этом направлении, то прежде всего города милетян встречались по берегам Геллеспонта – извилистого неприветливого пролива, отделявшего Европу от Азии. При длине в 64 км Геллеспонт имеет среднюю ширину около 1,6 км. Он изобилует скалами и бурлящими течениями, которые врываются в него из Черного моря.

На азиатском берегу Геллеспонта между 680 и 652 г. до Р.Х. милетяне с разрешения лидийского царя Гигеса основали Абидос. Напротив него, на европейском берегу, находился Сест – самый лучший и богатый из всех греческих городов на полуострове Херсонесе Фракийском. В нескольких десятках километров севернее располагалась еще одна пара городов: на азиатском берегу находился Лампсак (он был основан около 654 г. до Р.Х. фокейцами), а на европейском – Каллиполь. Последний находился на мысе, далеко выдающемся в сторону Азии, так что переправа между городами составляла не больше 80 м. Чуть дальше лежал Приап – приморский город и гавань. Вот какие города были у милетян в этом проливе.

Через Геллеспонт из Эгейского моря попадали в Пропонтиду (ныне это Мраморное море). Слово «Пропонтида» можно перевести как «Предморье». Такое имя было дано ей в виду самого географического положения в качестве «предверья» более просторного моря – Понта Эвксинского (ныне это Черное море). В длину Пропонтида имеет 280 км, а в ширину – 64.

Самым важным центром на Пропонтиде был основанный милетянами Кизик. Город появился здесь еще в 756 г. до Р.Х. Около 695 г. до Р.Х. его до основания разрушили киммерийцы. Однако в 675 г. до Р.Х. милетяне вновь отстроили Кизик, который с тех пор стал быстро расти и развиваться. Город получил свое название по имени большого плодородного острова. Построив две параллельные дамбы и укрепив их песчаными насыпями, греки превратили его в полуостров. Кизик возник на острове возле самых дамб. Одна его часть находилась на ровном месте, а другая – у горы. Поблизости располагались две великолепные гавани, которые могли запираяться и вмещали более 200 корабельных доков. Большой доход горожанам помимо торговли приносила ловля тунца. Изображение этой рыбы позже украшало городские монеты.

12) Колонии на Понте Эвксинском

Из Пропонтиды через узкий пролив Боспор Фракийский милетяне проникали в Черное море. Греки называли его Понтом Эвксинским, то есть «Гостеприимным». Говорят, что это название заменило собой более раннее – Понт Аксинский, означавшее прямо противоположное, а именно «Негостеприимное море». Прежде всего милетяне обосновались на его южном побережье. Здесь было много плодородных хорошо орошаемых долин с мягким климатом и тучных пастбищ. На прибрежных горах рос прекрасный корабельный лес. Недра были богаты железными рудами.

Первой милетской колонией, появившейся в этих местах, стала Синопа (основана в 756 г. до Р.Х.). По истечению некоторого времени сами синопцы вывели к востоку от себя колонию Трапезунд, ставшую вскоре вторым по значению греческим городом на южном берегу Черного моря. Колонии милетян на западном и северном берегах появились значительно позже.

Помимо дальности расстояния причина этой задержке крылась в характере местного населения. Ведь соседями греков здесь были не мирные пафлагонцы и фригийцы, а воинственные скифы.

Первой колонией милетян на западном побережье Черного моря стала Истрия, основанная в 657 г. до Р.Х. чуть южнее дельты Дуная (греки называли эту реку Истром). Вскоре по соседству возникли другие города милетян – Аполлония Понтийская (основана в 610 г. до Р.Х.), Одесс и Томы.

На северном берегу Черного моря милетяне появились только в конце VII в. до Р.Х. Их первой колонией здесь стало небольшое поселение на острове Березань, неподалеку от того места, где в Черное море впадали Южный Буг и Днепр. В первой половине VI в. до Р.Х. греки перебрались на материк и основали на правом берегу Буга город Ольвию. Место было очень удобно для жизни: по берегам тянулись прекрасные тучные пастбища, плодородная земля давала прекрасные урожаи, а в устьях обеих рек роились бесчисленные стаи рыб, в том числе огромные осетры, а также тунец и макрель. Не удивительно, что в середине VI в. до Р.Х. Ольвия начала стремительно расти. Причем граждане полиса (общее число их, как считают, могло достигать 10 тыс. человек) селились не только в городе, но также на берегах Бугского и Березаньского лиманов, где появилось несколько десятков небольших городков и сел. Их жители занимались земледелием и выращивали хлеб на продажу. Верховным органом власти было народное собрание граждан, ведавшее всеми важнейшими государственными делами. Дела для рассмотрения в народном собрании подготавливал специальный совет, состоявший из выборных членов и заседавший в храме Зевса. Исполнительная власть осуществлялась коллегиальными выборными магистратами, важнейшей из которых была коллегия пяти архонтов во главе с первым архонтом. Архонты могли созывать народное собрание, они ведали внешними сношениями города, наблюдали за государственными финансами и выпуском монеты. Шесть стратегов управляли военными делами. Агораномы осуществляли полицейские функции, следили за порядком в городе, в частности на агоре, за торговлей на рынке, за правильностью мер и весов.

Видимо, в VI в. до Р.Х. милетцы на правом берегу Днестровского лимана основали Тиру, а на противоположном берегу лимана в том же веке возник город Никоний.

Одновременно милетяне осваивали берега Крыма, населенного в то время скифами и таврами. Первой греческой колонией в Крыму стал Пантикапей, основанный около 600 г. до Р.Х. Он возник на месте прежнего киммерийского поселения в области с очень плодородными землями. Кроме продажи хлеба большие доходы городу приносила посредническая торговля с местными племенами. Неподалеку от Пантикапея милетяне в середине VI в. до Р.Х. основали Феодосию. Город занимал плодородную равнину и обладал гаванью, которая могла вместить 100 кораблей. Третьим греческим поселением в этой области стал Нимфей.

Тогда же греки проявили интерес к Азовскому морю (они называли его Меотидой) – хоть и бурному, но чрезвычайно богатому рыбой. Основные их колонии располагались по берегам нынешнего Керченского пролива (греки именовали его Боспором Киммерийским). Главным городом здесь была Фанагория, основанная правда не милетянами, а выходцами из Теоса (в 540 г. до Р.Х.). Зато милетянам принадлежала самая дальняя из греческих колоний в черноморском бассейне – город Танаис, возникший между 625 и 600 гг. до Р.Х. в самом устье Дона. Это был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников с одной стороны и прибывавших на кораблях греков – с другой.

Несколько колоний милетян появилось и на восточном, кавказском, берегу Черного моря. Здесь в VI в. до Р.Х. выросли два больших греческих города – Диоскуриада и Фасис. Об истории и даже точном местоположении первого мы фактически ничего не знаем. Фасис был основан в 520 г. до Р.Х. милетянином Фемистагором на плодородной равнине в устье реки Фасис (так греки называли Риони).

13) Навкратис

В годы правления Псамметиха I милетяне на 30 кораблях приплыли в Египет и, высадившись там, построили укрепленное поселение в одном из устьев Нила. С течением времени они поднялись вверх по реке и с разрешения царя основали колонию в египетском городе Пиетро. Это греческое поселение получило название Навкратис. Оно располагалось вблизи египетской столицы Саиса и это очень способствовало его развитию как торгового центра. Процветанию города способствовало и другое обстоятельство: Навкратис был единственным местом во всей стране, где египетские власти разрешали жить и торговать греческим купцам. Если их корабль оказывался в каком-либо другом месте, то нужно было принести клятву, что это случилось неумышленно. Греки вывозили из Египта прежде всего зерно и папирус. Взамен они везли серебро, древесину, оливковое масло и вина.

Хотя Навкратис основали милетяне, он не был колонией какого-то одного греческого города. В его торговле принимали участие несколько греческих государств. Одно из главных местных святилищ – Эллий, было возведено сообща девятью восточными греческими полисами – четырьмя ионийскими (Хиос, Клазомены, Теос и Фокея), четырьмя дорийскими (Родос, Галикарнас, Книд и Фаселида) и одним эолийским (Митилена). Кроме того свои обособленные святилища, посвященные Аполлону, Гере и Зевсу соответственно имели Милет, Самос и Эгина.

14) Эфес и его тираны

Вторым по значению ионийским городом в Азии был Эфес, располагавшийся на южной стороне узкого устья Каистра и господствовавший над обширной Колофонской равниной. Его основные городские укрепления располагались на склонах горы Пион. О древнейшей истории Эфеса нам ничего не известно. Власть царей постепенно сменилась здесь господством аристократического рода Басилидов, возводившего свое происхождение к основателю города Андроклу. В первой половине VII в. до Р.Х. Эфес пережил несколько опустошительных нашествий киммерийцев, но сумел быстро восстановиться.

Около 600 г. до Р.Х. господство аристократов оказалось ниспровергнуто тираном Пифагором. Хотя тиран сам происходил из рода Басилидов, положение знати при нем было очень скверным. Пифагор отличался огромной алчностью и нещадно обирал богачей. Сообщают, что он верил любым доносам – лишь бы был повод поживиться чужим добром. Своих врагов он преследовал с неукротимой жестокостью, так что они не могли найти защиты даже в храмах. Наконец Пифагора обвинили в попрании всех божеских и человеческих законов. Дельфийский оракул не захотел его поддержать, и тирания Пифагора пала. Басилиды ненадолго вернулись к управлению государством, но не сумели удержать власть в своих руках. В середине VI в. до Р.Х. в Эфесе правили еще два тирана: Мелас I и его сын Пиндар. Последний отказался от власти по требованию лидийского царя Креза.

15) Храм Артемиды

Когда первые греческие поселенцы прибыли в устье реки Каистр они обнаружили небольшой огражденный участок со священным деревом, где местные жители совершали поклонение богине, именованной ими «владычицей зверей». Ионийцы отождествили эту неведомую богиню с покровительницей охоты Артемидой и построили в честь нее небольшой храм. Затем, во время войн с киммерийцами, древнее святилище погибло.

При тиранах Меласе I и Пиндаре, в 560–550 гг. до Р.Х., эфесцы приступили к возведению нового храма. Считается, что это было первое монументальное сооружение в греческом мире, построенное целиком из мрамора. Строительством руководили критские зодчие Херсифрон и Метаген. Ширина здания составляла 51 м, а длина – 105 м. Крышу поддерживали 127 восемнадцатиметровых колонн. Впрочем, храм еще не был полностью каменным. Для перекрытий и стропил широко использовались деревянные балки, а высокие двустворчатые двери были сделаны из полированного кипариса и отличались богатством золотой отделки. Внутри находилась статуя Артемиды, высотой более двух метров, изготовленная из древесины виноградного куста и облицованная золотом и серебром. В таком виде, радуя и изумляя людей, храм Артемиды просуществовал до 356 г. до Р.Х., пока его не сжег местный житель Герострат (сделал он это, как гласит предание, для того чтобы прославиться; в дальнейшем храм отстроили вновь, а имя Герострата стало нарицательным: так отныне именуют людей, готовых ради славы на самые варварские и безумные поступки).

16) Фокея и ее колония Массалия

Как уже говорилось, Фокея – самое северное из ионийских поселений – возникло на территории, предоставленной эолийским городом Кимой. Однако пахотной земли у местных жителей оказалось мало, и фокейцы едва ли не с первых лет существования города стали промышлять торговлей. В скором времени они стяжали себе славу замечательных мореходов.

Фокейцы первыми среди греков пустились в далекие морские путешествия и первыми достигли территории Кельтики (современной Франции) и Иберии (современной Испании). В Кельтике фокейский купец Протид, приобретя расположение кельтов, живших у Роны (греки называли эту реку Роданом), основал в 600 г. до Р.Х. Массалию. Пришельцы расселились в пределах небольшой территории, имевшей лишь два с половиной км в окружности, – на горном отроге, состоявшем из трех невысоких кряжей у моря. Город располагался в скалистой местности, прикрытой болотами и реками, и был прекрасно укреплен. Вблизи Массалии находился укромный залив с просторной, хорошо защищенной гаванью. Неподалеку располагалось устье Роны.

Первоначально власть в городе принадлежала аристократии и почетные политические права имели очень немногие граждане. Однако люди, не имевшие доступа к должностям, возбуждали волнения до тех пор, пока не добились участия в управлении городом. В итоге в Массалии установилась умеренная олигархия. Все дела находились в руках совета из 600 человек, занимающих эту почетную должность пожизненно. Они назывались тимухами. Во главе Совета стояли 15 человек из числа тимухов. Им была вручена исполнительная власть в текущих делах. Наконец, 3 человека, обладающие высшей властью, председательствовали над этими 15. Однако никто из горожан не мог стать тимухом, если не имел детей или не происходил от лиц, бывших гражданами в течении трех поколений. Законы у массалиотов были ионийскими и строго соблюдались.

Колонисты владели небольшой областью вокруг города, обсаженной оливковыми деревьями. Однако, поскольку гористая местность оказалась не очень плодородной, своего хлеба им не хватало. Поэтому для массалиотов жизненно важное значение всегда имела морская торговля. У них было много кораблей, оружия и инструментов, необходимых для мореплавания. Благодаря своей доблести они захватили у кельтских и иберийских племен несколько равнин на побережье и вывели туда свои колонии.

17) Крез завершает завоевание Ионии

В середине VI в. до Р.Х., когда царем Лидии стал сын Алиатта Крез, войны между лидийцами и ионийцами возобновились с новой силой. Первый город, против которого выступил царь, был Эфес. Правивший здесь тиран Пиндар не пожелал выполнять требование о добровольном подчинении, и дело дошло до осады. Лидийцы упорно подступали к городским укреплениям. Вскоре одна из башен была разрушена. Тогда Пиндар приказал протянуть веревки от храма Артемиды к стенам и воротам города. Он хотел таким образом показать, что город стал частью святилища богини и всякое посягательство на него равносильно святотатству. Впрочем, эта хитрость не принесла ему никакой пользы. Ведь горожане ненавидели тирана за жестокость и не желали его защищать. Пришлось Пиндару вступить в переговоры с Крезом. Царь пообещал, что ничем не ограничит внутренней свободы Эфеса. Однако горожане должны были согласиться на уплату дани и помощь лидийцам в случае войны. Эфесцам пришлось уступить. После этого Пиндар покинул город и уехал в Пелопоннес, передав правление своему сыну Меласу II. Но очень скоро, около 550 г. до Р.Х., тот также лишился власти.

Подчинив себе Эфес, Крез обратился против других греческих городов на побережье и постепенно покорил всех ионян и эолийцев. Стараясь придать своим действиям видимость законности, царь каждый раз выставлял какой-нибудь повод для нападения. Если можно было подыскать важную причину, то он выдвигал серьезные обвинения. Когда таковой не находилось, он довольствовался любым, даже самым ничтожным предлогом.

18) Мир с ионийскими островитянами

Покорив материковых эллинов, Крез всех их заставил платить себе дань. Затем он задумал построить флот и напасть на островитян. И вот, когда уже все было готово для постройки кораблей, в Сарды прибыл известный мудрец из Приены по имени Биант. Крез спросил его: "Что поделявают греки на островах?" А тот ответил: "Царь! островитяне закупают множество коней, собираясь в поход на Сарды против тебя". Крез решил, что Биант говорит правду и воскликнул: "О если бы боги в самом деле внушили островитянам эту мысль – идти на конях против сынов-лидийцев". Он ведь знал, что в конном бою лидийцы непобедимы и греки заведомо обречены на поражение. Тогда Биант заметил: "Царь! Ты, конечно, страстно желаешь, чтобы островитяне со своей конницей попали в твои руки на материке, и к этому у тебя есть все основания. Что же, ты думаешь, желают островитяне, узнав, что ты намерен построить флот против них? Ничего другого, как захватить лидийцев на море и отомстить за порабощение их собратьев на материке!" Крезу понравилась шутка гостя. При всем том он нашел его заключение совершенно правильным и велел прекратить постройку флота. Вместо того, чтобы затевать морскую войну царь вступил с ионийскими островитянами в дружбу и в дальнейшем мог пользоваться их поддержкой.

19) Начало персидских завоеваний

В 547 г. до Р.Х. началась война между Лидией и Персией. Персидский царь Кир II послал вестника к ионийцам, побуждая их отпасть от Креза. Ионийцы, однако, отказались. Они верили в могущество лидийского царя, с которым к тому же у них сложились неплохие отношения. Только милетяне заключили союз с персами и, как оказалось, поступили дальновиднее всех остальных.

Тотчас после покорения Лидии персами ионийцы и эолийцы отправили вестников в Сарды к Киру. Они объявили, что желают подчиниться персам на тех же условиях, как ранее Крезу. Выслушав их предложение, Кир рассказал такую басню: «Какой-то флейтист увидел в море рыбу и принялся играть на флейте, надеясь, что рыба выскочит на сушу. Обманувшись в своих ожиданиях, он закинул невод, поймал много рыбы и вытащил ее на берег. И вот, увидев бьющуюся в неводе рыбу, он сказал: "Когда я вам играл, тогда бы и плясали, а теперь уже поздно!"» Эту басню Кир рассказал ионийцам и эолийцам потому, что те прежде отклонили его предложение отложиться от Креза, а теперь, когда все было уже кончено, изъявили готовность подчиниться победителю.

Таким образом, грекам было отказано в мире. Но сам Кир не стал с ними воевать. Ведь у него были более серьезные противники: Вавилония, живущие в Средней Азии саки и бактрийцы, а также египтяне. Против этих народов Кир решил выступить лично, а против ионийцев послал мидийца Мазареса. Тот успел подчинить Приену и разграбить долину Меандра, но вслед затем занемог и скончался.

20) Переселение фокейцев в Италию

После кончины Мазареса приемником его в должности военачальника стал другой мидиец Гарпаг. Прежде всего он подступил к Фокее и велел передать жителям, что удовольствуется, если горожане разрушат один только бастион на стене и посвятят в знак покорности царю один дом. Фокейцы, которые ненавидели рабство, объявили, что просят один день на размышление. Гарпаг согласился и отвел войско от города. Тогда фокейцы спустили на воду свои 50-весельные корабли, погрузили на них жен, детей, все свои пожитки, а также изображения богов и посвященные дары из храмов. Погрузив затем и все остальное имущество, они взошли на борт и отплыли на Хиос. Фокею же, оставленную жителями, заняли персы.

Поначалу фокейцы не хотели уплывать далеко. Они надеялись, что хиосцы продадут им Энусские острова, однако те отказали им в этой просьбе, опасаясь, что после поселения фокейцев эти острова превратятся в крупный торговый центр, а их собственный остров из-за этого лишится торговых выгод. Увидев, что с этой стороны им не на что надеяться, греки вернулись в Фокею и перебили персидскую стражу, оставленную Гарпагом. Затем они бросили в море кусок железа и поклялись, не возвращаться до тех пор, пока это железо не всплывет на поверхность. Решено было плыть на остров Корсику (он находился вблизи берегов Италии), где за двадцать лет до этого фокейцы основали колонию Алалия. Но едва корабли двинулись в путь, больше половины граждан охватила мучительная тоска по родному городу и насиженным местам. И вот, нарушив данную клятву, они вернулись назад в Фокею и покорились персам.

Остальные греки исполнили свое намерение. Они перебрались на Корсику и прожили там пять лет вместе с прежними поселенцами. Однако и тут у фокейцев вскоре нашлись новые враги. Это были этруски и карфагеняне. Как те, так и другие привыкли считать Корсику своим владением. Появление здесь большого греческого города шло вразрез с их торговыми интересами. И вот, забыв о прежней вражде, оба народа объединились и выступили на 60 кораблях против фокейцев. Греки также снарядили 60 боевых кораблей и поплыли навстречу противнику. Произошло ожесточенное морское сражение. Фокейцы одержали в нем победу, но 40 из 60 кораблей у них погибло, а остальные 20 потеряли боеспособность, так как у них были отбиты носы. Продолжать войну в таких условиях сделалось невозможно. Возвратившись в Алалию, фокейцы вновь посадили жен и детей на корабли, поплыли в Южную Италию и захватили здесь город Элею. Отныне она стала их новой родиной.

21) Завершение персидского завоевания

Примеру большей части фокейцев, переселившихся из Азии, последователи жители другого ионийского города Теоса. После того, как персы захватили городские стены, все теосцы сели на корабли и отплыли во Фракию. Там они поселились в городе Абдере.

Эти два ионийских города были единственными, которые предпочли лучше покинуть свою родину, чем терпеть рабство. Остальные ионийцы, кроме милетян, вступили в борьбу и доблестно сражались каждый за свой город. Однако все они потерпели поражение и были покорены. (Обычно персы поступали так: они окружали город валом, возводили у стен насыпи, а затем брали его приступом).

Так Иония вторично потеряла свободу. После покорения Гарпагом материковых ионийцев островные ионийцы, устранившись их участи, добровольно покорились Киру.

Самос

1) Колонизация острова

Город Самос находился на одноименном острове, причем большая его часть омывалась морем и располагалась на ровном месте, а меньшая – поднималась по склону возвышавшейся над гаванью горы. Остров процветал за счет плодородной почвы, которая стяжала ему множество похвальных эпитетов и прозваний. Но наибольшую выгоду Самос извлекал из своего расположения: он был конечным пунктом на единственном сравнительно безопасном (в любую погоду!) пути через Эгейское море.

В древности первоначальным населением Самоса были карийцы. В конце героической эпохи его стали заселять греки. Говорят, что первых колонистов сюда привел Прокл, сын Питирея. Он был родом из Эпидавра и стоял во главе эпидаврийцев, которых изгнали из родных мест Деифонт и аргосцы. Позже царь Эфеса Андрокл обвинил самосцев в том, что они вместе с карийцами злоумышляли против ионян. Он пошел походом на Леогора, сына Прокла, царствовавшего после отца в Самосе, и, победив его в битве, изгнал с острова. Часть самосцев поселилась тогда на острове около Фракии, который стал называться Самофракией. Другие вместе с Леогором укрепили стенами Анею на материке. Спустя десять лет, они переправились на Самос, изгнали с него эфесцев и вновь завоевали себе остров.

2) Тиран Поликрат

По упразднении монархии власть на острове прибрали к рукам знатные землевладельцы – гаморы. Позже здесь правило несколько тиранов. О первом из них, Демотеле, известно очень мало. Затем, около 560 г. до Р.Х., власть захватил наварх (предводитель флота) Силосонт. При нем на Самосе был возведен гигантский храм Геры – величайшее из всех греческих сооружений того времени. Он, впрочем, тоже оставался у власти не очень долго и был изгнан аристократами-гаморами. Но уже в 538 г. до Р.Х. аристократическое правительство было низвергнуто Поликратом – внуком или внучатым племянником упомянутого Силосонта. Во время большого праздника в честь Геры, когда вооруженные жители отправились в святилище, располагавшееся в полутора часах ходьбы, и там сложили оружие, Поликрат напал на них и сразу после этого захватил никем не охраняемый город. А чтобы защитить власть, завоеванную так внезапно, он укрепил акрополь и обратился за поддержкой к наксоскому тирану Лигдамиду.

Тот послал ему войска. Сначала Поликрат разделил город на три части и в течении пяти или шести лет делил власть с братьями Пантагнотом и Силосонтом. Но потом одного из братьев он убил, а младшего – Силосонта изгнал.

Таким образом, около 532 г. до Р.Х. началось единоличное правление Поликрата, за которым в истории закрепилась слава одного из самых удачливых и могущественных тиранов своего времени. В короткое время он сумел превратить Самос в сильнейшую морскую державу Восточного Средиземноморья. Флот, доставшийся Поликрату после государственного переворота, насчитывал до ста 50-весельных судов и около сорока триер. По его приказу, в дополнение к ним, началось строительство новых судов, так называемых, самен, которые могли использоваться в открытом море как парусники. Их отличительными признаками являлись тупой, похожий на свиное рыло нос и объемистый корпус. Чтобы укрыть дополнительные корабли гавань Самоса была защищена и расширена гигантским (в триста шагов!) молотом. С этой военной силой Поликрат принялся разорять без разбора земли друзей и врагов. Самосцы всегда занимались морским разбоем, но Поликрат делал это с таким размахом, что стал подлинным владыкой морей. Вскоре он подчинил себе множество островов и городов на материке. Между прочим, он одержал победу в морской битве над лесбосцами, когда те со всем своим флотом пришли на помощь Милету, а потом заставил пленников в окопах выкопать ров вокруг стен на Самосе. Слава о могуществе Поликрата разнеслась по всей Элладе. Многие правители искали его дружбы.

Греков восхищали не только военные успехи Поликрата, но также его щедрость, блеск его построек и пышность его двора. «Ни один эллинский тиран, кроме сицилийского, не мог сравниться по размаху роскоши с Поликратом», – писал историк Геродот. Помимо гавани, обширного городского рынка и роскошного дворца тиран велел отстроить новый великолепный храм Геры, превосходивший размерами предыдущий (тот погиб во время пожара). Еще одним грандиозным деянием Поликрата стало строительство нового водопровода. По его приказу в горе была устроена сквозная штольня, длиною в тысячу шагов. Под полом в ней шел тоннель с трубами, куда попадала вода из сильного источника (штольню пробивали одновременно с двух сторон, причем рабочие точно сошлись в середине горы).

Стремясь еще более увеличить блеск своего двора, Поликрат, первым из тиранов, стал собирать вокруг себя знаменитых поэтов, астрологов, врачей, и художников. Все они получали высокое жалование и царские подарки. (Для его пиров и праздников сочиняли песни лучшие поэты того времени – теосец Анакреонт и региец Ивик; среди других знаменитостей следует отметить кротонского врача Демокета; Поликрат очень желал удержать при себе величайшего из самосцев Пифагора, но тот уехал от него в Италию).

3) Поликратов перстень

Однажды Поликрат получил письмо от своего друга фараона Амасиса. Египетский царь, на себе испытавший в жизни и удачу, и невзгоды, писал ему: «Друг, я рад твоему счастью. Но я помню, что судьба изменчива, а боги завистливы. Ведь чем безоблачнее твое счастье теперь, тем страшнее будет расплата за него в будущем. Во всем нужна мера, и радости должны уравновешиваться печалью. Поэтому послушайся моего совета: возьми то, что ты больше всего любишь, и откажись от него. Может быть, малой горестью ты отворишь от себя большую беду».

Поликрат сразу осознал правоту Амасиса и решил последовать его совету. У него был любимый изумрудный перстень в золотой оправе с печатью изумительной резьбы. Тиран надел этот перстень на палец, взошел на корабль и выплыл в открытое море. Здесь он снял перстень и на глазах у спутников бросил его в волны, а потом опечаленный потерей вернулся на берег.

Казалось бы, на этом все должно было кончиться, однако история с перстнем получила неожиданное продолжение. Через пять или шесть дней к воротам дворца пришел рыбак. Он попросил допустить его к Поликрату и сказал: «Я поймал рыбу небывалой величины и решил принести ее тебе в подарок!» Поликрат щедро одарил рыбака, а его добычу отправил на кухню. И что же здесь открылось? Когда слуги принялись потрошить рыбу, в ее животе оказался изумрудный перстень Поликрата!

Узнав об этом, пораженный тиран сообщил о чудесной находке Амасису, а тот написал ему в ответ: «Друг, я вижу, что боги против тебя, ведь они отказываются принимать твои жертвы! Малое несчастье тебя не постигло – поэтому жди большого. А я отныне прерываю с тобой дружбу, чтобы не терзаться, когда узнаю о постигшей тебя беде!»

4) Самсосские изгнанники

Городская беднота и самосские ремесленники всемерно поддерживали Поликрата. Но зато аристократы и богачи ненавидели его. Зная об этом, тиран постоянно ожидал заговоров и покушений. Наконец это ему надоело. Поликрат решил под благовидным предлогом избавиться от всех своих недругов. Он тайно послал вестника к персидскому царю Камбису, который в то время как раз снаряжал войско в египетский поход. «Мой государь был бы рад услужить тебе, великий царь, – сказал вестник, – но не знает, как это сделать». – «Нет ничего проще!» – воскликнул Камбис и отправил на Самос своих людей с просьбой прислать ему для похода в Египет военные корабли. Поликрат только этого и ждал! Он тотчас отобрал тех граждан, которых особенно подозревал в мятежных замыслах, посадил их на 40 кораблей и отослал в Египет. «Мои люди всецело в твоём распоряжении, великий царь! – написал он Камбису. – Можешь держать их при себе столько, сколько пожелаешь!» В глубине души он надеялся, что ненавистные ему гаморы вообще никогда больше не вернуться на Самос.

Однако все произошло не так, как он ожидал. Самосцы прекрасно понимали, что их отправили в изгнание, и не собирались с ним мириться. Пробыв некоторое время в Египте, они тайком сбежали из этой страны. На всех парусах их корабли помчались к Самосу. Гаморы предполагали внезапно напасть на тирана и таким образом добиться над ним победы. Поликрат не ждал нападения, кораблей у него оказалось мало, и он потерпел в морской битве поражение. Но когда изгнанники высадились на сушу, они встретили ожесточенный отпор. Горожане и так не очень благоволили к аристократам, а чтобы еще сильнее подстегнуть их мужество, тиран прибег к следующей чрезвычайной мере. Он приказал запереть в корабельных доках детей и жен подвластных ему граждан и пригрозил, что немедленно сожжет их живьем, если самосцы вздумают поддержать мятежников. Так он обеспечил их верность и добился победы.

Ничего не достигнув своими силами, изгнанники решили искать помощи у лакедемонян. Они явились в Спарте к геронтам и произнесли перед ними длинную, прочувствованную речь, настоятельно умоляя о помощи. Но их красноречие было потрачено понапрасну! Спартанцы презирали мишурную красоту и более всего ценили краткость. Послам ответили: «Ваша речь была такой длинной, что ее начало мы забыли, а потому не поняли конца!» Самосцы усвоили урок и, явившись во второй раз, не стали пускаться в длинные разглагольствования. Они только тряхнули перед глазами геронтов пустой сумой из-под хлеба и заметили: «Мешок есть, но муки нет!» Это означало: Самос цел, но лучшие люди его в изгнании. Новая речь геронтам тоже не понравилась (она ведь была настолько краткой, что вполне могла сойти за едкую насмешку!) Впрочем, они все же решили помочь изгнанникам.

В 523 г. до Р.Х. лакедемоняне высадились на Самоое с сильным войском и осадили город. Поначалу судьба им благоприятствовала – нападавшие проникли до городской стены и уже взобрались на башню, что стояла в предместье с внешней стороны, но тут подошел на помощь

сам Поликрат с сильным отрядом и оттеснил их назад. Потратив на безуспешную осаду сорок дней, лакедемоняне отплыли назад в Пелопоннес.

Самосским изгнанникам пришлось самим думать о своей судьбе. Более всего они нуждались в деньгах и потому поплыли на Сифнос. Жители этого острова имели у себя золотые и серебряные рудники и потому славились своим богатством. Но когда самосцы потребовали ссудить им незначительную сумму, сифнийцы отказались. Началась война, в которой самосцы одержали победу. После этого побежденным пришлось выплатить в десять раз больше первоначальной суммы, и на этот раз совершенно безвозмездно. Обеспечив себя деньгами, изгнанники основали на Крите город Кидонию. Тут в достатке и благоденствии они прожили пять лет. Однако на шестой год они потерпели поражение в морской битве от эгинцев и критян, после чего их всех продали в рабство.

5) Коварство Орета

Впрочем, самого Поликрата также ожидал плохой конец, и вот по какой причине. Сатрапом Сард в то время был перс по имени Орет. Как-то между ним и другим сатрапом по имени Митробат произошел горячий спор по поводу того, кто из них доблестнее. Слово за слово они дошли до ссоры, и тогда Митробат бросил Орету упрек: "И ты дерзаешь считать себя доблестным мужем! Ты ведь даже не сумел завоевать остров Самос, лежащий против твоей сатрапии. Между тем, им так легко овладеть, что один самосец захватил его всего с пятнадцатью гоплитами и теперь царствует над ним". Услышав эти слова, Орет был глубоко уязвлен и с тех пор думал только о том, как ему погубить Поликрата. Составив хитроумный план, он отправил к тирану посла с таким известием: «Орет так говорит Поликрату. Я узнал, что ты вынашивал планы о покорении всей Ионии, однако у тебя не было средств их осуществить. Но теперь все может перемениться! Ведь Камбис посягает на мою жизнь и готовится меня погубить. Прими меня к себе вместе с моими сокровищами, часть их возьми себе, а остальные оставь мне. С этими деньгами ты станешь властителем всей Эллады. Если не веришь, что у меня так много денег, пошли ко мне самого верного человека. Я ему их покажу».

Получив это заманчивое предложение, Поликрат с радостью согласился. Он страстно пожелал получить обещанные сокровища и прежде всего направил к сатрапу своего секретаря Меандрия. Орет, узнав, что к нему едет согладатай, наполнил восемь сундуков камнями, а сверху на камни положил золото. Потом он завязал сундуки и держал их наготове. Меандрий прибыл и, осмотрев сундуки, донес Поликрату о том, что видел.

Тогда Поликрат, невзирая на настоятельные предупреждения прорицателей и друзей, решил сам отправиться в Магнесию. Более других уговаривала его не доверять персам собственная дочь. «У меня был дурной сон, – говорила она, – я видела, будто ты паришь между небом и землей, умащаемый Гелиосом и омываемый Зевсом». Но Поликрат не верил женским снам! «Берегись, – сказал он в сердцах, – вот вернусь, и продержу тебя в девках до самой смерти!» – «Ах, если бы случилось так, как ты говоришь, – отвечала дочь, – я была бы только счастлива!»

Увы, все случилось, как она предрекала, и даже хуже. Захватив Поликрата, Орет подверг его настолько жестокой и позорной казни, что Геродот не решился ее описать, а после труп несчастного тирана был распят на кресте. Под солнечными лучами из него выступала влага, а зевсовы дожди смывали с него пыль. Такой ужасный конец имел счастливец Поликрат, которому до этого всегда удавались все его дерзкие замыслы.

6) Силосонт и Дарий

Когда Камбис, сын Кира, отправился в египетский поход, вместе с ним в Египет прибыло много греков. Одни поехали для торговли, другие – как участники похода, а третьи просто хотели посмотреть страну. Среди последних был Силосонт, изгнанный брат Поликрата Самосского. Этому-то Силосонту выпало великое счастье. Однажды, одетый в красный плащ, он прогуливался по рынку в Мемфиоэ. Тут его увидел Дарий, который, будучи телохранителем Камбиса, не имел тогда среди персов никакого веса. Он прельстился плащом, подошел к Силосонту и попросил продать его. А Силосонт, видя сильное желание Дария получить этот плащ, сказал: "Я не продам его ни за что, но хочу тебе подарить, если уж ты непременно хочешь его иметь". Дарий был очень доволен и взял плащ.

Силосонт думал тогда, что лишился плаща по простоте душевной. Но некоторое время спустя, после кончины Камбиса, когда Дарий был избран царем, Силосонт узнал, что персидский престол достался тому самому человеку, которому он некогда подарил плащ. Тогда Силосонт отправился в Сузы, сел перед воротами царского дворца и объявил, что он «благодетель» царя Дария. Страж дверей передал его слова царю. Дарий с удивлением сказал ему: "Кто этот эллин, которому я обязан благодарностью? Впрочем, приведи его, и я посмотрю, чего он добивается своими словами". Страж двери ввел Силосонта в покои, и, когда тот предстал перед царем, толмачи спросили его, кто он и почему именует себя царским благодетелем. Тогда Силосонт рассказал всю историю с плащом. На это Дарий ответил: «Благородный человек! Так это ты сделал мне подарок, когда я не имел власти? Правда, этот подарок незначительный, но моя благодарность будет такой же, как если бы я теперь получил откуда-нибудь великий дар. В награду я дам тебе без счета золота и серебра, чтобы тебе никогда не пришлось раскаиваться в том, что ты сделал добро Дарию, сыну Гистаспа». Силосонт же ответил на это: "Не дари мне, царь, ни золота, ни серебра, но освободи мне родной город Самос, где ныне, после убиения моего брата Поликрата, властвует наш раб. Отдай мне этот город, но только без кровопролития и не обращая жителей в рабство".

Дарий согласился исполнить его просьбу и послал на Самос войско во главе с полководцем Отаном.

7) Меандрий

А на Самосе тогда властвовал Меандрий, которому, уезжая, Поликрат вверил бразды правления. Когда пришла весть о кончине Поликрата, Меандрий велел воздвигнуть алтарь Зевсу Освободителю и окружил его священным участком. Затем он собрал собрание полноправных граждан и сказал: "Мне, как вам известно, вверены Поликратом скипетр и вся власть, и я мог бы стать ныне вашим царем. Однако я сам ни за что не буду делать того, что порицаю в своем ближнем. Я ведь не одобрял владычества Поликрата над людьми, равными ему, и порицаю всякого, кто творит подобные деяния. Так вот, Поликрата постигла участь, определенная роком, а я передаю всю власть народу и провозглашаю свободу". Так он объявил самосцам. Но тут один из граждан встал и возразил ему: "Да, ты вовсе и недостойн быть нашим владыкой, так как ты подлой крови и сволочь. Подумай лучше, как дашь отчет в деньгах, которые присвоил".

Меандрий понял, что как только он выпустит из своих рук власть, то тираном вместо него сделается кто-нибудь другой, поэтому он передумал отказываться от нее. Возвратившись в акрополь, он начал поодиночке вызывать к себе влиятельных граждан, якобы для того, чтобы представить денежный отчет, а затем велел схватить их и заключить в оковы. Пока они находились в темнице, Меандрия поразил какой-то недуг. Его брат по имени Ликарет, ожидая смерти

Меандрия, приказал казнить всех заключенных. Он сделал это для того, чтобы легче было потом самому захватить власть на Самосе. Ведь самосцы, видимо, не желали быть свободными!

8) Переход под управление персов

Когда персы в 517 г. до Р.Х. высадились на Самосе, чтобы поставить у власти Силосонта, никто из граждан не думал им сопротивляться. Сторонники Меандрия и сам он объявили, что согласны по договору покинуть остров. Отан принял все их условия и заключил договор. Знатнейшие персы приказали выставить высокие сидения перед акрополем и воссели на них. Переворот мог произойти без всякого кровопролития, но тут дело приняло совершенно неожиданный оборот.

У тирана Меандрия был полоумный брат по имени Харилай. Этот человек за какой-то проступок был посажен в подземелье. И вот, услышав о том, что происходит, он выглянул в окошко подземелья, увидел персов, мирно сидящих перед крепостью, и закричал Меандрию, что желает что-то сказать ему. Меандрий приказал снять с него оковы и привести к себе. Как только Харилая привели, он начал с бранью и поношением побуждать брата напасть на персов. Меандрий тотчас согласился. Он не был, конечно, настолько глуп, чтобы верить в победу своего войска над царским и поступил так скорее из зависти к Силосонту, который должен был такой дешевой ценой получить во владение богатейший остров. Поэтому он не стал чинить брату никаких препятствий и спокойно отплыл с Самоса. Харилай немедленно вооружил всех наемников, отворил крепостные ворота и неожиданно накинута на ничего не подозревавших персов, которые считали, что договор заключен и все улажено. Прежде чем персидские солдаты поняли, что происходит, и бросились отражать наемников, те успели перебить многих из их знати. Наконец греков отбросили обратно в крепость.

Когда Отан увидел какой страшный урон понесли персы, он позабыл о повелении Дария не убивать и не продавать в рабство никого из самосцев. Напротив, он приказал убивать всех, кто только попадется: и взрослых и детей. Часть персов принялась осаждать крепость, а другая – истребляла всех встречных – и тех, кто искал убежища в святилище, и тех, кто находился вне его. Только когда Самос совершенно обезлюдел, Отан отдал его Силосонту. Последний, чтобы опять заселить остров, вынужден был принимать в общину полноправных граждан даже рабов-вольноотпущенников.

Эвбейцы и их колонии

1) Остров Эвбея: Халкида и Эретрия

Из островов, населенных греками, самым большим после Крита являлась Эвбея. Его длина составляет 170 км, а ширина колеблется от 6,5 до 48 км. От Беотии и Аттики остров отделяет узкая водная полоса, в древности называвшаяся Эвбейским морем. Ближе всего к материку остров подходил у города Халкиды, где он делал изгиб, выдаваясь в сторону беотийских областей и образуя пролив Еврип (в некоторых, самых узких местах, ширина этого пролива не превышает 65 м). Горные цепи, являющиеся продолжением гор материка, образуют хребет острова, круто обрывающийся в море на восточном побережье. Удобные гавани и плодородные равнины располагаются вдоль западного побережья. Особенным плодородием отличалась Лелантская равнина.

Исконными обитателями Эвбеи были фракийцы из фокидской Абы, прозванные абантами. Греки-ионийцы приступили к колонизации острова уже после Троянской войны. Первыми поселенцами предводительствовали афиняне Аикл и Коф. Один из них основал Эре-

трию, а другой – Халкиду. Оба эти города располагались неподалеку друг от друга на юго-западном побережье. Упорное соперничество между ними привело к тому, что в конце VIII в. до Р.Х. на Эвбее разразилась ожесточенная Лелантская война (названная так из-за того, что главным поводом к конфликту стал спор о Лелантской долине). Спустя короткое время, эта война из внутриэвбейской превратилась в общегреческую. Самос, Фессалия и Коринф выступили на стороне Халкиды, а Милет и Мегары поддержали Эретрию. Ход военных действий нам не известен. Греческие историки сообщают только, что важное значение в них играла конница. Халкидийцы, имевшие великолепную конницу, и их союзники фессалийцы (также прославленные конники) в конце концов добились над эретрийцами полной победы.

Успех значительно укрепил власть халкидийской земельной аристократии – гиппоботов (буквально – «коневодов»). Впрочем, владычество их не было совершенно спокойным. Сохранилось краткое упоминание о том, что в конце VII в. до Р.Х. власть в Халкиде захватил тиран Анталеонт, однако, после его свержения прежнее господство аристократии было восстановлено. Затем, во второй половине VI в. до Р.Х., в Халкиде ненадолго утвердился тиран Фокс. После его падения в городе установилось демократическое правление.

2) Колонии халкидян в Западной Италии

Все эвбейцы деятельно участвовали в колонизации средиземноморского побережья, но особенной активностью в этом деле отличались халкидяне, в то время, когда они находились под властью аристократии. Именно ионийцы-халкидяне, первыми из греков приступили к колонизации западного побережья Италии. Здесь их внимание привлекла Кампания – самая благодатная из равнин Апеннинского полуострова. Ее вулканические почвы отличались чрезвычайным, исключительным даже для Италии, плодородием. Пишут, что некоторые поля в Кампании дважды в течение года засеивали полбой, а в третий раз – просом. А на иных еще в четвертый раз сажали овощи!

Местные жители, конечно, были совсем не рады появлению чужеземцев. Но с первыми обладателями Кампании – осками – грекам удалось справиться сравнительно легко. Северо-восточные соседи кампанцев – латины – также не являлись для колонистов серьезной угрозой. Область эта распадалась в то время на несколько небольших общин со своими городскими центрами (одним из таких городков на берегу Тибра был Рим, о великом будущем которого в то время никто не догадывался). Гораздо большую опасность для греков представляли этруски, занимавшие территорию современной Тосканы в Западной Италии. Богатые города этрусков вели обширную морскую торговлю, имели сильные сухопутные войска и много боевых кораблей. Борьба с ними осложнила греческую колонизацию Италии, но не замедлила ее.

Самое первое поселение халкидян в Западной Италии возникло около 775 г. до Р.Х. на Питекуссах – плодородном острове в 11 км от материковой Кампании. Эта колония просуществовала более двух веков и около 500 г. до Р.Х. была разрушена вулканическим извержением горы Монтаньоне. Однако к этому времени Питекуссы уже не играли большого значения. Центром греческой колонизации и торговли стали Кумы. Последние были основаны непосредственно на берегу Кампании в 757 г. до Р.Х. Предводителями похода были Гиппокл из небольшого эвбейского городка Кумы и Мегасфен из Халкиды. Оба вождя пришли к соглашению, что город будет считаться халкидской колонией, но название свое получит от Кум. Расположенные в плодородной области, установившие оживленные торговые связи с этрусками, Кумы очень быстро разбогатели и сами превратились в метрополию для нескольких важных колоний. В 621 г. до Р.Х. кумейцы основали Дикеархию (будущие Путеолы), а в 600 г. до Р.Х. два других известных города – Нолу и Неаполь.

3) Кумский тиран Аристодем

Своего наивысшего политического могущества Кумы достигли при тиране Аристодеме. Аристократ по происхождению, человек отважный и предприимчивый, он оказал большие услуги городу во время осады его в 524 г. до Р.Х. армией этрусков. Однако местная знать, боявшаяся роста популярности Аристодема, постаралась преуменьшить его славу. Этой обиды он не простил.

Спустя двадцать лет, в 504 г. до Р.Х., латинский город Ариция обратился к кумейцам с просьбой оказать им помощь в войне с этрусками. Правители города отправили к ним отряд пеших воинов во главе с Аристодемом. Знать надеялась, что этот опасный поход станет последним для неугомонного честолюбца, который найдет в нем свою смерть. Однако ожидания политических противников Аристодема не оправдались. Он одержал под стенами Ариции блестящую победу и возвратился на родину с богатыми дарами и большим количеством пленных. Имея на руках значительную сумму денег, Аристодем тайком на вербовал большой отряд наемников (основу его составили пленные этруски, которым он вернул оружие). Когда кумейская знать собралась на совет, чтобы выслушать отчет Аристодема, его люди внезапно напали на нее и перебили. После этого он собрал народ, пообещал неимушим отмену долгов и передел земли, но взамен потребовал, чтобы ему была предоставлена вся полнота власти. Горожане согласились, и таким образом Аристодем с общего согласия встал во главе города.

Но очень скоро выяснилось, что тиран озабочен лишь одним делом – собственным обогащением. Аристодем конфисковал множество домов и вил богатых землевладельцев, присвоил себе их деньги и имущество. Никакого передела земли не произошло. Сыновья убитых и изгнанных аристократов, хотя и остались живы, должны были зарабатывать себе пропитание, работая в поле, словно рабы. Чтобы никто из горожан даже не помышлял о сопротивлении, Аристодем отобрал у них оружие, а родившихся мальчиков велел воспитывать неженками, словно девочек.

Власть Аристодема продолжалась около полутора десятилетия и была свергнута в 490 г. до Р.Х. Согласно одному из преданий, важную роль в перевороте сыграла жена тирана Ксенокрита – дочь одного из изгнанных им аристократов. Она установила связь с группой беглецов, скрывавшихся в Капуе, и велела ночью открыть перед ними ворота. Заговорщики ворвались в дом Аристодема и убили его прямо во время пира. После этого в Кумах было восстановлено прежнее аристократическое правление.

4) Сицилия и народы ее населявшие

Жители Эвбеи первыми из греков вывели колонии в Сицилию – крупнейший из островов Средиземного моря, расположенный у берегов Италии. Здесь греки нашли все то, в чем природа отказала континентальной Греции – неистощимую почву, производящую столько пшеницы и зерна, что Сицилия считалась если не родиной, то излюбленным пристанищем богини плодородия Деметры. Здесь были фруктовые сады, виноградники, масличные рощи, сочный мед и цветы, благоухающие круглый год. На травянистых долинах острова паслись овцы и крупный рогатый скот, на холмах росли бескрайние корабельные леса, а в прибрежных водах косяками ходила рыба.

Эта благодатная земля издавна привлекала к себе разные народы. Первыми, еще в глубокой древности, в Сицилии поселились сиканы. Считается, что они прибыли сюда из Испании. Сиканы не были объединены единой властью, но каждый их город имел своего правителя. Позже в Сицилию переправилась часть троянцев, уцелевших после опустошения их родины ахейцами. На Сицилии переселенцы получили прозвание элимов. Их городами были

Эрикс и Эгеста. Спустя еще несколько столетий, на остров из Италии перебрался многочисленный народ сикулов. Они победили в сражении сиканов и заняли лучшие части страны, отгнав своих противников на юг и запад Сицилии. Вслед затем здесь появились карфагеняне – выходцы из большого и богатого города Карфагена, основанного финикийцами в Северной Африке, как раз напротив Сицилии. Около 800 г. до Р.Х. они вывели на остров свои колонии – Мотию, Солоент и Панорм.

Со всеми этими народами грекам пришлось вести упорную борьбу.

5) Халкидяне в Сицилии. Харонд

В 734 г. до Р.Х. халкидянин Феокл основал на восточном берегу острова, у подножья Этны, город Наксос. Через шесть лет тот же Феокл, выступив с колонистами из Наксоса, разгромил сикулов и построил город Леонтины. Вслед затем наксосец Еварх основал Катану.

Еще прежде, около 730 г. до Р.Х., Периер из эвбейских Кум и Кратемен из Халкиды основали в Сицилии город Занклу. Впоследствии туда прибыло большое число поселенцев из Халкиды и других мест Эвбеи, которые сообща владели землей. Главным источником мощи и богатства Занклы стало ее ключевое положение в самой узкой части пролива между Сицилией и Италией: занклецы контролировали все проходящие мимо суда и взимали в свою пользу пошлины. Спустя несколько десятилетий, в 648 г. до Р.Х., выходцы из Занклы построили в плодородной области на севере острова Гимеру. Немалую часть жителей этого города, как обычно, составляли халкидяне. С течением времени Гимера превратилась в крайний греческий аванпост на севере Сицилии.

Законодателем в Катанах был Харонд, живший в самом начале VI в. до Р.Х. Составленные им законы были настолько хороши, что были приняты потом во многих халкидских городах Сицилии. Жители Катаны отличались чрезвычайным консерватизмом. Греческие историки пишут, что за последующие 300 лет в законы Харонда было внесено всего два улучшения. Первое было такое. В первоначальном законе говорилось: «Если кто кому выколет глаз, то сам должен лишиться глаза». К этому было добавлено: «а если выколет одноглазому, то должен лишиться обоих». Все согласились, что это справедливо. Второе было такое. В первоначальном законе говорилось: «Кто разведется бездетным, тому дозволено взять новую жену». К этому было добавлено: «...но не моложе прежней». С этим тоже все согласились.

За клевету и за трусость законодатель наказывал стыдом. Если кого уличали в клевете, он должен был носить, не снимая, миртовый венок, чтобы все видели, с кем имеют дело. Если же кто был повинен в трусости, то должен был три дня сидеть на площади в женском костюме. Харонд старался также ограничить роскошь. Один из его законов гласил: «Богатые платья и золотые украшения лицам хорошего поведения носить запрещается, лицам дурного поведения – разрешается».

В целом законы Харонда способствовали укреплению общественного порядка. Один из них запрещал гражданам являться на собрание при оружии. Однажды Харонд пришел на народную сходку, по забывчивости имея при себе меч. Когда один из сограждан попрекнул его в нарушении собственного закона, Харонд ответил: «Скорее я его укреплю!» – и пронзил себя мечом...

б) Тирания Панетия в Леонтинах

Из всех сицилийских городов раньше всего тирания утвердилась в Леонтинах. Город этот располагался на плодородной долине реки Симэфа. Хлебопашество и виноделие стали основой его богатства и процветания. Местная знать славилась своей роскошью. Ее рассеянный образ жизни даже вошел в поговорку, и людям, склонным к бражничеству и безделью, сици-

лийцы говорили: «Вы, как леонтинцы, всегда вокруг чаш с вином!» Однако подобные возможности были не у всех горожан, но только у первых поселенцев, превратившихся со временем в земледельческую аристократию. По сравнению с ними позднейшие переселенцы оказались людьми второго сорта. Лишенные земли, они обращались к занятиям ремеслами, торговлей и пополняли непрерывно растущую прослойку городского демоса, не имевшего доступа к государственным должностям.

Ненавистью народа к аристократам решил воспользоваться некто Панетий. Когда началась война между Леонтинами и другим сицилийским городом Мегарами, Панетия избрали полемархом (военачальником). И вот во время похода он стал часто обращаться с речами к бедным пехотинцам, настраивая их против богатых всадников. Говорил он и о том, что богачи стараются отсиживаться во время битв в тылу, но зато получают после победы все выгоды, в то время как беднота не выиграет ровно ничего. Когда война закончилась, Панетий устроил перед городскими воротами смотр, принялся считать и проверять у конников оружие, лошадей же передал конюхам и велел вести на пастбище. Потом он поручил командиру конницы доверить подсчет оружия, а сам, словно ища тени, отошел под деревья и убедил конюхов напасть на своих господ. Те вскочили на коней, подхватили подсчитываемое оружие и устремились на аристократов. Нападение оказалось для знати полной неожиданностью. Безоружные и лишенные доспехов всадники были вскоре перебиты. Пельтасты (так греки называли легкую пехоту, формировавшуюся в то время из бедных слоев населения) также присоединились к избиению. Потом они с великой поспешностью устремились вперед, захватили город и провозгласили Панетия тираном. Произошло описанные события в 608 г. до Р.Х. Чем закончилось это предприятие – не известно. Греческие историки ничего не сообщают о дальнейшей судьбе Панетия, но вскоре в Леонтинах опять утвердилась власть аристократии.

7) Регий и его тиран Анаксилай

Однажды, когда на Эвбее случился недород, и халкидяне спросили оракул в Дельфах, Пифия повелела им посвятить каждого десятого человека из своей среды Аполлону. Впоследствии эти халкидяне, предводительствуемые Антимнестом, переселились в Южную Италию и основали Регий (в 720 г. до Р. Х.). Спустя короткое время, новый полис достиг большого могущества и подчинил своей власти многие из соседних городов. Впрочем, население Регия никогда не было чисто ионийским, так как значительную часть его жителей составляли прибывшие из Мессении дорийцы.

Самый знаменитый регийский тиран Анаксилай по происхождению также был мессенцем. В 494 г. до Р.Х. он сверг власть местной аристократии и стал единолично править городом. Вскоре ему удалось захватить располагавшуюся на другой стороне пролива Занклу и заселить ее своими соотечественниками из Мессении (после чего Занкла была переименована в Мессену). В дальнейшем, вплоть до самой смерти в 476 г. до Р.Х., он правил обоими городами. Власть его, судя по всему, носила умеренный, мягкий характер. По крайней мере, регийцы сохранили об Анаксилае хорошие воспоминания, как о справедливом и мудром правителе.

8) Греки на Халкидике

Самое значительное число своих колоний – более тридцати – халкидяне и эретрийцы вывели на расположенный неподалеку от Эвбеи полуостров Халкидику, заканчивавшийся на юге тремя вытянутыми зубцами – Палленой, Сифонией и Актой. Изначально эта область (как и все остальные земли на северном берегу Эгейского моря) принадлежала воинственным и свободолюбивым фракийцам. Тем не менее грекам удалось утвердиться в его землях, так что

фракийское побережье оказалось сплошь усеяно греческими колониями. Халкидика в особенности привлекала мореплавателей своей изрезанной береговой линией и удобными гаванями.

Главной колонией халкидян здесь стала Торона на Сифонии, основанная вскоре после 700 г. до Р.Х. Другим важным халкидийским городом являлся Олинф, располагавшийся на берегу Торонейского залива. Поблизости, на Паллене располагались четыре эретрийских города: Афатис, Менда, Скиона и Сана. Другие города эретрийцев лежали на Акте, заканчивавшейся горой Афон. Здесь располагалось пять городов: Дион, Клеоны, Фисс, Олофиксий и Акрофон. Далее на восток, на берегу Стримонского залива, располагалась основанная халкидянами Стагира – родина величайшего греческого философа Аристотеля.

Ахейская колонизация

1) Колонизация Кипра

Наряду с эолийцами и ионийцами, свои колонии имели также ахейцы. В далекие морские странствия они пустились даже раньше других греков. Впрочем, в пределах Азии ахейцы не основали ни одного города. Главной их колонией на востоке стал большой остров Кипр. Первым в его пределах поселился царевич Тевкр с острова Саламин, что лежит вблизи берегов Аттики. Вместе со своими спутниками он основал на Кипре город Саламин. Случилось это, согласно традиции, в 1202 г. до Р.Х. Хотя ахейцы были вынуждены поселиться на чужбине, им не пришлось жаловаться на судьбу. Ведь Кипр значительно превосходил размерами их прежнюю родину. Наибольшая ширина острова составляет 96 км, а в длину он протянулся на 224 км. В отношении плодородия Кипр не уступал Лесбосу. Но главное заключалось в том, что остров располагал богатейшими на всем Средиземноморье запасами меди.

В XII–XI вв. до Р.Х., когда владения материковых ахейцев завоевали дорийцы, на Кипр хлынули новые толпы переселенцев. В дальнейшем здесь возникло несколько городов. Поначалу освоение острова сдерживалось тем, что он весь был покрыт густыми непроходимыми лесами. И хотя жители при плавке меди и серебра рубили множество деревьев, это плохо помогало делу. Впоследствии много древесины шло на строительство кораблей. Но чтобы окончательно избавиться от лесных зарослей, киприоты разрешили всем, кто желал, вырубать леса под сады и пашню. Очищенные таким образом участки освобождались от налогов.

В отличие от остальной Греции, царская власть на Кипре не утратила со временем своего значения. В каждом городе киприотов правила своя царская династия, причем цари обладали реальной властью, хотя и должны были согласовывать свои решения с мнением народа. Самым значительным городом Кипра оставался Саламин. Особенного могущества он достиг при царе Эвелфонте (правил в 560–525 гг. до Р.Х.). Около 545 г. до Р.Х. все цари киприотов добровольно подчинились персам.

2) Южная Италия

Главным направлением ахейской колонизации стало не восточное, а западное. После дорийского завоевания множество ахейцев переселилось в Южную Италию – благодатную страну с прекрасной плодородной почвой и большим количеством удобных гаваней. До прихода греков юг Апеннинского полуострова населяли варварские племена хаонов, энотров, япигов и бреттиев. Позже из Средней Италии сюда переселились племена левканцев.

Греки и варвары долгое время воевали друг с другом. Постепенно греки отняли у местных жителей большую часть внутренних областей и до такой степени усилились, что назвали эту часть Италии Великой Грецией.

3) Сибарис

Самым значительным ахейским центром в Южной Италии долгое время оставался Сибарис, возникший в 720 г. до Р.Х. Основателем колонии был Ис из ахейского города Гелики. Сибарис находился на важном торговом пути и в короткий срок достиг такого преуспевания, что властвовал над четырьмя соседними племенами и 25 окрестными городами. О необычайной величине Сибариса свидетельствует тот факт, что длина его городских стен составляла 10 км. Одних только граждан здесь было больше 100 тысяч человек. Но кроме них в городе проживало множество приезжих. В то время ни один европейский город не мог поспорить с Сибарисом своей многолюдностью. Не удивительно, что численность войска, которое в случае нужды могли выставить горожане, достигала, по слухам, 300000 человек!

В богатстве с местными жителями могли поспорить лишь немногие греческие города. Некоторые сибариты облачались в одежды, за которые были заплачены целые состояния, и имели под своей рукой сотни слуг. Вся физическую работу здесь выполняли рабы, а граждане не жили в своих роскошных домах и вкушали изысканные лакомства. Сибариты вообще славились любовью к уюту и комфорту. Многочисленные повара и кондитеры соревновались друг с другом в изготовлении для них экзотических блюд. Ремесленникам, чья работа сопровождалась шумом (например, плотникам и кузнецам) запрещалось заниматься ею в пределах города, чтобы не тревожить покой жителей. Некоторые дороги в богатых кварталах снабжались навесами, защищавшими от зноя и дождя. Сибариты первыми из греков завели у себя паровые бани и ввели обычай возлежать за трапезой вместе с женами. Пишут, что некоторые местные богачи спали на розовых лепестках и еще жаловались не то, что им жестко! Каждый зажиточный дом считал своим долгом иметь карликов и маленьких мальтийских собачек, стоивших очень дорого. Дети до юношеского возраста носили пурпурную одежду и богатые золотые повязки в волосах.

4) Кротон и его атлеты

Другим важным греческим городом на юге Италии стал Кротон. Оракул с повелением основать эту колонию был получен ахейцами непосредственно из Дельф. Узнав о повелении бога, горбун Мискелл из ахейских Рип отправился в то место, о котором говорила Пифия. Внимательно осмотревшись, он убедился, что самая лучшая гавань на побережье уже занята сибаритами. Мискелл отправился в Дельфы и снова спросил бога: не лучше ли вместо Кротона основать Сибарис? Но пифия с раздражением отвечала ему:

О, кривоспинный Мискелл, в стороне ты иное взыскуя,
Ловишь куски, и за них, – что дают тебе, – будь благодарен!

Вернувшись в Италию, Мискелл около 710 г. до Р.Х. основал Кротон. (Прежде тут проживали япиги). Расположение города было далеко не таким удачным, как у Сибариса. Поэтому местные жители получали лишь незначительную часть тех благ и богатств, которые обильно проливались на их счастливых соперников. Однако трудолюбивые кротонцы также смогли обрести благодаря торговле приличный достаток.

В отличие от сибаритов, утопавших в неге и безделье, жители Кротона постоянно упражнялись в военном деле, беге и борьбе. Недаром Кротон славился своими атлетами на весь греческий мир, ведь самое большое число победителей на Олимпийских играх вышло именно отсюда. Как-то раз во время одной из Олимпиад произошел небывалый случай – все 7 чело-

век, опередивших других участников забега, оказались кротонцами, так что даже последний из кротонцев оказался первым среди остальных греков!

5) Атлет Милон

Самым знаменитым греческим атлетом всех времен считался кротонец Милон. Рассказывают, что еще будучи мальчиком, он стал планомерно наращивать свою силу, поднимая на плечи теленка и каждый день обходя с ним вокруг площади для упражнений. Теленок рос, но росли и силы Милона: прошло года три, и он с такой же легкостью носил вокруг стадиона большого быка!

В 540 г. до Р.Х. Милон легко выиграл в Олимпии состязание по борьбе среди мальчиков. После этого он пять раз подряд становился чемпионом по борьбе на взрослых Олимпийских играх; кроме того, он одержал шесть побед на Пифийских играх, девять – на Немейских и десять – на Истмийских! Восторженные греки сохранили много воспоминаний о его необычайной силе. Пишут, что когда в честь Милона отлили бронзовую статую в полный его рост, он вскинул ее на плечи и сам отнес в храм. Забавлялся он тем, что брал в руку гранатовое яблоко и предлагал желающим вырвать его; никто не мог этого сделать, а между тем держал он его так легко, что гранат оставался нераздавленным. Иногда Милон обвязывал себе голову веревкой, а потом вздувал жилы на висках и рвал ее без помощи рук. Бывало и так, что он протягивал руку дощечкой и предлагал желающим отвести мизинец от других пальцев. Никто не мог этого сделать даже при помощи обеих рук!

О смерти Милона сохранился следующий рассказ. Однажды, проходя через густой лес, он уклонился далеко от дороги; там он нашел бревно с забитым в него клином; вложив одновременно руки и ноги в щель, Милон попытался совершенно расщепить бревно. Оказалось, однако, что у него хватило силы лишь на то, чтобы выбить клинья, после чего обе половины бревна тотчас вновь сомкнулись. Пойманный в такую западню, он стал добычей диких зверей.

6) Разгром Сибариса

Счастье и благоденствие Сибариса продолжалось до тех пор, пока в 510 г. до Р.Х. власть здесь не захватил тиран Телис. Он изгнал из города 500 своих политических противников и конфисковал их имущество. Беглецы нашли убежище в Кротоне. Телис стал требовать от кротонцев в свою очередь изгнать их. Сначала кротонцы, из страха перед могуществом сибаритов, хотели послушаться тирана, но философ Пифагор убедил их, что это будет поступок, недостойный благородных и богобоязненных людей. Кротонцам ничего не оставалось, как объявить Сибарису войну. Подробности ее не сохранились в истории. Известно только, что сибариты потерпели полное и сокрушительное поражение. Захватив Сибарис, кротонцы разрушили его до основания, а затем навели русло реки Крафиды на город и затопили его. Сибарис был стерт с лица земли. Руины его домов скрылись под толстым слоем песка. Лишь спустя несколько лет немногие оставшиеся в живых сибариты собрались вместе и вновь заселили свой город. Но тот уже никогда не имел ни прежнего богатства, ни прежнего влияния.

Дорийская колонизация

1) Дорийцы Крита

После завоевания Пелопоннеса часть дорийцев также приняла участие в колонизации далеких земель. На востоке они прежде всего заселили большой остров Крит. В позднейшую эпоху на нем располагалось несколько дорийских полисов, часто враждовавших друг с другом. Самыми важными из них были Кносс и Гортина.

Рассказывают, что первую колонию на Крит вывел аргосский царевич Алфемен – внук предводителя дорийцев Темена. Он же дал критянам законы, соблюдавшиеся потом на острове в течение многих поколений. Алфемен был уверен, что согласие между согражданами возможно только там, где устранены раздоры, проистекающие от своекорыстия и роскоши. Поэтому он обязал островитян вести умеренную и простую жизнь. А чтобы те не смогли уклониться от этого установления, царь учредил для всех взрослых мужчин особые совместные трапезы, устраивавшиеся на общественный счет (их назывались андриями). Для всех без исключения здесь подавались одинаковые простые блюда, и бедные всегда имели равную долю с богатыми.

Мальчики и юноши на Крите не были предоставлены сами себе. Все они объединялись в так называемые «отряды» и с ранних лет проводили время в совместных тренировках. Чтобы юные критяне росли мужественными, а не трусами, их с детства приучали к обращению с оружием и к тяжелым трудам. Юноши учились презирать жару и холод, каменистые и крутые дороги. Они не боялись боли и умели хорошо держать боевой строй. По установленным дням «отряды» ритмическим маршем, под звуки флейты и лиры, как это было в обычае на войне, сходились для схватки и устраивали показательные сражения. Во время них удары наносились не только рукой, но и железным оружием. А чтобы дети привыкали к достойному поведению, их приводили на общие трапезы взрослых. Там они ели вместе с другими, сидя на земле зимой и летом в одних и тех же грубых истертых плащах, прислуживали обедавшим мужчинам и слушали их беседы.

Для государственного управления критяне издревле выбирали десять должностных лиц, которых они именовали космами. В особо важных делах те прибегали к помощи советников, называемых геронтами (старейшинами), причем в число советников допускались только те сограждане, кто раньше уже был космом и вообще считался человеком испытанным.

2) Книд

Дорийцы имели свои колонии в Азии и на островах вблизи ее побережья. Область их расселения лежала южнее Милета и именовалась Доридой. Из материковых полисов самыми крупным считался Книд, основанный на мысе, далеко выступающем в море. Город был прекрасно расположен для прибрежной торговли. Он имел две гавани (одна из которых могла запираяться и предназначалась для триер) и якорную стоянку на 20 кораблей. Перед Книдом лежал небольшой остров, связанный с материком дамбами и прикрывавший обе гавани. Здесь проживала большая часть населения.

Поначалу государственное устройство в Книде было узко-олигархическим. Доступ к правлению имели лишь немногие из числа знати. Так, сын не мог исполнять никакой должности, до тех пор, пока его отец не отходил от политических дел. А из братьев, если их было несколько, к государственным должностям допускался только старший. В конце концов такой

порядок перестал удовлетворять даже знать. Некоторые из аристократов призвали на помощь народ и с его помощью установили в Книде более демократический строй.

Когда персидский полководец Гарпаг приступил к завоеванию Дориды, книдяне, единственные из всех тамошних греков, попытались оказать сопротивление. Поскольку их город лежал на полуострове и с трех сторон был окружен водой, они решили перекопать перешеек и отгородиться морем от персидских полчищ. И вот, когда множество книдян взялось за работу, оказалось, что рабочие стали получать ранения на теле, и особенно повреждения глаз от осколков камней, когда приходилось пробивать скалу. Книдяне смутились и отправили послов в Дельфы спросить бога о том, что препятствует им в работе. Пифия же изрекла такой ответ:

Не ройте Истма! Стен не воздвигайте!

Зевс создал б остров тут, коль только б захотел.

Получив такое прорицание, книдяне прекратили работы, и, когда Гарпаг с войском подошел к городу, сдались ему без боя.

3) Галикарнас и его цари

Помимо Книда другим известным городом дорийцев в Азии считался Галикарнас. Впрочем, греки никогда не являлись здесь основным населением. Большинство местных жителей были карийцы, хотя и принявшие греческие обычаи. Город находился под властью местной династии, которую древние историки иногда именуют «царской». В 545 г. до Р.Х. галикарнасцы покорились персам, но сохранили во внутренних делах полное самоуправление. В конце VI в. до Р.Х. тут царствовал некий Лигдам, а потом власть перешла к его дочери Артемисии.

4) Родос

Самой известной колонией дорийцев являлся Родос. Остров этот, располагавшийся неподалеку от малоазийского побережья, имеет 80 км в длину и 35 – в ширину. Никаких особых природных богатств здесь нет. Родос весь покрыт горами, которые тянутся с севера на юг и достигают наибольшей высоты в центре острова, где возвышается гора Атабирий (1240 м над уровнем моря). В древности на склонах гор было много хвойных и лиственных лесов. Здесь также в изобилии росли плодовые деревья: фиги, гранаты, персики, оливы и финики. Остров славился своим замечательным вином и благовонными маслами (прежде всего, розовым).

Дорийские поселенцы появились на Родосе около 900 г. до Р.Х. и основали здесь три города: Иалис, Камир и Линд. Каждый из них имел хорошую гавань и являлся столицей небольшого государства. Своим богатством остров был обязан прежде всего чрезвычайно выгодному географическому положению. Ведь на торговом пути из Греции в Кипр, Сирию или Финикию нельзя было миновать его стороной. Корабли, плывущие из Греции в Египет и обратно, также обязательно заходили на Родос.

5) Основание Гелы

Греческая колонизация Сицилии началась еще в VIII в. до Р.Х., но дорийцы из Малой Азии включились в этот процесс с некоторым запозданием. Около 690 г. до Р.Х. на южный берег острова прибыла большая партия переселенцев с Родоса (во главе них стоял Антифем) и Крита (их возглавлял Энтим). Область, намеченная ими для колонизации, поначалу казалась недостаточно удобной. Ведь все южное побережье Сицилии представляет собой однообразную гористую местность, открытую ветрам, без бухт и заливов. Над всеми пейзажами здесь царит снежная вершина Этны. Но потом оказалось, что за песчаным и холмистым побережьем, в

широких и узких ущельях у подножия отступающих от берегов гор раскинулось немало плодородных равнин. Вскоре колонисты нашли удобное место – крутую песчаную возвышенность у речки Гелы и основали здесь одноименный город. Закрепившись на берегу, Антифем предпринял поход на располагавшийся неподалеку сиканский город Омфаку. Победенные в бою сиканы отошли к горам, находившимся позади гельской долины. С этого столкновения началась длительная борьба за обладание плодородными пахотными землями и тучными пастбищами. Постепенно жители Гелы распространили свои владения на внутренние районы страны.

6) Акрагант и тиран Филарид

Через сто восемь лет после основания Гелы (около 580 г. до Р.Х.) гелейцы вывели собственную колонию на берег реки Акрагант. Город, возникший здесь, также получил название Акраганта. Спустя всего несколько лет (около 571 г. до Р.Х.) власть в нем захватил тиран Филарид. Произошло это следующим образом. Филарид взял на себя строительство храма Зевса Полиеуса (Покровителя государственного порядка) на еще не укрепленном городском холме. Потом он хитростью получил разрешение на то, чтобы обнести этот холм стеной. Когда работы были закончены, Филарид отпустил на свободу занятых на строительстве заключенных и вооружил их для борьбы с поселенцами. Во время праздника Фесмофорий этот отряд внезапно напал на ничего не подозревающих акрагантцев. Большинство мужчин было перебито, остальные должны были сдать оружие и склониться перед тираном. В следующие годы Филарид вел успешные войны с сикулами и значительно расширил владения Акраганта. Однако в памяти потомков он остался прежде всего как жестокий и безжалостный деспот, беспощадно преследующий своих политических врагов. Рассказывают, что какой-то горожанин, желая выслужиться перед тираном, преподнес ему большого медного быка. Внутри него предполагалось укладывать тех, кто приговорен к смертной казни. Затем под быком разводили огонь и несчастный поджаривался в нем живьем. Соль выдумки заключалась в том, что стоны и крики умирающего особым образом преобразовывались в звуки, похожие на бычье мычание. Казалось, что медный бык ревет, переваривая свою жертву. Филарид принял подарок и первым делом велел изжарить в нем самого изобретателя. В дальнейшем мучительную смерть в чреве чудовища нашло немало политических противников тирана. Только спустя шестнадцать лет один из изгнанников – Телемах из рода Эмменидов – сумел свергнуть Филарида. Сам тиран, его мать и все его приспешники были перебиты.

7) Гелейские тираны

Сама Гела долгое время находилась под властью местной аристократии. В 505 г. до Р.Х. некто Клеандр, сын олимпийского победителя Пантара, захватил в городе власть и установил тиранию. Спустя семь лет, в 498 г. до Р.Х. Клеандра убил знатный юноша Сабилл. Власть перешла к другому сыну Пантара, Гиппократу. Он на вербовал наемников, создал из них сильную армию и вскоре распространил свою власть на соседние города – Наксос, Занклу и Леонтины. Затем в битве у реки Гелор он разгромил армию Сиракуз. По заключенному договору к Гиппократу отошли внутренние области острова, населенные сикулами. Но когда тиран попытался навязать им свое господство, сикулы восстали. Гиппократ выступил против них, был разбит около 490 г. до Р.Х. в битве при Гибле и погиб. После этого предводитель акрагантской конницы Гелон лишил власти сыновей покойного властителя и сам сделался тираном в Гелах.

Мегары и колонии мегарцев

1) Политическая борьба в Мегарах

Мегарида лежала в северной части перешейка Истм, соединявшего области Средней Греции с Пелопоннесом. Вся территория этого небольшого государства была покрыта горами. Плодородием отличался только восточный берег, где и находился город Мегары. Впрочем и тут, из-за обилия подземных вод условия для земледелия оказались не достаточно благоприятными – многие низины были заболочены. Их тлетворный воздух вызывал лихорадку, от которой мегарцы умирали чаще, чем от старости. Сами Мегары располагались на низком холме с двумя вершинами, образующими два акрополя – Алкофой и Карию. Расстояние от акрополя до берега моря составляло около 3 км. Тут находилась гавань Мегар – Нисея, соединенная с городом проезжей дорогой.

В древности, если верить мифам, Мегарида принадлежала афинянам. Но в середине XI в. до Р.Х., когда пелопоннесцы затеяли войну против афинского царя Кодра, эта область была отторгнута у ионийцев и заселена колонистами из Коринфа. Так мегарцы, переименовав свой язык и обычаи, стали дорийцами. Первоначально поселенцы жили в трех больших деревнях, которые около 750 г. до Р.Х. слились в единый город Мегары. Тогда же была упразднена царская власть.

Господство родовой аристократии, продолжавшееся около столетия, было низвергнуто в 640 г. до Р.Х. тираном Феагеном. Известно, что он захватил власть после того, как избил скот состоятельных людей, застигнутый им на пастбище у реки. Таким образом он добился популярности у бедняков, которые охотно поддержали его в борьбе со знатью. Сколько времени продержалась в Мегарах тирания мы не знаем. Во всяком случае Феаген успел построить водопровод и снабдил город свежей водой.

О дальнейших событиях сохранились только отрывочные сведения. Кажется, на смену тирании пришла олигархия богатых скотовладельцев и торговцев шерстью. Однако бедняки продолжали глухо волноваться. Однажды народ бросился к домам богачей и стал требовать угощения. Когда состоятельные граждане отказали в просимом, бедняки насильно завладели их имуществом и даже требовали у кредиторов обратно выплаченные им проценты по долгам. По-видимому, ненадолго в стране установилась демократия, но потом изгнанники-богачи, возвратившись, победили в битве народ и восстановили олигархию. К власти окончательно пришли люди, чье господство основывалось не на знатном происхождении от старинных родов, а на богатстве, нажитом благодаря торговле шерстяными тканями.

2) Колонии мегарцев в Сицилии

Мегарцы одни из первых начали колонизировать Сицилию. В 734 г. до Р.Х., когда халкидяне основали Наксос, мегарцы вывели во владения царя сикулов Гиблона колонию Мегары. Сделано это было не в ходе войны, а по взаимному согласию – Гиблон сам выделил землю для поселенцев, отчего сицилийские Мегары получили прозвание Гиблейских. Место здесь было незащищенное, и освоить его можно было лишь при помощи местных жителей. Зато вблизи города имелись источники пресной воды, а береговая линия создавала небольшие естественные гавани.

Спустя сто лет после своего поселения в Сицилии, около 628 г. до Р.Х., гиблейские мегарцы основали собственную колонию – Селинунт, который стал самым западным из грече-

ских городов на южном побережье Сицилии. Местные жители старались поддерживать добрые отношения с карфагенянами и вели чрезвычайно выгодную торговлю.

Политическая обстановка в Селинунте долгое время оставалась нестабильной, и город не раз оказывался во власти тиранов. Первым, во второй половине VI в. до Р.Х. власть здесь захватил некто Ферон, опиравшийся на закабаленных греками сикулов. С их помощью он завладел городом и какое-то время единолично управлял государством. Позже Ферона сменил тиран Пифагор, правивший до 510 г. до Р.Х. Его сверг спартанский полководец Еврилеонт. Селинунтяне сначала поддержали его, так как надеялись, обрести таким образом свободу. Однако Еврилеонт сам захотел сделаться тираном. Тогда горожане восстали и убили его у алтаря Зевса Агорея, где он тщетно искал убежища.

3) Колонии на Боспоре Фракийском

Другим направлением мегарской колонизации стало восточное. Мегарцы по достоинству оценили берега Боспора Фракийского – пролива через, который из Пропонтиды попадали в Черное море. На азиатской стороне Боспора они в 685 г. до Р.Х. основали город Калхедон. Спустя два десятилетия, в 667 г. до Р.Х., мегарцы вывели другую колонию на фракийский берег Боспора и построили здесь Византий. Его местоположение было чрезвычайно выгодным. Город занимал большой мыс у западной оконечности Боспора, южной стороной обращенный к Пропонтиде, с продолговатой естественной гаванью Золотой Рог. (Возможно, название это пошло от того, что ветры загоняли в бухту огромные косяки рыб). Ни одно торговое судно не могло без соизволения византийцев ни войти в Черное море, ни выйти из него. Кроме того, город контролировал самую удобную переправу из Европы в Азию. Эти обстоятельства имели огромное влияние на дальнейшую судьбу Византия.

4) Гераклея Понтийская

Позже мегарцы проникли в Черное море. В 560 г. до Р.Х. они построили в Южном Причерноморье, по соседству с Синопой, город Гераклею. Место оказалось чрезвычайно удобным для поселения: ровная линия побережья делает в этом месте поворот на север и образует большую и открытую на запад бухту – единственную на этом участке между Боспором и Синопой. Море вблизи Гераклеи было богато рыбой, а прилегающая местность, сплошь состоящая из плодородных ложин, создавала благоприятные условия для занятия земледелием и скотоводством. От внутренних областей Азии город защищали труднопроходимые горы, позволявшие гераклеяцам не опасаться внешних вторжений.

Это благодатное место, конечно, не было безлюдным. До прихода греков здесь проживало многочисленное племя мариандидов. Аборигены занимались земледелием и совсем не отличались воинственностью. Колонисты легко победили местных жителей, захватили их землю и поработили их самих. Между пришельцами и исконным населением был заключен своего рода договор. Мариандиды согласились подчиниться гераклиотам, пообещали, что будут вечно батрачить на них, если те доставят им все необходимое для жизни. Гераклиоты в свою очередь пообещали, что ни один мариандид не будет продаваться за пределы страны гераклиотов, а только в самой этой стране. В дальнейшем это соглашение неуклонно соблюдалось.

Гераклея очень быстро сделалась одним из самых богатых и процветающих городов Причерноморья. Численность ее населения в лучшие годы достигала 10 тыс. человек. Поскольку основную массу переселенцев составили представители демоса – мелкие торговцы и земледельцы – изначально в Гераклее установился демократический образ правления. Но вскоре в городе появилась и быстро усилилась местная землевладельческая знать. Демократы начали с ней борьбу и даже добились изгнания многих аристократов. Но потом изгнанники объедини-

лись, возвратились в город и упразднили демократию. Произошло это в 520 г. до Р.Х. С тех пор в Гераклее установилось олигархическое правление.

В последующую эпоху гераклеяцы сами основали несколько колоний. Самой замечательной из них стал город Херсонес в Крыму, расцвет которого пришелся на IV в. до Р.Х.

Коринф и его колонии. Сиракузы

1) Род Бакхиадов

Когда Гераклиды завоевали Пелопоннес, они вручили власть над Коринфом своему родичу Алиту. Он сделался основателем местной царской династии. О его правнучке Бакхе сообщают, что тот превзошел славою всех своих предков. Поэтому его приемников на престоле именовали уже не Гераклидами, а Бакхиадами. В целом царская власть в Коринфе просуществовала около четырехсот лет.

Наконец, в 747 г. до Р.Х. Бакхиады, общее число которых достигло 200 человек, свергли последнего царя Автомена, завладели властью и стали управлять государством все сообща. Каждый год они избирали из своей среды притана, который и был вместо царя. Однако, он являлся только первым среди равных и не пользовался перед другими Бакхиадами никакими особенными преимуществами.

Господство аристократов имело свои благоприятные стороны для страны. Бакхиады проявляли заботу о флоте, и при них Коринф превратился в мощную морскую державу. Однако горожане были недовольны грубостью, надменностью и крикливой роскошью этого рода. Что и стало причиной его падения.

2) Пророчество о Кипселе

Все Бакхиады отдавали дочерей замуж за родичей и брали жен только из своей среды. Но однажды у одного из них родилась хромая дочь по имени Лабда. Никто из Бакхиадов не пожелал жениться на ней, и отец выдал ее за богатого поселанина Этиона. Супруги прожили несколько лет, однако детей у них не было. Тогда Этион отправился в Дельфы, чтобы спросить оракул о потомстве. Не успел он вступить в святилище, как пифия обратилась к нему с такими словами:

Этион, нет почета тебе, хоть ты чести стяжал себе много,
Лабда родит сокрушительный камень; падет он
На властелинов-мужей и Коринф покарает.

Это изречение оракула каким-то образом дошло до Бакхиадов и показалось им подозрительным. Ведь кроме них других властелинов-мужей в Коринфе не было! Вскоре стало известно, что Лабда родила сына. Посоветовавшись, Бакхиады решили его убить. Они избрали из своей среды десять человек и отправили их в то селение, где жил Этион. По дороге посланцы уговорились, что тот из них, кому мать даст на руки ребенка, должен бросить его оземь и разбить ему голову. И вот, войдя в дом, они попросили показать им новорожденного. Лабда не догадывалась об их замыслах. Она думала, что гости требуют ребенка из дружелюбия к его отцу, спокойно принесла младенца и отдала в руки одного из пришельцев. Тот уже хотел исполнить задуманное, но тут дитя посмотрело на него и улыбнулось. Этот человек заметил улыбку младенца, и какое-то чувство жалости удержало его от убийства. Тогда он передал младенца второму, а тот – третьему. Так ребенок прошел через руки всех десяти, и ни один не

захотел его погубить. Вернув дитя назад матери, они вышли из дома и, остановившись у дверей, стали упрекать друг друга в малодушии. Особенно же они обвиняли первого, взявшего ребенка, за то, что тот не выполнил уговора. Наконец, через некоторое время убийцы решили снова вернуться в дом и все вместе умертвить младенца. Но на этот раз Лабда была настороже. Она ведь стояла за дверью и слышала каждое их слово! В страхе за сына она поспешно сунула его в сундук. Бакхиады перерыли весь дом, но так и не смогли его найти. Тогда они вернулись в Коринф и объявили остальным, что данное им поручение исполнено. Таким образом, сын Этиона остался в живых благодаря сундуку и получил по этой причине имя Кипсел (что значит «ящик», «ларец»).

3) Тирания Кипсела

Возмужав, Кипсел узнал об оракуле, данном ему при рождении. Он был ему приятен, однако, чтобы еще раз убедиться в расположении к нему бога, он вновь отправился в Дельфы. Увидев его, пифия воскликнула:

Счастлив сей муж, что ныне в чертог мой вступает,
Этионов Кипсел, царь славного града Коринфа.
Будет все же он сам и дети его, но не внуки.

Из этих слов Кипсел заключил, что Аполлон обещает власть над Коринфом ему самому и его сыну. О внуках своих он тогда не думал, и потому оракул более воодушевил его, чем смутил. Сделавшись полемархом (военачальником), Кипсел постарался завоевать симпатии граждан. У коринфян в то время существовал закон, согласно которому осужденных по суду следовало отводить к полемарху и держать взаперти до внесения денежной пени, часть которой шла в пользу полемарха. Кипсел, исполняя эту должность, не запер и не связал ни одного гражданина, но одних освобождал под поручительство, а за других ручался сам. От пени в свою пользу он отказался раз и навсегда. Своей мягкостью он разительно отличался от надменных и жестоких Бакхиадов. Вскоре у Кипсела появилось множество друзей и соратников среди народа, готовых участвовать в любом его предприятии. Ведь коринфяне верили в мужество Кипсела и в успех его дела. Он организовал заговор, напала на исполнявшего должность притана Патроклида и убил его. Народ с радостью поддержал этот переворот и тотчас провозгласил пританом Кипсела. Это произошло в 657 г. до Р.Х.

Утвердившись у власти, Кипсел прежде всего начал гонения на Бакхиадов. Часть из них он казнил, других отправил в изгнание. Все имущество аристократов было конфисковано. Напротив, политические противники Бакхиадов смогли теперь вернуться на родину. Кипсел увеличил число фил и дал права гражданства тем коринфянам, которые прежде его не имели. Богатые землевладельцы были обложены большими налогами. Возможно, часть конфискованных земель была поделена между крестьянами. Все эти меры обеспечили тирану поддержку среди народа, так что Кипсел спокойно правил Коринфом до самой смерти, которая последовала в 627 г. до Р.Х. Греческие историки пишут, что он никогда не имел при себе телохранителей, потому что не боялся сограждан, а от политических противников его защищали друзья.

4) Периандр и Фрасибул

После Кипсела власть унаследовал его сын Периандр. Поначалу он относился к своим поданным даже милостивее своего отца, но потом его характер резко изменился: Периандр сделался подозрительным, жестоким и мстительным. Произошло это, как считают, вследствие общения коринфского владыки с другим знаменитым тираном той эпохи – правителем Милета

Фрасибулом. Однажды Периандр отправил к Фрасибулу глашатая спросить совета: что следует сделать для того, чтобы установить в городе самый надежный государственный строй? Фрасибул не дал на этот вопрос прямого ответа. Он отправился с коринфским глашатаем за город и стал водить его по хлебной ниве. Когда на глаза тирану попался высокий, густой колос, он тотчас сбивал его посохом и вминал в землю. Так Фрасибул поступал в течение всей прогулки, а потом, так ничего и не сказав, отправил посланца на родину. Возвратившись к Периандру, глашатай объявил, что не привез никакого пожелания и вообще удивляется, как можно было искать совета у такого безумного человека, который опустошает собственную землю. Затем он рассказал, что видел в Милете. Периандр же тотчас сообразил в чем заключалась мысль Фрасибула: тот советовал ему умерщвлять и изгонять тех сограждан, которые хоть чем-то возвышаются над средним уровнем толпы. С этого времени тиран стал проявлять величайшую жестокость к тем коринфянам, кто выделялся своей знатностью, богатством или силой духа. Все противники тирании, уцелевший от казней и изгнания при Кипселе, были теперь истреблены его сыном. Народ в страхе склонился перед тираном, однако тот не мог больше чувствовать себя в родном городе в безопасности. Опасаясь покушений, Периандр завел сильную охрану и постоянно содержал при себе 300 человек телохранителей.

5) Мелисса

Женой Периандра была дочь эпидаврского тирана Прокла по имени Мелисса. Какие-то женщины оговорили ее перед мужем, и он в припадке гнева ударил ее с такой силой, что Мелисса умерла. Периандр был глубоко огорчен ее смертью. Он с царской пышностью похоронил прах Мелиссы, а в гробницу положил лучшие ее украшения и одежды. Спустя какое-то время, скончался богатый гостеприимец Периандра, имущество которого он должен был унаследовать. Но, увы, никто не знал, где это имущество находится. Периандр отправил в Феспротию послов и велел им спросить оракул мертвых на реке Ахеронте. Тиран надеялся, что дух его жены Мелиссы поможет в поисках. И действительно, когда коринфяне принялись заклинать мертвых, перед ними явилась тень Мелиссы, однако помогать им она отказалась. Нет, отвечала жена Периандра, – она ни знаками, ни словами не укажет места, где лежит добро! Да и с какой стати должна она сочувствовать живым, которые отправили ее в Преисподнюю совершенно нагой? Ведь из-за того, что ее погребальные одежды не были сожжены вместе с ней, она не может ими пользоваться и жестоко страдает от холода!

Когда послы сообщили Периандру ответ Мелиссы, он через глашатая повелел всем коринфским женщинам собраться в храме Геры. Те явились, нарядившись в свои самые красивые одежды, как на праздник. Периандр тем временем поставил в засаде своих телохранителей и велел им догола раздеть всех женщин без разбора – как свободных, так и служанок. Все их одежды он приказал бросить в яму и сжечь, призывая Мелиссу. Таким образом он сумел умиловить тень жены, и в следующий раз, явившись на зов заклинателей, она указала место, где было спрятано искомое добро.

6) Кифарид Арион

Кипсел, и в еще большей степени Периандр, славились пышностью своего двора. Зная об их щедрости, в Коринф съезжалось множество поэтов, скульпторов и художников. Среди прочих долгое время здесь жил знаменитый кифарид и поэт по имени Арион. Из Греции Арион отправился в Италию и Сицилию, а поскольку он на самом деле был талантливый сочинитель и великолепный музыкант, ему везде платили хорошие деньги. Нажив в колониях большое состояние, Арион решил возвратиться в Коринф. В путь он отправился из Тарента, наняв для себя у коринфских мореходов специальный корабль. Когда тот приблизился к берегам Гре-

ции, корабельщики задумали злое дело: решили выбросить в открытом море Ариона за борт и завладеть его сокровищами. Арион догадался об их умысле и стал умолять моряков о пощаде. Но ему не удалось их смягчить. Корабельщики предложили Ариону либо самому лишиться себя жизни (тогда они обещали похоронить его тело на суше), либо сейчас же броситься в море. Арион избрал второе. Облачившись в полный наряд певца и взяв в руки кифару, он встал на корме и исполнил торжественную песнь. Потом Арион, как был во всем наряде, бросился в море. Он думал, его ждет неминуемая смерть. Однако оказалось, что рядом с кораблем плывет, привлеченный дивной музыкой дельфин. Арион обхватил его руками, и дельфин доставил несчастного до самого берега. Певец вышел на сушу возле Тенара и отсюда добрался до Коринфа. Явившись в город, он первым делом отправился к Периандру и рассказал ему обо всем, что с ним приключилось. Периандр не поверил в эту диковинную историю, велел заключить Ариона под стражу и никуда не выпускать. Вскоре в Коринф приплыли преступные корабельщики. Периандр призвал их к себе и стал расспрашивать, что им известно об Арионе. Моряки отвечали, что кифарид живет и здравствует где-то в Италии и что они оставили его в Таренте в полном благополучии. Вдруг внезапно перед ними появился сам Арион в том самом одеянии, в каком бросился в море. Корабельщики пришли в благоговейный ужас и тут же покаялись в содеянном.

7) Периандр и его сын Ликофрон

Тиран Периандр имел от Мелиссы двух сыновей – Кипсела и Ликофрона. Из них младший был очень толковый и сообразительный, а старший, напротив, отличался слабоумием. Когда братьям исполнилось соответственно 17 и 18 лет, они гостили у своего деда по матери Прокла, тирана Эпидавра. При расставании, провозжая их, дед спросил: "А знаете ли вы, дети, кто убил вашу мать?" Старший юноша вовсе не обратил внимания на эти слова, а младший тотчас догадался, что речь идет об их отце. Он принял эту новость так близко к сердцу, что, возвратившись в Коринф, перестал здороваться с отцом, как с убийцей матери, не говорил с ним и не отвечал на его вопросы. В конце концов Периандр распалился на сына страшным гневом и изгнал его из дома.

После этого Периандр стал расспрашивать Кипсела, о чем с ними говорил дед. Тот рассказал отцу, как ласково тот с ними обошелся, но о словах Прокла при расставании не упомянул, так как не понял их смысла. Но Периандр продолжал настойчиво расспрашивать сына. Он понимал, что дело здесь нечисто. Наконец Кипсел вспомнил и передал ему слова деда. Периандр сообразил, что произошло, но, вместо того, чтобы посочувствовать сыну, решил в полной мере показать ему свою строгость. Он послал вестника в тот дом, где жил изгнанный Ликофрон, и запретил хозяевам принимать юношу. Теперь, куда бы не приходил несчастный, его отовсюду прогоняли, ибо Периандр пригрозил крупным штрафом всякому, кто осмелится приютить его сына или даже просто завести с ним разговор. Исхудалый и оборванный бродил Ликофрон по улицам Коринфа. Раз Периандр увидел его и, подавив свой гнев, спросил: «Сын мой! Неужели тебе приятнее жить нищим, чем царским наследником? Перестань упорствовать: вернись домой». Но Ликофрон отвечал отцу только одно: пусть Периандр уплатит пеню Аполлону, ведь он нарушил собственный запрет и вступил в разговор с отверженным. Тут Периандр понял, как неисправимо зло и как неодолимо оно в его сыне. Чтобы положить конец неприличному положению, в котором он очутился, тиран велел посадить Ликофрона на корабль и отвезти его с глаз долой на остров Керкиру, которая в то время была подвластна Коринфу.

8) Падение тирании в Коринфе

Прошло много лет. Периандр состарился. Бремя власти стало тяготить его, и он начал подумывать о покое. Тогда он послал на Керкиру к Ликофрону и велел сказать, что желает передать ему бразды правления. Но Ликофрон даже не удостоил отцовского посланца ответом. Периандр, искренне любивший сына, отправил для переговоров с ним свою дочь, в надежде, что тот послушается хотя бы ее. Однако Ликофрон отказался ехать и сказал, что не вернется в Коринф до тех пор, пока там живет отец. «Хорошо! – написал ему Периандр, – возвращайся на родину и правь Коринфом, а я тотчас уеду на твое место в Керкиру и буду править Керкирой». На этот раз Ликофрон согласился и стал готовиться к отъезду. Узнав об этом, керкиряне всполошились. Они ненавидели тирана. Мысль, что Периандр делается правителем острова была для них невыносима. И вот, чтобы расстроить его замыслы, они напали на Ликофрона в его доме и убили его, а Периандру написали, что его сын умер, так что ему нет никакой нужды перебираться на Керкиру.

Мстя за смерть сына, Периандр обрушил на непокорных всю мощь своего войска. Он опустошил остров и вновь подчинил Керкиру своей власти. Впрочем, это было последнее удовольствие, которое он мог себе позволить. Ведь тиран остался совсем один. Никто в городе не любил его, все коринфяне мечтали о его смерти. Периандр боялся, что когда он умрет, граждане разроют могилу и осквернят его прах. И он решил умереть так, чтобы никто никогда не узнал, где находится его могила. Он вызвал к себе двух воинов и отдал им тайный приказ: в полночь выйти из дворца по сикионской дороге, убить первого встреченного ими путника и похоронить его тут же на месте. Потом он вызвал к себе четверых воинов и отдал им другой приказ: через час после полуночи выйти на сикионскую дорогу, настичь тех двоих и убить их. Затем он вызвал восьмерых воинов и приказал: через два часа после полуночи выйти вслед четверым и умертвить их. А когда настала полночь, Периандр закутался в плащ, незаметно выскользнул из дворца, пошел по сикионской дороге навстречу двум первым воинам и был ими убит... Произошло это в 587 г. до Р.Х.

Поскольку Периандр не оставил сыновей, ему наследовал его племянник Псамметих, сын Горга. Он правил три года, после чего был убит заговорщиками. Коринфяне сожгли дома тиранов и конфисковали их имущество. Тело Псамметиха бросили без погребения, а могилы его предков предали осквернению. Тираническое господство Кипселидов сменилась олигархическим правлением. Отныне к власти были допущены только состоятельные люди. Из их числа формировался Совет Восьмидесяти, который и встал во главе государства.

9) Колония коринфян на Керкире

Коринф еще во времена Бакхиадов сделался могущественной морской державой. Его граждане основали несколько значительных колоний, сыгравших потом не последнюю роль в греческой истории. Прежде всего в этой связи следует упомянуть Керкиру – самый северный из островов Ионического архипелага, лежащий неподалеку от северо-западного побережья Греции и отделенный от материка узким проливом. Первыми ее облюбовали эретрийцы с Эвбеи. Затем, около 733 г. до Р.Х., на Керкиру явились коринфские переселенцы под началом некоего Херсикрата. Они прогнали эретрийцев и основали на острове дорическую колонию.

Особенностью керкирской истории стали напряженные и даже драматические отношения со своей метрополией. Обычно города, выводившие колонию, старались не вмешиваться в ее дальнейшую жизнь. Только коринфяне, в отличие от других греков, проявляли настойчивое желание удерживать свои колонии в подчиненном положении. Поначалу Керкира мирилась с верховенством Коринфа, но потом местные жители вступили в ожесточенную борьбу с мет-

рополией. Несколько раз коринфские войска жестоко опустошали остров и сами терпели от колонистов тяжелые поражения. Так около 644 г. до Р.Х. керкиряне разгромили коринфский флот у Сиботских островов. Окончательно остров обрел независимость где-то в средин VI в. до Р.Х. В это время Керкира сама превратилась в сильное морское государство и могла дать достойный отпор любому противнику.

10) Колонии коринфян в Иллирии

Выходцы из Коринфа активно колонизировали побережье Иллирии – обширной области, расположенной на Балканском полуострове северо-западнее Греции. Все иллирийское побережье исключительно богато гаванями как на самом материке, так и на близлежащих островах. Вся страна, лежащая над этим побережьем, гористая, холодная и снежная, особенно северная ее часть. Но вблизи моря картина совсем другая: климат здесь теплый, земля – плодородна. При желании тут можно было разводить маслины и выращивать прекрасный виноград. Тем не менее иллирийская область долго находилась в пренебрежении, так как греки опасались встретить отпор со стороны местных воинственных племен.

Первыми, кто преодолел этот страх, были керкиряне. В 627 г. до Р.Х. они построили у самого входа в Адриатическое море город Эпидамн. Основателем колонии был коринфянин Фалий из рода Гераклидов, которого по старинному обычаю призвали из метрополии. С течением времени Эпидамн превратился в большой город с многочисленным населением. Первоначально государственное устройство здесь было откровенно олигархическим. Во главе каждой из фил стояли филархи. И именно они, сходясь на тайные совет, решали все важнейшие дела полиса. В дальнейшем вместо филархов был учрежден совет. Должностных лиц стали выбирать на народном собрании. Однако и тогда в Эпидамне сохранялась умеренная олигархия. Так, например, верховный руководитель государства – архонт – в городе был только один. На эту должность избирали пожизненно.

Несколько позже – в 588 г. до Р.Х. – керкиряне и коринфяне основали в Иллирии город Аполлонию. Почетными политическими правами здесь пользовались только потомки первых колонистов, то есть меньшая часть населения.

11) Амбракия

В годы правления Кипсела коринфяне заняли остров Левкаду и все побережье Амбракийского залива на северо-западе Греции по соседству с Этолией. Затем на некотором отдалении от берега Горг, сын Кипсела, основал Амбракию. Мимо города протекала река Аратф, судоходная в своих низовьях. По ней сплавляли лес, являвшийся важной статьей торговли амбракийцев.

После Горга в Амбракии правили еще два тирана из потомков Кипсела. Второй из них – Периандр (вероятно, сын Горга) был изгнан вскоре после смерти своего знаменитого тезки. В Амбракии утвердилась умеренная олигархия. К государственным должностям здесь были допущены не все граждане, но лишь те, чей доход превышал установленный минимум. Однако, по прошествии некоторого времени, этот закон перестал соблюдаться, и в управлении стали участвовать все амбракийцы. Таким образом, олигархическое правление плавно сменилось демократическим.

12) Основание Сиракуз

Самой знаменитой колонией коринфян стали Сиракузы в Сицилии. Их основателем был Архий из рода Бакхиадов. Пишут, что этот влиятельный аристократ оказался невольным виновником смерти юноши Актеона. (Вот эта история в передаче Диодора: "Архий из Коринфа полюбил Актеона и отправил к молодому человеку посланника с большими обещаниями. Но бдительность и мудрость отца ребенка сорвали все попытки, и он собрал большинство своих товарищей, чтобы принудительно забрать того, кто противился его просьбе. И, наконец, однажды, опьяненный вином и ослепленный страстью, он с компанией ворвался в дом Мелисса и принялся вырывать мальчика силой. Но отец и другие обитатели дома крепко его держали, и в результате упорной борьбы, которая завязалась между двумя группами, мальчик умер в руках своих защитников"). Отец погибшего Мелисс попытался привлечь Архия к суду. Однако народ из страха перед аристократией, к которой принадлежал Архий, остался глух к его мольбам. Тогда Мелисс, дождавшись Истмийских празднеств, взобрался на крышу храма Посейдона, проклял коринфян и, призвав в свидетели богов, бросился вниз на камни. Вскоре после его смерти Коринф постигли засуха и голод, а когда коринфяне спросили Дельфийский оракул о причине несчастья, пифия ответила, что они прогневали Посейдона и беды их не прекратятся до тех пор, пока они не отмстят за Актеона и Мелисса.

Одним из феоров – членов священного посольства в Дельфы – был сам Архий. Понимая, что дело принимает для него скверный оборот, он решил не возвращаться в Коринф и поискать счастья на чужбине. Вскоре он встретил каких-то дорийцев, оставших от тех колонистов, которые основали Гиблейские Мегары. Архий принял их к себе и вместе с ними отправился к берегам Сицилии. Здесь в 733 г. до Р.Х. на островке Ортигия он основал небольшую колонию. Место оказалось чрезвычайно удобным – вокруг было много плодородных земель и лежало несколько удобно расположенных гаваней. Число колонистов стало быстро расти. Когда Ортигия была полностью заселена, греки принялись осваивать противоположный сицилийский берег. Тут возник внешний город Сиракузы. Позднее он также был окружен стеной и стал очень многолюдным.

13) Устройство и размеры Сиракузской державы

Как уже отмечалось, самые большие выгоды от основания новой колонии получали потомки первопоселенцев. В Сиракузах таких счастливицков называли гаморами, то есть «обладающими долей земли». Эти гаморы, занявшие и разделившие между собой большую и лучшую часть плодородной долины, противостояли всем последующим переселенцам, как особое сословие землевладельцев и граждан по преимуществу.

Последующие поколения переселенцев получили худшие земли, или вовсе их не имели. Они занимались городскими промыслами. Из этих людей постепенно образовалась масса простого народа – демоса. Кроме них значительную прослойку населения Сиракуз составляли киллирии – прикрепленные к земле рабы. Это было местное сикульское население, покоренное греческими завоевателями. Они сохраняли возможность жить своими семьями и вести собственное хозяйство, но должны были отдавать грекам в виде оброка значительную часть собранного ими урожая.

В дальнейшем сами сиракузяне основали в Сицилии несколько новых колоний. Первая из них – Акры – была выведена спустя 70 лет после возникновения Сиракуз (в 663 г. до Р.Х.), следующая – Касмены – через 20 лет после Акр (в 643 г. до Р.Х.). Камарину основали через 135 лет после основания Сиракуз (в 598 г. до Р.Х.). В 550 г. до Р.Х. камаринцы попытались отделиться от Сиракуз, но были побеждены сиракузянами и изгнаны вон. В результате

под контролем Сиракуз оказался весь юго-восточный угол Сицилии. В этой обширной области сами Сиракузы и основанные ими города и крепости возвышались оплотами греческого господства над морем небольших сикульских поселений, население которых было подчинено, прикреплено к земле и низведено на положение рабов, обязанных обрабатывать надельные участки завоевателей. Сиракузы превратились в большое полисное государство, уступавшее по своим размерам одной только Спарте.

14) Демократический переворот в Сиракузах

В начале V в. до Р.Х. между Сиракузами и тираном Гелы Гиппократом вспыхнула война. В 492 г. до Р.Х. Гиппократ наголову разгромил сиракузян в битве при реке Гелоре, после чего подступил к самим Сиракузам. Города гелейский тиран, правда, не взял, но за мир сиракузянам пришлось дорого заплатить: они должны были уступить Гиппократу область Камарины.

После понесенного поражения авторитет и могущество правящей в Сиракузах аристократии оказались сильно подорваны. Этим поспешили воспользоваться сиракузские демократы, соединившиеся с киллириями. В 491 г. до Р.Х. они совместными усилиями свергли и изгнали гаморов. В результате не только бедняки-греки, но и киллирии получили в Сиракузах гражданские права. Гаморы обосновались в Касменах и оставались там в течении ряда лет, ожидая перемены обстоятельств. Впрочем, власть демократов оказалась очень слабой. Вскоре в Сиракузах начались безначалие и смуты.

Баттиды Кирены

1) Колония лакедемонян на Фере

Лакедемоняне имели мало колоний, но зато все они пользовались известностью. Свою самую первую колонию они вывели на остров, ранее называвшийся Каллистой. Основателем ее стал Фера, сын Автесиона – дядя по матери первых спартанских царей Еврисфена и Прокла. Во время несовершеннолетия последних Фера (как их опекун) был царем Спарты. Когда же племянники выросли и сами вступили на престол, Фера, обиженный тем, что ему теперь приходилось подчиняться другим (ведь сам он уже вкусил власть), объявил, что не останется в Лаконике, а отправится за море. С этой целью он набрал несколько десятков дорийцев из разных спартанских фил, присоединил к ним некоторое количество минийцев и отправился в путь на трех 30-весельных кораблях. Вскоре ему удалось основать небольшой городок на Каллисте, которая тогда же была переименована в Феру.

2) Основание Кирены

Много поколений спустя потомок Феры Гринн прибыл в Дельфы. Его сопровождали несколько фереийских граждан, и среди них Батт, сын Полиместа. Гринн желал спросить оракул, но пифия, оставив его вопрос без внимания, провозгласила: «Царь! Фереийцы должны основать город в Ливии!» (Ливией греки называли Африку). Гринн смутился и отвечал: «Владыка! Я уже старик, и мне слишком тяжело отправиться в путь. Повели сделать это кому-нибудь более молодому». Этими словами он указал на Батта. Затем больше ничего не произошло, но по возвращению на родину фереийцы пренебрегли изречением оракула: они не знали, где находится Ливия, и не решались наудачу отправить поселенцев.

Следующие семь лет на Фере не было дождей, и здесь засохли все деревья. Жители вновь отправились в Дельфы спросить оракул о причинах божьего гнева. Пифия отвечала им точно также, как в прошлый раз: «Ферейцы должны основать город в Ливии!». Несчастные островитяне не ведали, как им избавиться от беды, и послали на Крит вестников разузнать: не бывал ли в Ливии какой-нибудь критянин или чужеземец, живущий на Крите? Послы бродили по острову с места на место и под конец пришли в город Итану. Там им повстречался ловец багрянок по имени Коробий, который рассказал, что однажды был занесен бурей в Ливию, именно к острову Платея у ливийского берега. Ферейцы воспрянули духом и решили отправить на Платею по одному человеку из каждой семьи, где было более двух братьев. Предводителем и царем над колонистами поставили Батта. Всех переселенцев набралось немного, так что для экспедиции хватило двух 50-весельных кораблей.

Обосновавшись на Платеях, ферейцы пробыли здесь два года. Жизнь их, однако, не ладилась. Не имея больше мочи сносить жестокую нужду, колонисты поплыли в Дельфы. Здесь они стали жаловаться на то, что, хотя и исполнили божью волю, дела у них идут отнюдь не лучше. В ответ Пифия изрекла:

Ведаешь лучше меня кормящую агнцев Ливию, в ней не бывав.

Мне же, бывшему там, дивна твоя мудрость безмерно.

Услыхав такой ответ оракула, Батт со спутниками поплыли назад. Ведь Аполлон, очевидно, не освобождал их от обязанности основать поселение. Пришлось строить город против острова на самом африканском побережье (возможно, это была позднейшая Аполлония). В тех краях поселенцы жили шесть лет. На седьмой год местные ливийцы убедили колонистов покинуть побережье и показали им прекрасную долину в 10 км от моря, располагавшуюся вблизи полноводного источника Кира. По нему основанный неподалеку город стал называться Кирена. Это произошло в 631 г. до Р.Х.

3) Победа киренцев над египтянами

При жизни основателя поселения Батта I, правившего сорок лет (в 639–599 гг. до Р.Х.), и за шестнадцать лет царствования его сына, Аркесилая I (599–583 гг. до Р.Х.), численность киренцев оставалась столь же незначительной, как и в начале переселения. Но при третьем царе, прозванном Баттом Счастливым (583–560 гг. до Р.Х.), пифия призвала греков активней переселяться в область киренцев. Ее оракул гласил:

Кто слишком поздно придет в воделенную Ливии землю,
После раздела земли, пожалеть тому горько придется.

Вскоре в Кирене собралось очень много людей, которые принялись отнимать у соседних ливийцев большие участки земли. Тогда ограбленные и смертельно обиженные ливийцы отправили послов в Египет и отдались под защиту фараона Априя. Тот, собрав большое войско, послал его против Кирены. Однако в сражении у источника Феста (ок. 570 г. до Р.Х.) греки одержали полную победу. Египтянам до этого никогда не случалось иметь дела с эллинами. Они не считали их серьезными противниками, поэтому сокрушительный удар греческой фаланги оказался для них полной неожиданностью. В результате большая часть солдат фараона погибла. Только немногим из них удалось вернуться к берегам Нила.

4) Аркесилай II

Сыном Батта II был Аркесилай II (560–550 гг. до Р.Х.). Став царем, он сначала ссорился со своими братьями, пока те не покинули Кирену. Они удалились в другую местность Ливии,

основали там на свой страх и риск город, который носил название Барка, и стали подстрекать ливийцев к восстанию против Кирены. Но когда началась война, ливийцы в страхе бежали на восток. Аркесилай упорно преследовал их до местности Левкон. Там ливийцы решились напасть на греков. В сражении киренцы были наголову разбиты: 7000 их гоплитов осталось лежать на поле боя. После этой неудачи Аркесилай сильно занемог и был задушен своим братом Леархом. Леарха же коварно умертвила жена Аркесилая по имени Эриксо.

5) Распря между царем и народом

Аркесилаю наследовал его сын Батт III (550–526 гг. до Р.Х.). Он был хромой и едва мог стоять на ногах. Киренцы же послали в Дельфы спросить оракул из-за постигшего их несчастья: при каком государственном устройстве лучше всего им жить? Пифия велела пригласить в Кирену посредника из города Мантиней в Аркадии. Когда мантинейцам стало известно об оракуле, они отправили в Ливию самого уважаемого из своих сограждан по имени Демонакт. По прибытии посредник выделил царю Батту царские земельные владения и жреческие доходы, а все остальное, что принадлежало прежде царю, сделал достоянием народа.

Такие порядки продолжали существовать при жизни этого Батта. Однако уже в царствование его сына Аркесилая III (526–515 гг. до Р.Х.) начались сильные смуты из-за царских прав и преимуществ. Аркесилай заявил, что не желает соблюдать законы, установленные мантинейцем Демонактом, и потребовал вернуть ему преимущества и владения его предков. В происшедшей затем междоусобной борьбе Аркесилай потерпел поражение и бежал на Самос. Тут он набрал большое войско, но прежде, чем возобновить войну, послал в Дельфы спросить оракул о своем возвращении. Пифия дала царю такой ответ: «При четырех Баттах и четырех Аркесилаях Аполлон позволяет вам царствовать в Кирене. А дальше он не советует вам посягать на царство. Сам ты можешь спокойно возвратиться домой. Но если ты найдешь печь, полную амфор, то не обжигай амфор, но отсылай их такими, как есть. Если же будешь обжигать, то не вступай в окруженное водой место, иначе умрешь».

Такой оракул изрекла Аркесилаю III пифия, а тот возвратился в Кирену с людьми, набранными на Самосе. После захвата власти царь начал преследовать судом виновников своего изгнания. Некоторые из них были вынуждены навсегда покинуть страну, другие попали в руки Аркесилая, и он отправил их на Кипр для казни. Часть киренцев была осаждена в большой башне за городом. Аркесилай велел навалить вокруг башни кучу дров и поджечь. Когда все его недруги погибли, царю пришло на ум, что оракул относился именно к этому злодеянию: ведь Пифия запрещала ему сжигать амфоры, которые он найдет в печи! В страхе от предсказанной ему смерти Аркесилай добровольно покинул город, поскольку считал Кирену «окруженным водой местом». Аркесилай бежал в Барку, к своему тестю Алазиру, но вскоре был убит баркейцами, которых подвигли на это скрывавшиеся в городе изгнанники из Кирены.

6) Барка

Пока Аркесилай III жил в Барке, его мать Феретима занимала в Кирене подобающее ее сану почетное положение, и, между прочим, заседала даже в совете. Узнав о смерти сына, она бежала в Египет, находившийся тогда под властью персов. В свое время Аркесилай III оказал важные услуги персидскому царю Камбису. Теперь Феретима бросилась как просительница к ногам персидского сатрапа Арианда и стала умолять его о помощи.

Арианд сжалился над Феретимой и предоставил ей все египетские военные силы как сухопутные, так и морские. Начальником войска он назначил Амасиса. Персы прибыли в Барку и приступили к осаде города. Война продолжалась девять месяцев и была очень упорной. Персы проложили подкоп до стены и попытались через него проникнуть в город. Однако этот

подкоп удалось обнаружить одному кузнецу при помощи медного щита. Обходя со щитом стены с внутренней стороны, кузнец прикладывал его к земле. Там, где не было подкопа, приставленный к земле щит не издавал звука, но там, где был подкоп, медь щита начинала звучать. Тогда баркейцы проложили встречный подкоп и перебили рывших землю персов.

Так продолжалось долгое время, и с обеих сторон пало много воинов. Амасис, сообразив, что силой ему баркейцев не одолеть, придумал следующую хитрость. Он приказал ночью выкопать широкий ров, положить поперек него тонкие доски, а поверх досок насыпать земли и затем сравнять с остальным грунтом. На рассвете Амасис предложил баркейцам вступить в переговоры. Баркейцы с радостью согласились, поскольку давно желали мира. Соглашение было заключено примерно такое: баркейцы обязались платить царю дань, а персы – больше не причинять им зла. Затем, встав над потайным рвом (о чем греки, понятно, не догадывались), они поклялись, что пока земля эта останется нерушимой, нерушимой будет и их клятва. По заключении мира, баркейцы уже не так внимательно обороняли стены и ворота. А персы разломали помост, скрывавший ров (так они лишили клятву ее священной силы) и ворвались в город. Все главные виновники убийства Аркесилая были выданы Феретиме, которая подвергла их мучительной казни. Многих других горожан она отдала персам для продажи в рабство. Впрочем, конец самой Феретимы также не был благополучным – по возвращении в Египет она умерла лютой смертью, ибо ее тело заживо сгнило от кишасших в нем червей.

Персы назначили царем Кирены, Барки и некоторых других ливийских городов Батта IV, сына убитого Аркесилая (он правил в 515–466 гг. до Р.Х.). После его смерти власть принял его сын Аркесилай IV (466–439 гг. до Р.Х.). Как и предрекала Пифия, он оказался последним царем из потомков Батта I. После его смерти монархия в Кирене пала, и здесь установилось демократическое правление.

8. Лаконика и Мессения

Цари Спарты до Ликурга

1) Аристодем

Геродот сообщает, что именно Аристодем, сын Аристомаха из рода Гераклидов привел дорийцев в земли Лаконики. Спустя немного времени супруга Аристодема по имени Аргея, родила двоих близнецов. Она, по преданию, была дочерью Автесиона, сына Тисамена, последнего ахейского царя в Лаконике. После того как Аристодем увидел детей своими глазами, он занемог и скончался. (Геродот:6;52).

2) Род Агидов

1. ЕВРИСФЕН (XI в. до Р.Х.). По свидетельству Геродота, вскоре после рождения у него сыновей-близнецов, Еврисфена и Прокла, Аристодем умер. Когда мальчики подросли, лакедемоняне их обоих провозгласили царями. Но, хотя они и были братьями, они всю жизнь враждовали между собой, и эта их вражда продолжалась в их потомстве. (Геродот: 6;52).

Согласно Эфору, братья разделили Лаконику на шесть частей и основали города. Спарту Гераклиды сделали своей столицей, в остальные части они послали царей, разрешив им, в силу редкой населенности страны, принимать в сожители всех желающих иностранцев. Хотя все соседние племена находились в подчинении спартанцев, однако они имели равноправие как в отношении прав гражданства, так и в смысле занятия государственных должностей. Назывались они илотами. (Страбон: 8;5;4).

2/1. АГИС I (XI в. до Р.Х.). Агис лишил равноправия илотов и повелел им платить подать Спарте. Таким образом, все остальные племена подчинились спартанцам, кроме элейцев, владевших Гелосом. Элейцы были покорены после восстания. Их город взяли силой во время войны, а жителей осудили на рабство с определенной оговоркой, что владельцу раба не дозволяется ни отпускать его на свободу, ни продавать за пределы страны. Эта война получила название "войны против илотов". Можно сказать, что Агис и его помощники были теми, кто ввел институт илотов. Лакедемоняне считали илотов чем-то вроде государственных рабов, назначив им определенное местожительство и особые работы. (Страбон: 8;5;4).

3/2. ЭХЕСТРАТ (1027 – 996 гг. до Р.Х.). В его царствование лакедемоняне заставили выселиться всех взрослых, способных носить оружие жителей Кинурии за то, что те делали набеги на АргOLIDУ. (Павсаний: 3;2;2).

4/3. ЛАБОТА (996–959 гг. до Р.Х.). При нем лакедемоняне в первый раз решили поднять оружие против аргосцев за то, что те постоянно захватывали земли Кинурии. Ни с той, ни с другой стороны в этой войне не было сделано ничего, достойного воспоминания. (Павсаний: 2;3).

5/4. ДОРИСС (959–930 гг. до Р.Х.).

6/5. АГЕСИЛАЙ I (930–886 гг. до Р.Х.).

3) Род Эврипонтидов

1. ПРОКЛ (XI в. до Р.Х.). Сын Аристодема и родоначальник царского рода Эврипонтидов. (Геродот:6;52).

2/1. СОЙ (XI в. до Р.Х.). В его царствование спартанцы обратили илотов в рабство и присоединили к своим владениям значительную часть Аркадии. Говорят, Сой, окруженный однажды клиторцами в неудобной для сражения и безводной местности, предложил им заключить мир и возвратить завоеванную у них землю, если они позволят ему и всему войску напиться из близлежащего источника. Мир был заключен под клятвой. Тогда он собрал свое войско и обещал отдать свой престол тому, кто не станет пить. Но никто не смог побороть себя, все утолили жажду, только один царь, спустившись вниз, на глазах у всех лишь плеснул на себя водой в присутствии неприятелей. Он отступил, но не вернул завоеванной им земли, ссылаясь на то, что "не все пили". (Плутарх: "Ликург";2).

3/2. ЭВРИПОНТ (X в. до Р.Х.). Плутарх пишет, что Эврипонт заискивал у народа, желая приобрести любовь черни и поступился частью своих прав неограниченного монарха. Вследствие этих послаблений народ поднял голову. Следующие за ним цари были или ненавидимы народом за свою строгость по отношению к нему, или становились предметом насмешек за свою уступчивость и слабохарактерность. Поэтому в Спарте долго царили безначалие и смута. (Плутарх: "Ликург";2).

4/3. ПРИТАНИД (X в. до Р.Х.). При нем началась вражда у лакедемонян с аргосцами. (Павсаний: 3;7;2).

5/4. ЭВНОМ (X в. до Р.Х.). Эвном имел две жены. От первой у него родился сын Полидект, а от второй, Дионассы, – Ликург. Желая однажды разнять драку, Эвном был ранен кухонным ножом и умер, оставив престол своему старшему сыну Полидекту. (Плутарх: "Ликург";1).

6/5. ПОЛИДЕКТ (IX в. до Р.Х.). Когда Полидект умер, сын его Харилай еще не родился. Поэтому царскую власть получил брат Полидекта законодатель Ликург. (Плутарх: "Ликург";1).

Ликург

1) Короткое царствование Ликурга

После кончины царя Полидекта спартанцы сочли его законным наследником Ликурга, и действительно, он правил государством, пока ему не сказали, что его невестка ожидает ребенка. Узнав об этом, Ликург объявил во всеуслышание: если новорожденный окажется мальчиком, он передаст престол ему и будет управлять государством в качестве опекуна.

Между тем вдовствующая царица завела с ним тайные переговоры. «Я готова убить своего неродившегося младенца, если ты возьмешь меня в жены, – сказала она. – Соглашайся, ведь это единственная возможность для тебя сохранить власть!» Ликург ужаснулся подобной жестокости, но сделал вид, что принимает ее предложением. «Только не причиняй себе вреда и не губи ребенка, – сказал он. – Лучше расправиться с ним сразу после рождения». Таким образом ему удалось обмануть царицу. Когда Ликург заметил, что роды близки, он отправил во дворец нескольких человек, приказав им в случае рождения девочки передать ее женщинам, а мальчика доставить к нему. Вскоре царица родила. Когда рабы явились с малюткой на руках, Ликург как раз сидел за обедом вместе с высшими сановниками. Он взял новорожденного и обратился к присутствующим со словами: "Вот, спартанцы, ваш царь!" Младенца положили на трон и нарекли Харилаем.

Хотя Ликург царствовал всего восемь месяцев, он успел заслужить глубокое уважение сограждан. Однако, у него были и завистники, главным образом среди родни и приближенных царицы-матери, считавшей себя оскорбленной. Ее брат Леонид не раз говорил согражданам, что Ликург совсем не так благороден, как пытается казаться, и рано или поздно обязательно добьется царства. Эти слова насторожили и напугали Ликурга. Он понял, что враги хотят заранее оклеветать его, как заговорщика, на тот случай, если с царем случится какое-либо несчастье. Ведь тогда всякий сможет сказать, что он убил ребенка, желая завладеть престолом! Не желая подвергаться случайностям, Ликург поспешно покинул родину и не возвращался в Лаконику до тех пор, пока его племянник не подрос и не обзавелся наследником.

2) Ликург возвращает себе власть

Оставив Лаконику, Ликург много путешествовал. Сначала он посетил Крит, жители которого сохранили многие из древних дорийских законов. Изучая государственное устройство острова и беседуя здесь с самыми известными из граждан, Ликург некоторые их учреждения хвалил и считал достойными подражания, а другие порицал. После этого он несколько лет прожил в Египте, и близко познакомился с тамошней жизнью. Говорят, ему в особенности понравилось существовавшее у египтян обособленное сословие воинов.

Между тем, спартанцы жалели об отъезде Ликурга и не раз приглашали его вернуться. Они говорили, что их нынешние цари отличаются от подданных только титулом и тем почетом, которым они окружены, в то время, как он создан для того, чтобы властвовать и обладает способностью оказывать на других нравственное влияние. Впрочем, и сами цари были не против его возвращения, – они с трудом усмиряли народные возмущения и надеялись с его помощью сдержать дерзкую наглость толпы. Уступая этим настойчивым просьбам, Ликург возвратился в Лаконику и объявил о своем намерении приступить к преобразованию существующего государственного порядка. Но прежде он отправился в Дельфы. Пифия встретила его с глубоким почтением и назвала "питомцем богов" и скорее даже "богом, нежели человеком". Ликург попросил дать ему «лучшие» государственные законы. Пифия отвечала на это: бог обещает, что ни одно государство, никогда не будет иметь законов лучше, чем те, которые он намерен даровать своим согражданам.

Ответ ободрил Ликурга, и он попросил влиятельных граждан оказать ему поддержку.

Вслед затем, выбрав удобное время, он велел тридцати аристократам явиться утром вооруженными на площадь. В городе началась суматоха. Царь Харилай (864–804 гг. до Р.Х.) подумал, что это выступление является заговором против него, и поспешил укрыться в храме Афины Меднодомной (он был человек слабохарактерный и трусоватый). Но, убедившись, что никакой угрозы его жизни нет, Харилай вышел из убежища и объявил о своей готовности во всем подчиниться власти дяди. Таким образом, Ликург легко вернул себе верховную власть над государством. С этого времени ничего не мешало проведению его реформ.

3) Учреждение герусии

Из многих преобразований Ликурга первым и самым важным стало учреждение им совета старейшин (герусии). Задачей этого нового органа было, с одной стороны, сдерживать в известных границах царскую власть, а с другой – поддерживать ее своим авторитетом. Этим способом Ликург надеялся доставить государству внутренний мир. Ведь до тех пор оно не имело под собою прочной почвы, – то усиливалась власть царей, переходившая в деспотизм, то власть народа в форме демократии. Теперь, как бы уравновешивая эти крайности и обеспечивая прочный порядок, между ними была поставлена власть двадцати восьми старейшин (геронтов). Когда следовало дать отпор демократическим стремлениям, эти старейшины ста-

новились на сторону царя. Они же, в случае необходимости, могли оказать поддержку народу в его борьбе с деспотизмом.

Членами герусии Ликург назначил сперва тех, кто принимал участие в его предприятии. Позже он сделал распоряжение, чтобы в случае смерти одного из них на его место избирался какой-либо из уважаемых граждан более шестидесяти лет от роду. В этом случае начиналось величайшее состязание в мире, состязание, где каждый бился до последних сил. Дело шло не о том, чтобы быть объявленным самым быстрым из быстрых, самым сильным из сильных, а лучшим и умнейшим между лучшими и умнейшими людьми. За свое нравственное превосходство победитель получал пожизненно в награду высшую власть в государстве, делался господином над жизнью и смертью, честью и бесчестьем, короче, надо всем, что стояло на первом плане. Выборы происходили следующим образом. Когда народ успевал собраться, выборные запирались в одной комнате соседнего дома, где не могли никого видеть, так же, как никому нельзя было видеть их. До них могли доноситься только крики собравшегося народа. Избираемые выходили не все сразу, но поодиночке, по жребию и шли молча через все собрание. У тех, кто сидел запершись в комнате, были в руках дощечки для письма, на которых они отмечали только силу крика, не зная, к кому он относится. Они должны были записать лишь, как сильно кричали тому, кого выводили первым, вторым, третьим и т. д. Того, кому кричали чаще и сильнее, объявляли избранным. С венком на голове он шел в храм в толпе не только не завидовавшей ему и прославлявшей его молодежи, но и среди множества женщин, которые хвалили его в песнях и называли жизнь его счастливой. Каждый из родственников приглашал его к обеду, говоря, что это – почетное угощение ему от имени города.

4) Передел земли

Вторым преобразованием Ликурга, и самым смелым из них, стал осуществленный им передел земли. Неравенство состояний в начале его правления было ужасное: масса нищих и бедных постоянно угрожала государству мятежом, между тем как богатство скопилось в руках немногих. Желая уничтожить гордость, зависть, преступления, роскошь и две самые старые и опасные болезни государственного тела – богатство и бедность, Ликург убедил сограждан отказаться от частного владения землею, передать ее в распоряжение государства, а затем провести новый ее раздел и жить всем на равных условиях, так чтобы никто, не был выше другого.

Приводя свой план в исполнение, Ликург разделил всю Лаконику на 39 тысяч земельных участков. 30 тысяч из них были отданы периэкам, а 9 тысяч, относящиеся к самому городу Спарте, разделены между спартанцами. В результате этой меры исчезли нищета и крайнее богатство, но зато все граждане приобрели умеренный достаток. Говорят, что однажды, проходя по Лаконике, где только что кончилась жатва, Ликург увидел ряды снопов одинаковой величины и сказал с улыбкой, обращаясь к своим спутникам, что вся страна кажется ему наследством, которое только что разделили поровну многие братья.

5) Упразднение роскоши

Чтобы окончательно уничтожить всякое неравенство и несоразмерность, Ликург хотел разделить поровну все движимое имущество. Но, увидев, что собственнику тяжело будет прямо лишиться собственности, он пошел окольным путем и сумел обмануть своими распоряжениями корыстолюбивых людей. Прежде всего он изъял из обращения всю золотую и серебряную монету и приказал употреблять вместо них железную. Новые деньги были так тяжелы и так массивны, при малой стоимости, что для сбережения дома даже небольшой суммы приходилось строить большую кладовую и перевозить их на телеге. Благодаря такой монете в Лаконике исчезло много преступлений: кто решился бы воровать, брать взятку, отнимать деньги

другого или грабить, раз нельзя было скрыть своей добычи, которая к тому же не представляла ничего завидного и даже разбитая в куски не годилась ни на что?

Затем Ликург изгнал из Спарты все бесполезные, лишние ремесла. Впрочем, если б даже он не изгнал их, большая часть из них все равно исчезла бы сама собою вместе с введением новой монеты, так как их вещи не нашли бы себе сбыта. Ведь железные деньги не ходили в других греческих государствах; за них ничего не давали и смеялись над ними, вследствие чего на них нельзя было купить себе ни заграничных товаров, ни предметов роскоши. По той же причине чужеземные корабли перестали заходить в спартанские гавани. А чтобы совершенно изгнать роскошь из государства Ликург установил закон, согласно которому крыша в каждом доме могла быть изготовлена только одним топором, а двери – одною пилою, пользоваться другими инструментами запрещалось. Ликург понимал, что в таком доме не может жить ни изнеженный, ни привыкший к роскоши человек. Действительно, ни в ком не может быть так мало вкуса и ума, чтобы он приказал, например, внести в простую хижину кровати с серебряными ножками, пурпурные ковры, золотые кубки и другие предметы роскоши!

С утверждением этих нововведений Спарта стала разительно отличаться от других греческих государств. Если там каждый по мере возможности составлял себе состояние: один занимался земледелием, другой – был судовладельцем, третий – купцом, а некоторые кормились ремеслами, то в Лаконике Ликург запретил гражданам, заниматься чем бы то ни было связанным с наживой, но лишь тем, что обеспечивало государству свободу.

б) Учреждение общих трапез

Желая еще более стеснить роскошь и окончательно уничтожить чувство корысти, Ликург установил третье учреждение – совместные трапезы, или сисситии, – для того, чтобы граждане сходились обедать за общий стол и ели мучные или мясные кушанья, предписанные законом. Они не имели права обедать дома, развалившись на дорогих ложах за дорогими столами, они не должны были заставлять своих прекрасных поваров откармливать себя в темноте, как прожорливых животных, вредя этим и душе и телу, предаваясь всякого рода порочным наклонностям и излишествам. Уже одно это было важно, но еще важнее оказалось то, что вследствие учреждения общего стола и простой пищи, богатство оказалось ни на что не годно. Им нельзя было пользоваться, оно не могло доставить чувства радости, ведь нельзя было показать ни множество своей драгоценной посуды, ни похвастаться ею, раз бедняк шел на один обед с богачом. Точно также запрещено было являться на сиссии сытым, пообедав дома. Остальные присутствующие строго наблюдали за тем, кто не пил и не ел вместе с другими, и обзывали неженкой всякого, кому общий стол казался грубым. За трапезу всякий раз садилось человек пятнадцать, иногда больше, иногда меньше. Каждый из сисситов приносил ежемесячно установленное количество ячменя, вина, сыра, винных ягод и немного денег для покупки другой провизии.

Желавший сделаться членом какой-либо сисситии должен был подвергнуться следующему испытанию. Все сисситы брали в руку шарики из хлеба и молча кидали их в чашку, которую раб нес на голове, обходя присутствующих. Кто подавал голос за избрание, просто бросал шарик, но кто желал сказать «нет», – предварительно сильно сдавливал его в руке. Если таких находили хоть один, просившему о своем избрании отказывали в его просьбе, желая, чтобы все члены сисситии нравились друг другу.

Самым любимым кушаньем сисситов была "черная похлебка", так что старики отказывались, от мяса, отдавая свою долю молодым, а сами наливали себе свое кушанье, похлебку. Говорят, один понтийский царь купил себе даже спартанского повара исключительно для приготовления "черной похлебки", но, когда попробовал ее, рассердился. "Царь, – сказал повар, – прежде, чем есть эту похлебку, нужно выкупаться в Эвротe!" Пили сисситы немного и без огня

возвращались домой. Идти по улице с огнем им строго запрещалось, как в этом, так и в других случаях, для того, чтобы они приучились ходить ночью смело, ничего не боясь. Вот каких порядков придерживались спартанцы в своих общих трапезах!

7) Воспитание детей

Считая воспитание высшею и лучшею задачей для законодателя, Ликург приступил к осуществлению своих планов издалека и прежде всего обратил внимание на брак и рождение детей. Девушки должны были для укрепления тела бегать, бороться, бросать диск, кидать копья, чтобы их будущие дети были крепки телом в самом чреве их здоровой матери, чтобы их развитие было правильно и чтобы сами матери могли разрешаться от бремени удачно и легко. Он запретил девочкам баловать себя, сидеть дома и вести изнеженный образ жизни. Они, как и мальчики, должны были являться во время торжественных процессий без платья, плясать и петь на некоторых праздниках обнаженными в присутствии и на виду у молодых людей. Они имели право смеяться над кем угодно, ловко пользуясь его ошибкой, а с другой стороны, прославлять в песнях тех, кто того заслуживал, и возбуждать в молодежи горячее соревнование и честолюбие. Тот, кого хвалили и прославляли девушки, уходил домой в восторге от похвал, зато насмешки, хотя бы и сказанные в шутливой форме, язвили юношей так же больно, как строгий выговор, ведь на праздниках вместе с простыми гражданами присутствовали цари и старейшины.

Воспитание ребенка не зависело в Спарте от воли отца, – он приносил его в лесху, место, где старейшины осматривали младенца. Если он оказывался крепким и здоровым, его отдавали кормить отцу, выделив ему при этом один из девяти тысяч земельных участков, но слабых и уродливых сбрасывали в апотеты – пропасть возле Тайгета. В их глазах жизнь новорожденного была так же бесполезна ему самому, как и государству, если он был слаб и хил телом при самом рождении. Кормилицы ходили за детьми очень внимательно и прекрасно знали свое дело. Они не пеленали детей, давали полную свободу их членам и всему вообще телу, приучали их не есть много, не быть разборчивыми в пище, не бояться в темноте или не пугаться, оставшись одни, не капризничать и не плакать. Воспитание спартанских детей Ликург не поручал ни купленным, ни нанятым за деньги воспитателям, но только полноправным гражданам. Точно также он не позволял отцам давать сыну такое воспитание, какое они считали нужным. Все дети, которым исполнилось семь лет, собирались вместе и делились на отряды – агелы. С этого времени они жили и ели вместе, приучались играть и проводить время друг с другом. Старики смотрели за играми детей и нередко нарочно доводили до драки, ссорили их, причем прекрасно узнавали характер каждого – храбр ли он и не побежит ли с поля битвы. Чтению и письму дети учились, но по необходимости, остальное же их воспитание преследовало одну цель: беспрекословное послушание, выносливость и наука побеждать.

С летами воспитание мальчиков становилось все суровым: им наголо стригли волосы, приучали ходить босыми и играть без одежды. На тринадцатом году они снимали с себя хитон и получали на год по одному плащу. Их кожа была загорелой и грубой. Они не принимали теплых ванн и никогда не умащались; только несколько дней в году позволялась им эта роскошь. Спали они вместе по агелам на постелях, сделанных из тростника, который собирали по берегам Эврота, причем рвали его руками, без помощи ножа. Зимой клалась под низ подстилка из "ежовой ноги". Это растение примешивалось и в постели, так как считалось согревающим.

Воспитанием мальчиков руководил педоном, избираемый из числа лучших, достойнейших граждан. Впрочем, его опека никогда не бывала мелочной. Главными наставниками подрастающих спартанцев были их же старшие товарищи. Обычно во главе агелы ставили умного и смелого юношу-ирена (иренами именовались те, кто уже более года вышел из детского возраста). Этот ирен начальствовал над своими подчиненными в примерных сражениях и распо-

ряжался приготовлениями к обеду. Пища, отпускаемая подросткам, была очень скудная, для того чтобы заставить их собственными силами бороться с лишениями и сделать из них людей смелых и хитрых. Все, что они приносили к обеду, было ворованным. Одни отправлялись для этого в сады, другие прокрадывались в сисситии, стараясь высказать вполне свою хитрость и осторожность. Если представлялся случай, они крали кушанья, причем учились нападать на спавших и на плохих сторожей. Кого ловили в воровстве, того били и заставляли голодать.

После обеда ирен, не выходя из-за стола, приказывал одному из детей петь, другому задавал какой-нибудь вопрос, на который ответить можно было не сразу, например: какой человек самый лучший? Или: что следует думать о том или другом поступке? Таким образом, их с малых лет приучали отличать хорошее от дурного и судить о поведении граждан, потому что тот, кто терялся при вопросах, вроде: "Кто хороший гражданин?" или "Кто не заслуживает уважения?" – считался умственно неразвитым и неспособным совершенствоваться нравственно. В ответе должна была заключаться и причина, и доказательство, но в краткой сжатой форме. У отвечавшего невнимательно ирен кусал в наказание большой палец. Вместе с тем, мальчики приучались никогда не раскрывать рта без нужды и говорили только то, что заключало в себе мысль, заслуживающую внимания. На хоровое пение обращалось столько же внимания, как на точность и ясность речи. В самих спартанских песнях было что-то воспаляющее мужество, возбуждающее порыв к действию и призывающее на подвиги. Слова их были просты и безыскусны, но содержание серьезно и поучительно. То были большей частью хвалебные песни, прославляющие павших за Спарту, или порицавшие трусов.

Ирен часто наказывал детей в присутствии стариков и властей, чтобы они могли видеть, за дело ли и правильно ли он наказывает их. Во время наказания ему не мешали, но, когда дети расходились, с него взыскивали, если он наказал строже, чем следовало, или если, напротив, поступал чересчур мягко и снисходительно.

8) Образ жизни спартанцев

Воспитание юношей было уже не таким строгим – им позволялось ухаживать за своими волосами, украшать оружие и платье. В то же время Ликург установил, что юноши для достижения высшей степени доблести должны были состязаться в добродетели. Устраивалось это следующим образом: выбирали из людей, достигших зрелости, трех человек, которых называли гиппогретами. Каждый из них набирал себе 100 человек, разъясняя всем, по каким причинам он предпочитает одних и отвергает других. Те, кто не попали в число избранных, начинали враждовать с теми, кто их отверг, и с теми, кого выбрали вместо них. Они подстерегали друг друга, чтобы захватить соперника за совершением поступка, который считался предосудительным. Так возникало это соперничество, возбуждающее гражданские чувства в людях. Три группы соперников старались показать превосходство друг перед другом и, когда возникла необходимость, каждый всеми силами защищал государство. Им также необходимо было заботиться о поддержании своего здоровья в хорошем состоянии, ибо их соперничество приводило к тому, что где бы эти группы юношей не встретились, они вступали в кулачный бой. Однако каждый прохожий имел право разнять дерущихся. Если в этом случае кто отказывался повиноваться разнимающему, то его сурово наказывали, поскольку гнев не должен был пересиливать уважения к законам.

Одно из предоставленных Ликургом своим гражданам преимуществ, которым можно было завидовать, состояло в том, что у них было много свободного времени, – заниматься ремеслами им было строго запрещено, копить же богатство им не было никакой надобности. Землю обрабатывали им илоты, платившие определенный оброк. Простота жизни имела своим следствием беззаботность. Танцы, пиры, обеды, охота, гимнастика, разговоры в народном собрании поглощали все время спартанцев, когда они не были в походе. Если им не давали

других приказаний, они смотрели за детьми, учили их чему-либо полезному, или же сами учились от стариков. Большую часть дня спартамцам следовало проводить в гимназиях и «лесакх». Здесь они собирались для мирной беседы друг с другом. Ни о денежных, ни о торговых делах там никогда не шло речи, – главным предметом их разговора была похвала хорошему поступку и порицание – дурному; но и это было облачено в шутивную, веселую форму и, не оскорбляя никого, служило только к их исправлению.

Никто не имел права жить так, как он хотел, напротив, город походил на лагерь, где были установлены строго определенный образ жизни и занятия, которые имели в виду лишь благо всех. Ликург приучал сограждан не желать и не уметь жить отдельно от других. Они должны были, как пчелы, жить всегда вместе, собираться вокруг своего главы и вполне принадлежать отечеству, совершенно забывая о себе в минуты восторга и любви к славе.

Итогом подобного воспитания и такого образа жизни была несокрушимая мощь лакедемонского войска. Когда оно выстраивалось в боевом порядке в виду неприятеля, царь приносил в жертву козу, приказывал всем солдатам надевать венки и сам начинал военную песнь, под которую спартамцы шли в бой. Величественное и в то же время грозное зрелище представляла эта линия людей, шедших в такт под звуки флейт! Их ряды были сомкнуты; ничье сердце не билось от страха; они шли навстречу опасности под звуки песен, спокойно и весело. Ни страх, ни чрезмерная горячность не могли, конечно, иметь места при таком настроении; они были спокойны, но вместе с тем воодушевлены надеждой и мужеством, веря в помощь божества.

Одержав победу и обратив неприятеля в бегство, спартамцы преследовали его только на таком расстоянии, чтобы укрепить за собой победу, и затем немедленно возвращались. По их, мнению, было низко, не достойно грека – рубить и убивать разбитых и отступающих. Их обычай был не только благороден и великодушен, но и полезен, так как их враги, зная, что они убивают только сопротивляющихся и щадят сдающихся, считали выгоднее бежать, нежели оказывать сопротивление.

9) Другие законы Ликурга

Прекрасными во всех отношениях древние греки считали законы Ликурга относительно погребения покойников. Чтобы с корнем уничтожить суеверие, он не запрещал хоронить умерших в черте города и ставить им памятники вблизи храмов, – он желал, чтобы молодежь, имея с малых лет у себя перед глазами подобного рода картины, привыкла к ним; чтобы она не боялась смерти, не находила в ней ничего страшного, не считала бы себя оскверненной, прикоснувшись к трупу или перешагнув через могилу. Похороны устраивались самые простые. Умершего обвивали в красный плащ и клали на листья маслины. Не позволялось надписывать на могиле имя усопшего, если только он не был павшим в битве воином, или если умершая не была жрицей. Траур продолжался всего одиннадцать дней. На двенадцатый день следовало принести жертвы Деметре и перестать плакать.

Особые законы были приняты о путешествиях и иноземцах. Ликург запретил спартамцам уезжать из дому и путешествовать без определенной цели, перенимая чужие нравы и подражая образу жизни, лишенному порядка, и государственному устройству, не имевшему стройной системы. Мало того, он даже выселял иностранцев, если они приезжали в Спарту без всякой цели или жили в ней тайно.

Если в остальных государствах каждый распорядился сам своими детьми, рабами и имуществом, то Ликург, желая устроить так, чтобы граждане не вредили друг другу, а приносили пользу, предоставил каждому одинаково распорядиться как своими детьми, так и чужими: ведь если всякий будет знать, что перед ним находятся отцы тех детей, которыми он распорядится, то неизбежно он ими будет распорядиться так, как он хотел бы, чтобы относились к его соб-

ственным детям. Если мальчик, побитый кем-нибудь посторонним, жаловался отцу, считалось постыдным, если отец не побьет сына еще раз.

Ликург также дозволил в случае необходимости пользоваться чужими рабами и учредил общее пользование охотничьими собаками; поэтому не имеющие собак приглашали на охоту других, а у кого не было времени самому идти на охоту, тот охотно давал собак другим. Также пользовались и лошадьми: если кто заболел или кому необходима была повозка, или кто хотел поскорее куда-нибудь съездить, он брал первую попавшуюся лошадь и по минованию надобности ставил ее в исправности обратно. Если же люди задерживались на охоте и имели нужду в припасах, то они могли открывать запоры, брать то, что им нужно, и оставшееся снова запирали. Таким образом, благодаря тому, что спартанцы делились друг с другом, у них даже бедные люди имели долю во всех богатствах страны.

Ликург учил граждан предпочитать прекрасную смерть постыдной жизни. Поэтому в Лаконике не было большего позора, чем проявление трусости. Человека, замеченного в трусливом поступке, подвергали своего рода бойкоту: его не принимали в общие игры, отказывались с ним бороться, в хороводах его отправляли на последние места, на улице он должен был уступать дорогу, а в кругу сидящих – вставать с места даже перед младшими. Девушек-родственников ему приходилось держать дома и нести вину за то, что их не берут замуж. Приходилось мириться с тем, что очаг его оставался без жены и еще за это платить штраф. Ему нельзя было ни ходить разодетым, ни брать в чем-нибудь пример с людей безупречных, иначе лучшие могли его побить.

10) Криптии

Законы Ликурга вызывали живейший интерес и одобрение в Древней Греции. Единственное, что осуждалось всеми, были криптии, также, как говорят, введенные Ликургом. Криптии состояли в следующем. Время от времени спартанское правительство посылало нескольких молодых людей, выдававшихся своими умственными способностями, за город, без всякой цели. С ними не было ничего, кроме короткого меча и необходимых съестных припасов. Днем они скрывались, рассеявшись по тайным местам, и спали, ночью – выходили на дорогу и убивали попадавшихся им в руки илотов. Часто они бегали по полям и умерщвляли самых сильных и здоровых из них. Древнегреческий философ Аристотель говорит даже, что время от времени спартанцы объявляли илотам войну, чтобы иметь возможность убивать их, не делаясь преступниками. Спартанцы вообще обращались с илотами сурово и жестоко. Между прочим, они заставляли их напиваться допьяна чистым вином и затем приводили к сисситам, чтобы показать молодежи, до чего может довести пьянство. Иногда им приказывали петь неприличные песни и исполнять, непристойные, безнравственные танцы. Тот, кто говорил, что в Спарте свободные пользовались высшей мерой свободы, а рабы были рабами в полном смысле этого слова, хорошо понимали разницу между ними. Впрочем, илоты, по свидетельству древних историков, платили своим господам той же монетой и «жили, подстерегая беды спартиатов».

11) Кончина Ликурга

Когда важнейшие из законов Ликурга успели войти в жизнь сограждан, он захотел насколько возможно сделать их бессмертными и незыблемыми в будущем. С этой целью Ликург созвал всех граждан в народное собрание и сказал, что данное им государственное устройство во всех отношениях приведено в порядок и может служить к счастью и славе их города, но что самое важное, самое главное он может открыть им только тогда, когда вопросят оракул. Все согласилось и просили его ехать. Взяв клятву с царей и старейшин, а затем и со всех граждан в том, что они будут твердо держаться существующего правления, пока он

не вернется, Ликург уехал в Дельфы. Войдя в храм и принеся богу жертвы, он спросил его, хороши ли его законы и в достаточной ли мере они служат к счастью и нравственному совершенствованию его сограждан. Пифия отвечала, что его законы прекрасны и что государство его будет находиться на вершине славы, пока останется верным данному им государственному устройству. Ликург записал этот оракул и послал его в Спарту, а сам принес богу вторичные жертвы, простился со своими друзьями и сыном и решил добровольно умереть, чтобы не освобождать сограждан от данной ими клятвы. Он уморил себя голодом в том убеждении, что и смерть общественного деятеля должна быть полезна государству.

Цари Спарты после Ликурга. Феопомп

1) Род Агидов

7/6. АРХЕЛАЙ (886–826 гг. до Р.Х.) Сын Агесилая I. При нем лакедемоняне подчинили себе силой оружия один из соседних городов, Эгин, и обратили его жителей в рабство, подозревая, что эгиняне сочувствуют аркадянам.

8/7. ТЕЛЕКЛ (826–786 гг. до Р.Х.). При нем лакедемоняне взяли три соседних города Амиклы, Фарис и Геранфра, принадлежавшие тогда еще ахейцам. Из них жители Фариса и Геранфра, испугавшись нашествия дорийцев, согласились уйти из Пелопоннеса на определенных условиях. Амиклейцев же они не смогли изгнать так легко, потому что те оказали им упорное сопротивление. Вскоре после этой победы Телекл погиб от руки мессенцев в храме Артемиды. (Павсаний: 3;2).

9/8. АЛКАМЕН (786–748 гг. до Р.Х.). При нем лакедемоняне разрушили приморский город Гелос – им владели ахейцы – и победили в бою аргосцев, помогавших жителям Гелоса. (Павсаний: 3; 2; 3–7).

2) Род Эврипонтидов

7/6. ХАРИЛАЙ (864–804 гг. до Р.Х.). Сын Полидекта, племянник и воспитанник законодателя Ликурга. После отъезда Ликурга и его смерти Харилай подверг опустошению Арголиду, а затем, несколько лет спустя, под его началом состоялось вторжение спартанцев в область Тегеи. (Павсаний: 3;7).

8/7. НИКАНДР (804–766 гг. до Р.Х.). Воевал с Аргосом, как и его отец, и причинил аргосцам большие опустошения. (Павсаний:3;7).

9/8. ФЕОПОМП (766–719 гг. до Р.Х.). Сделал существенное добавление к государственному устройству лакедемонян, которое после Ликурга превратилось в чистой воды олигархию. Ведь народ в то время был фактически отстранен от власти герусией и царями. Заметив, что многим это не нравится, Феопомп около 755 г. до Р.Х. учредил новый государственный орган – коллегия из пяти эфоров. Эфоры пользовались огромной властью: они председательствовали в народном собрании, ведали внешней политикой, имели право подвергать наказанию любого лакедемонянина (включая сюда даже царей!), могли отрешать от должности, привлекать к суду или сажать в тюрьму всех без исключения должностных лиц. Таким образом, эфоры ведали у спартанцев важнейшими отраслями управления, а избирались они из среды всего гражданского населения, так что в состав правительства зачастую попадали люди совсем бедные. (По свидетельству Диогена Лаэртского, эфоры далеко не сразу приобрели свои обширные полномочия; произошло это только при эфоре Хилоне в 556 г. до Р.Х., когда председательство в народном собрании и герусии перешло от царей к эфорам).

Новый правительственный орган, пишет Плутарх, придал государственному строю лакедемонян окончательную устойчивость. Получив доступ к высшей власти, народ с тех пор никогда не восставал против знати, и все части, составляющие государство, находили желательным сохранение существующего порядка. Цари желали этого благодаря оказываемому им почету, люди высокого общества – благодаря герусии (избрание на эту должность являлось как бы наградой за добродетель), народ – благодаря эфории и тому, что она пополнялась из всех. Говорят, жена Феопомпа упрекала его за то, что, он передает своим детям меньшую власть, чем он получил сам. "Да, меньшую, – отвечал царь, – зато более прочную!" Действительно, потеряв то, что для них было лишним, спартанские цари избегли зависти, грозившей им большой бедой. Им не пришлось испытать того, что выпало на долю других потомков Геракла – царей мессенских и аргосских, упорно не желавших поступаться чем-либо из своих прав в пользу демократии. И хотя мессенцам и аргосцам достались сначала даже лучшие земли в сравнении со спартанцами, их счастье продолжалось недолго. Своеволие царей и неповиновение народа положили конец существовавшему порядку вещей и привели к падению монархии. Между тем в Лаконике царская власть сохранялась вплоть до начала II в. до Р.Х. На царствование Феопомпа пришлась также и Первая Мессенская война. Она окончилась падением Итомы и покорением Мессении. В последние годы царствования Феопомпа у лакедемонян начался спор с аргосцами из-за Фиреатидской равнины. Феопомп, пишет Павсаний, не принимал участия в этом деле вследствие горя, поскольку как раз умер его сын Архидам. После Феопомпа царствовал его внук Завксидам.

Цари Мессении до Эвфая

1. КРЕСФОНТ (втор. пол. XI в. до Р.Х.). После дорийского завоевания Пелопоннеса Мессения по жребию досталась Кресфонту, сыну Аристомазха. По свидетельству Эфора, он разделил ее на пять областей, а Стениклар, расположенный в центре всей страны, сделал своей столицей. В остальные полисы – Пилос, Рион, Месопу и Гиамитис – Кресфонт послал царей, уравнивая всех мессенцев в правах с дорийцами. Но так как эти меры вызвали недовольство завоевателей, Кресфонт вскоре отменил свое решение, объявив городом только один Стениклар и собрав туда всех дорийцев. (Страбон:8;4;5).

Кресфонт был женат на Меропе, дочери Кипсела, царствовавшего тогда в Аркадии, от которой он имел нескольких детей. Самым младшим из них был Эпит. Так как в общем правление Кресфонта было направлено в пользу простого народа, то люди, обладавшие богатствами, восстали против него и убили самого Кресфонта и всех его сыновей. В живых остался только Эпит. (Павсаний: 4;3;3–4).

2/1. ЭПИТ (втор. пол. XI в. до Р.Х.). Эпит остался в живых из всего дома, так как он, будучи еще ребенком, воспитывался у деда Кипсела в Аркадии. Когда он возмужал, аркадяне помогли ему вернуться в Мессению. В этом возвращении ему помогли также остальные цари дорийцев. Эпит отомстил, прежде всего, убийцам своего отца, отомстил затем соучастникам этого убийства. Привлекая на свою сторону знатнейших из мессенян обходительностью, а тех, которые были из народа, подарками, он заслужил такое уважение, что потомки его стали называться Эпитидами вместо Гераклидов.

3/2. ГЛАВК (X в. до Р. Х.). Главк старался править страной во всем подражая отцу. Благочестием же он намного его превзошел. (Павсаний: 4;3;3–5).

4/3. ИСТМИЙ (X в. до Р.Х.).

5/4. ДОТАД (IX в. до Р.Х.).

6/5. СИБОТА (IX в. до Р.Х.).

7/6. ФИНТ (IX в. до Р.Х.). Согласно Павсанию, в царствование Финты впервые произошло столкновение между мессенцами и лакедемонянами. Лакедемонские юноши вместе с их

царем Телеклом хотели убить Финта в храме Артемиды Лимнатида. Но мессенцы, защищаясь, убили их всех и самого Телекла. (Павсаний:4;4;1–4).

8/7. АНТИОХ (VIII в. до Р.Х.). В правление Антиоха и его брата Андроклея взаимная ненависть лакедемонян и мессенян достигла высшей точки. Поводом к войне послужил следующий случай: спартанец Эвафн ограбил мессенянина Полихара и убил его сына. Полихар пытался найти на него управу у лаконских властей, но, не получив удовлетворения, сделался кровавым разбойником и убивал всех лакедемонян, которые только попадались ему в руки. Тогда лакедемоняне послали в Мессению посольство, требуя его выдачи. Мессенские цари ответили послам, что, посоветовавшись с народом, сообщат в Спарту принятое решение. Когда послы ушли, они собрали народное собрание граждан. Мнения резко разделились. Мнение Андрокла было выдать Полихара, как совершившего поступки безбожные и исключительно ужасные. Антиох во всем ему возражал. В конце концов сторонники Андрокла и Антиоха так разгорячились, что взялись за оружие. Битва продолжалась недолго: сторонники Антиоха по численности намного превосходили своих противников. Они убили Андрокла и наиболее авторитетных из лиц, окружавших его. Антиох, оставшись один царем, послал в Спарту ответ, что он предлагает передать дело или третейскому суду или собранию амфиктионов. Лакедемоняне не приняли этого предложения и стали готовиться к войне. Но Антиоху не пришлось увидеть ее начала, поскольку шесть месяцев спустя он умер. (Павсаний: 4;4–5).

Первая Мессенская война

1) Начало войны

После смерти мессенского царя Антиоха власть принял его сын Эвфай. Лакедемоняне не послали вестника, чтобы объявить мессенянам войну, не объявили они также о прекращении между ними дружбы, но, подготовившись к нападению, тайно и насколько возможно незаметно, в недоступных местах, дали клятву, что ни длительность войны, ни ее бедствия не заставят их отказаться от предприятия прежде, чем они не овладеют всей Мессенией. После этого они ночью напали на Амфею – небольшой городок в Мессении у границы с Лаконикой. Так как ворота были открыты и никакой стражи не оказалось, то лакедемоняне легко захватили город. Из мессенян, попавших им в руки, они одних убили еще в постелях, а других, успевших укрыться в храмах богов, перерезали прямо у алтарей. Лишь немногие жители успели бежать прочь. Таков был первый поход лакедемонян против мессенян во втором году девятой Олимпиады (в 743 г. до Р.Х.).

В следующие годы военные действия протекали достаточно вяло. Лакедемоняне делали набеги на Мессению, но страны не опустошали, поскольку считали ее уже своей собственностью, не рубили деревья и не разрушали зданий, но если им попадалась добыча, они ее угоняли, отбирали хлеб и другие сельскохозяйственные плоды. Делая же нападения на города, они не могли взять ни одного, так как те были укреплены стенами и старательно охранялись. Со своей стороны мессеняне опустошали прибрежные местности Лаконики и те поля, которые были по Тайгету.

На четвертый год после взятия Амфеи (в 739 г. до Р.Х.) Эвфай объявил поход и приказал следовать за войском рабам с кольями и всем необходимым для постройки укреплений. Лакедемоняне, узнав об этом, выступили им навстречу. Оба войска сошлись в местности, которую пересекал глубокий овраг. Он не позволил вступить в бой тяжеловооруженной пехоте. Легковооруженные, переходя через овраг, то и дело завязывали схватки друг с другом, но так как они не отличались опытностью, то сражение для них оказалось нерешенным. Ночью Эвфай приказал обнести лагерь кольями. Лакедемоняне, увидев это, утром отступили, поскольку для них не

было никакой возможности сразиться с мессенянами, пока те не выйдут из своего укрепления. А от осады они отказались, так как были совершенно к ней не готовы.

На следующий год (в 738 г. до Р.Х.) лакедемоняне вторично пошли походом на мессенян. Во главе войска стояли оба царя: Феопомп, сын Никандра и Полидор, сын Алкамена (самого Алкамена уже не было в живых). Двинулись против них и мессеняне; и когда спартанцы попытались завязать сражение, мессеняне в свою очередь стали наступать на них. Они вели себя отважно, как люди готовые к смертельной схватке. Некоторые из них, выбегая вперед из рядов, показывали блестящие примеры смелости, другие, смертельно раненные, и находясь почти при последнем издыхании, сохраняли не сломленной свою доблесть и отвагу. Наконец отряд, окружавший Эвфая, – а он, составлял свиту царя и весь состоял из отборных воинов – всей силой своей отчаянной храбрости, почти граничившей с безумием, одолел противников и оттеснил самого Феопомпа. Но другое крыло мессенян попало в тяжелое положение. Их предводитель Пифарат был убит, и без начальника ряды вскоре расстроились. Наступившая ночь положила конец сражению, гораздо более ожесточенному, чем первое, но окончившемуся столь же безрезультатно. На следующий день ни те ни другие не решились возобновить битву и заключили соглашение о перемирии.

2) Жертва Аристодема

После этого сражения положение мессенян стало делаться все хуже и хуже: они были истощены денежными расходами и, кроме того, на страну обрушилась болезнь. Обсудив положение, они решили покинуть города внутри страны и поселиться на вершине Ифомы. Недоступное по своей природе место они укрепили еще и искусственно, сделав его совершенно неприступным.

Мессеняне решили также получить совет от бога и отправить в Дельфы священного посла. Вернувшись из Дельф, он сообщил Эвфая оракул пифии:

«Взявши деву чистую Эпита крови —
Жребии вам ее укажет, – в жертву ночью
Демонам ее подземным принесите.
Если ж жертва не свершится, кто другой пусть
Даст для жертвы добровольно дочь свою вам».

Согласно божьему указанию, все девушки, принадлежавшие к роду Эпитидов, были призваны для того чтобы тянуть жребий. Он достался дочери Ликиска, но Эпобол, истолкователь божьих вещаний, отвел его, так как избранница считалась приемной дочерью. Тогда перед согражданами выступил другой представитель царского рода – Аристодем, человек известный и знаменитый своей доблестью. Он сказал, что готов добровольно принести в жертву свою дочь и таким образом спасти Мессению. Однако и на этот раз возникли препятствия. Один из мессенян был влюблен в дочь Аристодема и уже собирался тогда взять ее в жены. Что бы спасти невесту он стал во всеуслышание говорить, что она ожидает от него ребенка. Потрясенный Аристодем в гневе убил свою дочь, – затем вскрыл ей чрево и тут только узнал, что она не имеет плода. Мессеняне устремились на жениха девушки, желая покарать его смертью, но Эвфай убедил сограждан не делать этого. Раз девушка умерла, говорил он, этим исполнено божье слово, и то, что совершил Аристодем, для них совершенно достаточно. Мессеняне сочли речь царя убедительной и закрыли собрание.

3) Царствование Аристодема

Через пять лет (в 733 г. до Р.Х.), собравшись с силами, лакедемоняне выступили против Ифомы. Однако, как и все предыдущие, это сражение закончилось безрезультатно. Оба войска с необыкновенным пылом сражались друг против друга целый день, но так и не смогли сокрушить противника. Только Эвфай проявил больше смелости, чем это требовалось от царя. В безумной отваге он бросился на окружение Феопомпа, получил много смертельных ран и упал, теряя сознание. Спустя несколько дней он умер.

Так как у Эвфая не было детей, то выбрать наследника своей власти он предоставил народу. Претендентами на царство выступили знатные Эпитиды: Аристодем, Клеонис и Дамис, но избран и объявлен царем был Аристодем. Заняв престол, он, с одной стороны, неизменно старался во всем, что было разумно, делать приятное народу; но, с другой, не забывал и о знати, оказывая особенный почет своим прежним соперникам – Клеонису и Дамису.

На пятом году царствования Аристодема (в 728 г. до Р.Х.) обе стороны, истощенные длительностью войны и расходами, пришли к мысли окончить дело решительной битвой, заранее оповестив о ней противника. Лакедемоняне построились такой глубокой и плотной фалангой, как никогда раньше. Аристодем, напротив, вытянул фалангу как можно шире, чтобы не быть обойденным врагами. В тылу его боевой строй опирался на Ифому. Большую часть мессенского войска составляли легковооруженные отряды, а у лакедемонян было много тяжеловооруженных гоплитов. Стараясь свести на нет это преимущество Аристодем решил прибегнуть к хитрости и укрыл значительную часть своих воинов в засаде.

Когда началась битва, тяжеловооруженные из мессенян и союзников выдержали первый натиск лакедемонян и в дальнейшем с успехом отражали их атаки. Казалось, битва опять будет затяжной и безрезультатной, но тут легковооруженные мессеняне, скрывавшиеся до поры в лесу, бегом бросились на врагов и, обойдя фалангу, стали поражать ее с фланга. Лакедемоняне попытались отбить это внезапное нападение, но только расстроили свои ряды. Мессенские гоплиты вклинились в их строй и довершили разгром.

Впрочем, не смотря на это поражение, лакедемоняне продолжали осаждать Ифому, а положение мессенян из-за недостатка продовольствия делалось все хуже. Печальясь о будущем, они несколько раз посылали в Дельфы вопрошать оракул. Однако изречения пифии оставались туманными и неясными. В первый раз она предрекла удачный исход войны, но лишь в том случае, если мессеняне не допустят спартанского коварства в святилище Зевса Ифомского. Если же это произойдет, провозгласила она, то знамением близкого конца для защитников Ифомы будет то, что «измененная природа станет в образе прежнем». Не уразумев значения оракула, мессеняне снарядили новое посольство. На этот раз пифия прямо объявила, что победителем в войне будет та сторона, которая первая поставит в храме Зевса пятьдесят треножников. Аристодем приказал немедленно приступить к их изготовлению. Но пока мастера трудились, исполняя заказ, весть об оракуле дошла до лакедемонян. Один из них быстро слепил из глины сотню небольших треножников, тайком пробрался на Ифому и ночью посвятил их Зевсу.

Известие об этом сильно смутило Аристодема. В то же время пришла и другая новость: мессенский прорицатель Офионей, бывший от рождения слепым, вдруг прозрел, а потом, спустя какое-то время, вновь лишился зрения. Аристодем понял, что заключительная фраза оракула, относившаяся к «измененной природе», которая примет «прежний образ», имела в виду именно это событие. Царь догадался: неизбежное поражение мессенян не за горами. Но главное, его потрясла мысль, что он напрасно убил свое дитя – никакой пользы родине этот поступок не принес. Мучимый раскаянием, Аристодем отправился на могилу дочери и покончил с собой. Его царствование продолжалось шесть лет, а из седьмого года лишь несколько месяцев.

Мессенян настолько поразила смерть Аристодема, что они в отчаянье готовы были послать к лакедемонянам посольство с изъявлением покорности, и только многолетняя упорная ненависть не допустила их этого сделать. Однако продолжать войну далее было бессмысленно, и в первом году 14 Олимпиады (в 724 г. до Р.Х.) мессеняне оставили Ифому. Многие после этого покинули родину, переселившись в соседние области, а те, кому некуда было идти, расселились по своим прежним городам.

Лакедемоняне прежде всего разрушили до основания укрепление на Ифоме, а затем стали брать один за другим остальные города. В конце концов все мессеняне признали верховную власть Спарты и обещали доставлять победителям половину собираемого ими урожая. На тех, кто нарушал это постановление, налагалась пеня.

Парфении. Основание Тарента

Самой знаменитой колонией лакедемонян был Тарент в Южной Италии. Об обстоятельствах его основания рассказывают следующие. В начале первой Мессенской войны спартанцы принесли клятву не возвращаться домой и не общаться со своими женами до тех пор, пока не овладеют Мессенией или все не падут в бою. Никто не думал тогда, что война окажется такой продолжительной!

Впоследствии, на десятом году войны, лакедемонские женщины, уставшие от одиночества, послали нескольких из своей среды к мужьям, что бы выразить им свое недовольство. Они заявили, что спартанцы воюют с врагом не на равных условиях: ведь мессеняне, оставаясь на своей земле, живут с семьями, тогда как их мужья, поселившись у стен вражеской крепости, оставили своих жен на положении вдов. А раз у спартанских женщин больше не рождаются дети, отечество вскоре останется без мужчин!

Лакедемоняне приняли к сердцу доводы женщин, но все равно не могли отказаться от своего обещания. Посоветавшись, они велели возвратиться в Лаконику тем молодым воинам, которые в начале войны были еще детьми и не участвовали в общей клятве. Все они должны были вступить в брак, с тем, чтобы родить как можно больше детей. Это постановление было в точности исполнено. Появившиеся таким образом на свет дети получили имя парфениев.

Когда через десять лет Мессения была покорена, лакедемоняне разделили ее между собой, но по возвращении домой не дали парфениям одинаковых с остальными гражданских прав. Тогда парфении объединились с илотами и составили заговор. Сигналом к восстанию должна была стать поднятая на рыночной площади лаконская шапка. Мятеж не состоялся, из-за того, что некоторые илоты выдали планы заговорщиков. Но лакедемоняне все равно пребывали в большом затруднении. Ведь парфениев было много и все они отличались единодушием! Борьба с ними не могла быть простой. Чтобы избежать кровопролития, спартанцы вступили с заговорщиками в переговоры и предложили им удалиться в Италию. Парфении согласились. Они выселились из Лаконики и основали в 706 г. до Р.Х. Тарент.

В дальнейшем этот город, благодаря обширной и разносторонней торговле, стал одним из самых богатых и процветающих центров Великой Греции. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что по всему южному побережью Италии Тарент был единственной значительной гаванью; все сношения из Сицилии и Греции с городами и племенами по адриатическому поморью сосредоточились в Таренте; тарентские корабли ходили в Истрию и Африку, к богатым портовым городам Иллирии, в Ахаю, Кирену, Малую Азию.

Но город обогащался не только выгодною транзитною торговлею. Изобилующие пшеницею поля его, плантации, рыболовство доставляли предметы для обильного вывоза; соль его была превосходного качества и в значительном количестве сбывалась в крае. Важнее всего однако были тарентийские мастерские шерстяных изделий, которые изготовлялись с величайшим тщанием и искусством. В принадлежавшей городу области содержались несметные стада

овец. Благодаря заботам о выкормке и содержании, об улучшении породы и об отличной промывке, тарентинцы добывали товар, который в древности славился под именем греческой шерсти. Тарентинские ткани также отличались чрезвычайной красотой, а тамошнее красильное искусство уступало только сирийскому.

Первоначально (вплоть до 500 г. до Р.Х.) Тарент управлялся царями. Потом здесь установилась демократия. При демократическом образе правления тарентийцы приобрели чрезвычайное могущество, потому что владели самым большим флотом и выставляли войско в 30000 пехотинцев и 3000 всадников. Вследствие процветания города, роскошь настолько усилилась, что общественных праздников у горожан было больше, чем рабочих дней в году. Так что тарентийцы не без основания говорили о себе: «Мы одни живем по-настоящему, а все остальные лишь учатся».

Вторая Мессенская война

1) Аристомен. Начало новой войны

Через несколько десятилетий после своего поражения, мессеняне стали замышлять восстание. К этому особенно стремилась молодежь, еще не испытавшая ужасов войны, благородная в своих помыслах и предпочитавшая скорее умереть в свободной стране, чем терпеть рабское благополучие. Такая молодежь росла во многих местах Мессении, но лучшая и наиболее многочисленная была в Андании, а среди нее выделялся Аристомен, сын Никомеда, из рода Эпитидов. Будучи в цвете сил и отваги, он более других возбуждал сограждан к борьбе.

Когда все было готово для войны, мессеняне дружно взяли за оружие. Случилось это на 39 году после взятия Ифомы, в четвертый год 23 Олимпиады (в 685 г. до Р.Х.). В Спарте тогда царствовали Анаксандр, сын Эврикрата, и Анаксидам, сын Зевксидама. Вскоре произошло сражение при Дерах. Исход его остался нерешенным, но Аристомен явил такие подвиги, что мессеняне после битвы хотели провозгласить его царем. Сын Никомеда отказался от этой чести. Тогда сограждане избрали его полномочным предводителем войска.

Спустя год (в 684 г. до Р.Х.) противники вступили в новую битву в местности неподалеку от Стениклера, носившей название «Могила кабана». Она была такой же упорной, как первая. Около Аристомена сражался отборный отряд мессенских юношей, численностью в восемьдесят человек. Каждый из них считал для себя великой честью, что он удостоился права биться вместе с Аристоменом. Этим восьмидесяти пришлось принять на себя первый удар, так как они стояли против Анаксандра и лучших из лакедемонян. После упорного сражения те были опрокинуты. Победив царский отряд, Аристомен устремился туда, где враги оборонялись особенно упорно. Затем он направил свой удар в другое место и таким образом постепенно разбил и рассеял весь строй лакедемонян.

2) Поэт Тиртей

Когда началась вторая Мессенская война, лакедемонянам было прорицание из Дельф: призвать к себе как помощника и советника намеренного богом афинского мужа. Они тотчас отправили к афинянам посольство, чтобы сообщить о вещании бога. Лакедемоняне просили дать им человека, который мог посоветовать, как нужно поступать в сложившихся обстоятельствах. Ожидалось, что в Спарту из Афин прибудет известный мудрец или опытный стратег. Однако афиняне повели себя иначе. Они ведь совсем не сочувствовали лакедемонянам и не хотели, чтобы те без больших трудов и опасностей овладели лучшей частью Пелопоннеса! Впрочем, отказать в просьбе прямо не представлялось возможным, поскольку повеление исхо-

дило непосредственно от бога. Тогда афиняне поступили следующим образом: они нашли в своем городе самого никчемного по их мнению человека – некоего Тиртея, зарабатывавшего на жизнь уроками грамматики, и к тому же хромого на одну ногу. Его-то, словно насмехаясь над лакедемонянами, они и отправили в Спарту!

Но, спустя короткое время, открылось, что лакедемоняне обрели в лице Тиртея именно то, в чем больше всего нуждались. Прибыв в Лаконику, он сначала только знатным, а затем и всем, кого мог собрать, стал петь свои элегии и свои анапесты – походные песни. И эти стихи наполняли воинов таким воодушевлением, что они не щадили в битвах собственной жизни. Никто не умел лучше Тиртея воспевать славу бранных подвигов и никто не мог с таким искусством спланивать граждан в едином порыве к победе. Сколько раз в этой непростой войне бодрое слово Тиртея возвращало лакедемонянам их утраченное мужество!

Потерпев поражение у «Могила кабана» спартанцы упали духом и совсем уже было собрались прекратить борьбу, но Тиртей своими призывными песнями изменил ход их мыслей. Война возобновилась с новой силой и шла еще много лет. Позже, когда в Спарте возник недостаток в хлебе, здесь вновь поднялось возмущение. Те из лакедемонян, кто имел свои поместья в Мессении, горевали, что лишились всего имущества и требовали передела земли в Лаконике. Успокоить распри удалось только Тиртею, который горячо призвал сограждан забыть о внутренних раздорах и сплотиться для борьбы с общим врагом. Да и как можно было думать о своих пожитках, услышав слова, вроде следующих:

Ногу приставив к ноге и щит свой о щит опирая,
Грозный султан – о султан, шлем о товарища шлем,
Плотно сомкнувши грудь с грудью, пусть каждый дерется с
врагами,
Стиснув рукою копьё или меча рукоять!

Не смотря на все невзгоды, лакедемоняне продолжали сражаться с врагом, и вскоре их положение стало поправляться.

3) Битва у «Большого рва»

На третьем году войны (в 682 г. до Р.Х.) противники встретились у так называемого "Большого рва". На помощь мессенянам прибыли вспомогательные отряды из многих аркадских городов, так что битва обещала быть очень упорной. В этих обстоятельствах лакедемоняне вступили в тайный сговор с аркадским царем Аристократом и подкупили его большой суммой денег. Когда началось сражение, и внимание мессенян было обращено на вражеский фронт, Аристократ вдруг стал отступать, обнажив левое крыло и фронт своих союзников. Чтобы еще больше усилить неразбериху, он велел своим воинам отходить через боевые порядки мессенян. От этого их ряды пришли в такое замешательство, что весь строй расстроился. Тем временем лакедемоняне стремительно ударили на врага и атаковали его со всех сторон. Аристомен и окружающие его оставались на месте и старались сдержать наступление, но их было мало и заметной пользы их мужество не принесло. Мессенцы понесли столь тяжелое поражение, что не имели даже надежды на спасение. Погибло множество простых ратников и знатнейших лиц.

После этой битвы Аристомен был вынужден оставить Анданию, а также большинство других городов, находящихся в середине области, и укрепиться на горе Гире. Лакедемоняне осадили ее и уже предвкушали скорую победу. Однако у мессенян, даже после их поражения у «Рва», хватило сил еще на одиннадцать лет борьбы.

4) Подвиги Аристомена

Когда мессеняне поселились на Гире, им пришлось оставить помыслы о правильных сражениях и сосредоточиться на партизанской войне. Тогда они стали делать дерзкие набеги и грабить как Лаконику, так и свою собственную страну (ведь она больше им не принадлежала). Многие лица собирали отряды и действовали на свой страх и риск, кто как мог. Аристомен в этих предприятиях превосходил дерзостью всех остальных. Раз поздним вечером он вышел со своим отрядом в поход и успел появиться перед восходом солнца в лаконских в Амиклах. Он взял этот городок, разграбил его и ушел прежде, чем из Спарты подоспела помощь.

Аристомен делал набеги и позднее, пока однажды не наткнулся на отряд лакедемонян, вдвое сильнейший, чем его собственный, и находившийся к тому же под предводительством обоих царей. Отбиваясь, он получил много ран и с остатками своих людей оказался в плену. Всех попавших в их руки врагов лакедемоняне кинули в Кеаду – пропасть, куда они обычно сбрасывали своих преступников. Товарищи Аристомена разбились, но сам он сумел каким-то чудом уцелеть и через четыре дня после казни выбрался из пропасти живым. (Ему удалось поймать лисицу, обгрызавшую трупы, а потом, следуя за ней, отыскать едва заметную тропу и взобраться на крутую стену).

В другой раз, понадеявшись на перемирие, Аристомен ушел далеко от Гиры и попал в плен к критским наемникам. Критяне, связав Аристомена, поволокли его в Спарту, а когда пришла ночь, остановились в доме одной мессенской вдовы. Ее дочь узнала Аристомена и постаралась напоить критяна. Едва те уснули, она разрешила пленнику веревки. Аристомен схватил меч и перебил всех критяна. Эту девушку позже взял себе в жены Горг, сын Аристомена.

5) Падение Гиры

Но даже доблесть Аристомена не могла избавить Мессению от предназначенной ей печальной участи. На одиннадцатый год осады твердыня Гиры пала. Вот как это случилось. Неподалеку от этого города поселился бывший спартанский раб, бежавший из Лаконики вместе со стадом своего господина. Здесь он близко сошелся с женой одного мессенянина, жившего вне стен. Всякий раз, когда тот нес дозор в крепости, раб являлся в гости к его жене. Как-то ночью разразилось сильное ненастье: дождь лил как из ведра и совершенно заливал часовых. Решив, что в такую бурную непогоду лакедемоняне не двинутся на них, все дозорные разошлись по домам, равно как и муж той, которая имела дружбу с пастухом. Заметив возвращающегося супруга, она тотчас спрятала своего друга (ей совсем не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал об их близких отношениях) и стала расспрашивать мужа, по какой причине он пришел. Тот, не подозревая, что в доме есть посторонний, простодушно поведал ей всю правду, а раб побежал к лакедемонянам и сообщил им о случившемся.

Спартанцы немедленно выступили в поход. Оказавшись под стенами Гиры, они приставили лестницы и быстро взобрались на них. Часовых не было и о грозящем несчастье осажденным дали знать собаки. Поняв, что им предстоит последняя, отчаянная схватка, те схватили оружие и бросались на защиту родного города. Впрочем, в течении ночи не произошло ничего важного ни с той, ни с другой стороны: лакедемоняне медлили потому, что не знали местности, мессеняне же не успели принять общего решения. Кроме того стояла кромешная тьма, а факелы тушились дождем.

Но едва наступил день, мессеняне, воодушевленные Аристоменом, устремились на врагов. Вместе с мужчинами взялись за оружие и женщины, предпочитая умереть вместе с ними за родину, чем быть отведенными рабынями в Лакедемон. Сражение завязалась в разных частях города и продолжалось непрерывно трое суток, днем и ночью. Лакедемоняне отдыхали и сра-

жались попеременно, но мессеняне были вконец измучены бессонницей, дождем и холодом. На четвертый день прорицатель Феокл, подойдя к Аристомену, сказал ему: «Зачем напрасно несешь ты этот труд? Ведь все равно Мессении суждено погибнуть. Ее злая судьба уже перед нашими глазами». Аристомену, как это не печально, пришлось признать справедливость его слов. Созвав мессенян, он быстро вышел вперед и движением копья показал спартамцам, что просит свободного выхода. Лакедемоняне расступились и позволили им покинуть крепость.

Таким образом, в первом году 28 Олимпиады (в 668 г. до Р.Х.) Гира пала, и вторая Мессенская война подошла к концу.

6) Разоблачение Аристократа

Аркадяне, узнав о захвате Гиры, постарались по возможности смягчить мессенянам горечь их поражения. Было объявлено, что все желающие переселиться в Аркадию, встретят здесь самый радушный прием. Навстречу отступавшим, к горе Ликей, отправили одежды и хлеб. Важнейшие лица государства встретили здесь мессенян и обратились к ним со словами утешения. Беженцы нашли в аркадских городах кров и все необходимое для сносного существования; многим из них даже выделили землю.

Но далеко не все мессеняне готовы были мириться с утратой родины. Многие, и прежде других Аристомен, мечтали о продолжении борьбы. Выбрав из всей массы мессенян пятьсот человек, о которых он знал, что они больше других готовы жертвовать собою, Аристомен в присутствии аркадян и Аристократа спросил их: хотят ли они вместе с ним отомстить врагу, даже если при этом придется умереть? Когда все ответили утвердительно, он открыл им свой план, объявив, что хочет пойти на рискованное дело – следующим вечером двинуться против Спарты. Ведь большинство лакедемонян в это время ушло в Гиру, а другие бродили по Мессении, расхищая и растаскивая имущество побежденных. "Если мы сможем взять Спарту, – говорил Аристомен, – и завладеть их достоянием, то нам можно потом, отдав лакедемонянам их собственность, получить то, что принадлежало нам, а если это нам не удастся, мы умрем, но совершим деяние, достойное памяти будущих веков". Идея эта пришлась по вкусу мессенянам, однако поход задержался из-за неблагоприятных жертв.

Между тем один из царских рабов тотчас отправился в Спарту с письмом, в котором Аристократ сообщил лакедемонянам о готовившимся против них нападении. Но когда раб возвращался обратно, его подстерегли несколько аркадян, бывших во вражде с Аристократом и сильно подозревавших его в измене. Захватив раба, они привели его на собрание аркадян и показали народу ответное письмо из Лакедемона. Царь Анаксандр сообщал в нем Аристократу, что как прежде его бегство от "Великого рва" не осталось без награды со стороны спартамцев, так и теперь они отблагодарят его за ценное сообщение. Убедившись в предательстве царя, аркадяне принялись бросать в него камни. А когда он умер, труп его был выброшен без погребения за пределы страны. Многие мессеняне также участвовали в этой расправе. Только Аристомен не бросил ни одного камня: он стоял неподалеку и, опустив глаза в землю, плакал.

7) Дальнейшая судьба мессенян

Жители приморских мессенских городов Пилоса и Морфоны отплыли на кораблях в элейскую гавань Киллену. Оттуда они разослали приглашения всем мессенянам, собравшимся в Аркадии, отправиться вместе с ними общим походом на поиски страны, где бы они могли поселиться. Аристомену они предлагали стать вождем всего предприятия. Однако тот отказался и дал им в предводители Горга с Мантиклом.

С наступлением весны мессеняне, собравшиеся в Киллене, стали решать, куда им сподручней отправиться. Мнение Горга было захватить Закинф за Кефаллинией и, став островитя-

нами, нападать оттуда на прибрежные области Лаконики. Однако верх взяло другое предложение – предать забвению как саму Мессению, так и старую ненависть к лакедемонянам, и плыть в Сицилию, с тем, чтобы начать здесь новую жизнь.

Аристомен, отказавшись быть вождем отъезжавших в колонию, отправился вместе с дочерью на Родос. Там он выдал ее замуж за царя Дамагета и вскоре после этого умер.

Что до лакедемонян, то, завладев Мессенией, они разделили между собой всю плодородную землю. Тех из мессенян, которые не захотели оставить родину, они насильно зачислили в илоты (так спартанцы называли своих государственных рабов). Впрочем, таковых оказалось не очень много, ведь вследствие оттока населения Мессения сильно обезлюдела. В дальнейшем многие ее области, в особенности прибрежные, оставались практически незаселенными.

Цари Спарты после Феопомпа

1) Род Агидов

10/9. ПОЛИДОР (VIII в. до Р.Х.). При Полидоре лакедемоняне отправили основать две колонии: одну в Италию, в Кротон, другую – в область локров, тех, что у мыса Зефирия. При нем же разразилась с особой силой Первая Мессенская война. В это время лакедемонянами командовал преимущественно Феопомп, сын Никандра, царь из другого царского рода. Когда война с Мессенией была доведена до конца, Полидор был убит Полемархом. Полидор пользовался большой популярностью в Спарте и был особенно любим народом, так как не позволял себе по отношению к кому бы то ни было ни насильственных поступков, ни грубого обращения и, совершая суд, хранил справедливость не без чувства снисходительности к людям. (Павсаний:3;3).

11/10. ЭВРИКРАТ I (конец VIII – начало VII вв. до Р. Х.).

12/11. АНАКСАНДР (VII в. до Р.Х.). В царствование Анаксандра мессеняне восстали против лакедемонян и начали Вторую Мессенскую войну. В 684 г. до Р.Х. Анаксандр командовал спартанским войском в битве у Могилы кабана и во многих других сражениях. Им же была в 668 г. До Р. Х. взята Гира. (Павсаний: 4;15–21).

13/12. ЭВРИКРАТ II (VII в. до Р.Х.). В царствование Эврикрата лакедемоняне терпели немало поражений в войне с тегетами. (Павсаний:3;3).

14/13. ЛЕВ (первой пол. VI в. до Р.Х.). Продолжал войну с тайгетами, начатую его отцом. (Павсаний:3;3).

15/14. АНАКСАНДРИД (560–520 гг. до Р.Х.). Супругой царя была дочь его брата. Анаксандрид любил ее и прожил с ней много лет, но детей у них не было. Однажды эфоры призвали Анаксандрида к себе и сказали: "Если ты сам не заботаешься о своем потомстве, то мы не допустим, чтобы угас род Еврисфена. Раз твоя супруга не рождает, то отпусти ее и возьми себе другую". Анаксандрид на это ответил, что не сделает ни того, ни другого и им не позволит подвергнуть такому позору неповинную женщину.

После этого эфоры и геронты держали совет и затем предложили Анаксандриду следующее: "Мы понимаем твою привязанность к теперешней супруге. А ты сделай в угоду нам по крайней мере вот что (иначе спартанцам придется принять против тебя другие меры). Мы не требуем, чтобы ты удалил твою теперешнюю супругу, но должен взять вторую жену, которая родит тебе детей". Анаксандрид на такое предложение согласился. После этого у него было две жены, и он вел два хозяйства, совершенно вразрез со спартанскими обычаями.

Спустя немного времени, вторая жена родила царю сына Клеомена и подарила спартанцам наследника престола. Но случилось так, что и первая жена, ранее бывшая бездетной, неожиданно забеременела. Узнав об этом, родственники второй жены подняли шум и с негодо-

ванием стали говорить, что она просто хвастает и хочет подбросить чужого ребенка. Впрочем, их обвинения не имели под собой никакого основания. Когда царице настало время родить, эфоры уселись поблизости и у них на глазах она произвела на свет Дориея. Вскоре после этого у нее родился второй сын Леонид, а сразу вслед затем третий – Клеомброт. А вторая жена царя, мать Клеомена, больше уже не рожала.

2) Род Эврипонтидов

10/9. АРХИДАМ.

11/10. ЗАВКСИДАМ (кон. VIII – нач. VII в. до Р.Х.). Внук Феопомпа.

12/11. АНАКСИДАМ (VII в. до Р.Х.). При нем мессеняне должны были покинуть Пелопоннес, вторично побежденные в войне спартанцами. (Павсаний: 3;7).

13/12. АРХИДАМ I (втор. пол. VII в. до Р.Х.).

14/13. АГАСИКЛ (кон. VII – нач. VI в. до Р.Х.).

15/14. АРИСТОН (550–515 гг. до Р.Х.). Также, как его соправитель Анаксандрид, Аристон не имел потомства, хотя и был женат дважды. Не считая себя виноватым в этом, царь взял себе третью супругу. А вступил он в этот брак вот каким образом. Был у Аристона среди спартанцев друг, с которым он был особенно близок. У этого человека была супруга, далеко превосходящая красотой всех спартанских женщин. Аристон влюбился в нее и придумал следующую хитрость. Он обещал своему другу, супругу этой женщины, подарить из своего имущества все, что тот пожелает. То же самое он просил и у него. Тот согласился, вовсе не опасаясь за свою жену, так как видел, что Аристон уже женат. Потом друзья скрепили свой договор клятвой. Аристон подарил Агету (так звали его друга) одну из своих драгоценностей по его выбору, а потом, выбирая взамен равный дар у него, потребовал себе его жену. Агет сказал в ответ, что жена – это единственное, чего он не может отдать. Однако в конце концов, попавшись на коварную хитрость и связанный клятвой, был вынужден уступить ее Аристону. Отпустив свою вторую жену, царь вступил в третий брак. Спустя немного времени эта женщина родила ему сына Демарата. Все случилось так скоро, что многие в Спарте были уверены: Демарат не сын Аристона, а сын Агета! Сам царь был в большом смущении по этому поводу, но в конце концов все-таки признал Демарата своим ребенком.

Государство лакедемонян

1) Страна

С конца VIII в. до Р.Х., когда в результате первой Мессенской войны Мессения была присоединена к Лаконике, две эти области составляли единое государство под главенством Спарты.

известняковая каменоломня, дававшая материал для построек. Превосходные кормовые травы делали эту страну очень удобной для скотоводства. На скатах гор и в долинах были отличные пастбища. Скота лакедемоняне держали много, особенно коз. Леса Лаконики изобиловали дичью. У берегов водилась багрянка, используемая для крашения шерстяных изделий. (Павсаний пишет, что хотя весь Пелопоннес охватывается морем, раковины для окрашивания в пурпур находились только на лаконском побережье; после финикийских они считались наилучшими). В лаконских городах было много искусных ремесленников. Источники упоминают о «лаконском котоне», «лаконских ножах», «лаконских сапогах», «лаконской черепице». Существовало развитое горшечное производство, изготовление обуви, шерстяных изделий, кожевенное производство.

От соседних областей на Пелопоннесе Лаконику отделяли горы. Границей между Аркадией и Лаконикой служила горная страна Скиритида, на границе с Арголидой высился хребет Парнон. С запада, со стороны Мессении, Лаконскую долину облегал Тайгет. Его высочайшая вершина (2408 м) была посвящена Гелиосу. Высокогорные отроги Тайгета большую часть года были покрыты снегом, который окончательно стаивал только в июне – июле, а в октябре вершины вновь покрывались снегом. В древности на склонах Тайгета росли густые леса. До высоты 700–900 м это были труднопроходимые заросли маквиса (мирг, ладанник, олеандр, вереск, дикая фиштакка, земляничное дерево, дикая маслина, можжевельник) и шибляка (держи-дерево, шиповник, грабинник, дикая маслина). Во время весеннего цветения все эти кустарники и деревья создавали картину разноцветного цветного ковра. Леса в низменностях состояли преимущественно из приморской и горной сосны, дуба. Выше 1000 м шли широколиственные леса из дуба, бука, ясеня, платана, клена, кипариса, каштана а также заросли из нескольких видов можжевельника. Выше 1900 м начинались пихтово-сосновые леса из ели, черной сосны, пиний и кедра. Верхняя граница леса проходила на высоте 2000 м. Выше шли альпийские луга и каменистые вершины. Отвесные скалы были почти голы, лишь редкие колючие полукустарники (держи-дерево, молочай, астрагал) способны были расти на их бесплодной почве. Пишут, что по всему Тайгету была прекрасная охота на диких коз и свиней, особенно же на ланей и медведей. Со склонов било много ключей и стекало несколько речек. По долине одной из них – Тиасы – шла дорога из Спарты в Мессению.

Своими размерами Мессения уступала Лаконике (площадь ее составляла 127 квадратных км). Поросший густыми лесами хребет Ликей (отрасль Тайгета) отделял эту область от Аркадии и, загибаясь к северу, служил границей между ней и частью Элиды. Далее граница шла по реке Неда.

Климат Мессении был умереннее и приятнее, чем в Лаконике, растительность – сильнее и разнообразнее. Когда в Аркадии еще царил зима, а в Лаконике – весна, в Мессении уже было лето.

Большая часть Мессении, кроме долины реки Памис, гориста; холмистая местность и узкие прибрежные долины благоприятствовали скорее пастушескому, чем земледелию. Страна имела только две обширных плодородных равнины – Стениклер и Макарию, орошаемую Памисом (истоком этой реки служило болотистое озеро в области Лимны). По греческим меркам Памис считался достаточно полноводным. В нижней своей части он был судоходным, и его (в отличие от всех остальных мессенских рек, кроме Неды) не могла иссушить даже летняя жара. Воды Памиса изобиловали рыбой.

В классическое время большая часть западной Мессении оставалась пустынной, также как и прибрежные районы; клеры спартанцев располагались, видимо, только по берегам Памиса.

2) Столица

От границ Мессении Тайгет поворачивает на восток и тянется до берегов моря параллельно Парнону. Между двумя этими хребтами расстилается ровная, гладкая, плодородная равнина, орошаемая Эвротом. В западном ее углу, на крайних отлогостях Тайгета, на правом берегу реки лежала древняя Спарта. Она была построена на холмах, отделенных один от другого естественными впадинами, и имела 48 стадий в окружности. Внешними укреплениями столица Лаконики не обладала и потому мало походила на город. Стороннему наблюдателю она представлялась скорее большой деревней. И это впечатление было совершенно верным, только на самом деле деревень (об) было четыре. Располагались они по разные стороны от центрального, самого высокого холма (225 м над уровнем моря); на вершине последнего находился Акрополь, заключавший внутри себя главную святыню города – храм Афины Медной. К востоку от Акрополя лежала Лимна, к югу – Месса, к юго-западу – Киносура, к северу – Питана. Последняя оба была самая значительная. У подножия Акрополя располагалась главная площадь Спарты с ее правительственными зданиями – герусией (тут собирались геронты) и пританием (местом заседания эфоров). Единственный мост через Эврот носил название Бабики. К западу от Спарты находилась отвесная расщелина Каяды, глубиной 20 м.

Дома в Спарте строились из дерева. С наружной стороны стены покрывали белой штукатуркой. Пол был земляной, утрамбованный. В нижних помещениях окон не устраивали. Свет в них проникал через двери из открытого двора. Могли быть отверстия над дверями, которые закрывались ставнями. Верхний этаж соединялся с улицей при помощи отдельной лестницы.

Столы, стулья и кровати были у спартанцев очень просты, но делались с большим вкусом.

3) Народонаселение

Лакедемонянами в широком смысле слова именовались все жители Лаконики. В архаическую и классическую эпохи они делились на три основных сословия: обладавшие всеми политическими правами спартиаты (или гомеи), лично свободные, но политически бесправные периэки и зависимые илоты, являвшиеся, по сути, государственными крепостными. Общее народонаселение Лаконики и Мессении в первой четверти IV в. до Р.Х. оценивают приблизительно в 190–270 тыс. человек. Из них порядка 140–200 тыс. были илоты; 40–60 тыс. – периэки; спартиатов насчитывалось не более 2,5–3 тыс. (а вместе с семьями – 7–9 тыс.).

Когда речь шла о военных действиях, под обобщающее определение лакедемонян подходили те сословия и те слои населения, которые принимали участие в военных походах (то есть, спартанцы, занимавшие в армии в основном командные должности, отряды тяжеловооруженных периэков и наемников, а также илоты, служившие в легкой пехоте).

Спартиаты считались прямыми потомками тех дорийских завоевателей, которые покорили себе в XI–VIII вв. до Р.Х. Лаконику, а в VIII в. до Р.Х. еще и Мессению. Для того чтобы принадлежать к правящему сословию гомеев совершенно необходимы были (помимо происхождения) еще три условия: 1) в детстве и юности каждый спартанец должен был пройти суровый курс воспитания в какой-нибудь из агел; 2) став взрослым, он непременно должен был участвовать в совместных трапезах – фидитиях и вносить необходимые для этого взносы; 3) спартанец не имел права заниматься какими-либо иным родом деятельности, помимо безвозмездной воинской службы Спартанскому государству (проявление интереса к делам, непосредственно с ней не связанным, считалось позорным). Всякий, кто по каким-то причинам (материального или иного характера) не мог исполнять этих условий, автоматически выбывал из числа спартиатов, теряя вместе с этим политические права.

4) Фидитии

Фидитии были центром общественной жизни Спарты. Участвовать в общественных трапезах должны были все мужчины, достигшие 20-летнего возраста. Плутарх (в «Ликурге») пишет: «На трапезы собиралось человек по пятнадцать, иной раз немногим менее или более. Каждый сотрапезник приносил ежемесячно медимн (ок. 52 литров) ячменной муки, восемь хоев (36 л) вина, пять мин (3 кг) сыра, две с половиной мины (1,5 кг) смокв и, наконец, совсем незначительную сумму (10 обол) денег для покупки мяса и рыбы». Павсаний добавляет, что все фидитии были сосредоточены в одном определенном месте – неподалеку от могилы Тисамена. Обед начинался перед заходом солнца и оканчивался в сумерки. Во время фидитий обедавшие возлежали на простых скамьях. У каждого был свой кубок с вином. Главную пищу составляли ячменный хлеб и, так называемая, «черная похлебка» из свинины с добавлением уксуса и соли, которая разделялась на мелкие порции. На десерт подавали сыр, маслины и инжир. Хлеба и вина, разведенного водой, всякий можно было потреблять вволю. Пища приправлялась разнообразно, но всегда скромно беседами, степенными шутками и остротами.

Кроме обязательных взносов сотрапезники приносили дичь, рыбу, фрукты или часть жертвы. Зажиточные спартиаты кроме положенных взносов добавляли к столу мясо и пшеничный хлеб (в этом сказывалась тенденция, характерная для любого греческого полиса, – благотворительность богачей к своим малоимущим согражданам). В праздники спартиаты устраивали богатые общественные и домашние пиры с жертвоприношениями. Тогда подавали лучшие кушанья, обыкновенно от частных лиц. Обеды в походе также устраивали в складчину.

Мнение узкого круга сотрапезников для любого члена фидитии было настолько значимо, что полностью определяло стиль его поведения. Совместная трапеза способствовала тому, что ее участники начинали чувствовать себя в некотором роде братьями. При ослаблении семейных связей фидитии заменяли спартиату семью.

Вместе с тем фидитии способствовали складыванию внутри спартиатского общества политических группировок. Хотя законодатель задумывал общественные трапезы с целью искоренить неравенство, полностью достичь этой цели ему не удалось. Некоторые фидитии фактически играли роль влиятельных аристократических клубов. Попасты в них можно было только при посредстве протекции.

5) Спартиаты

Помимо много другого традиция приписывала Ликургу введение законов против роскоши. Фукидид пишет, что лакедемоняне первыми стали носить простую одежду и у них люди более состоятельные вели большей частью образ жизни одинаковый с простым народом; Аристотель добавляет, что в Спарте «одежду богачи носят такую, какую может изготовить себе любой бедняк». Плутарх (в жизнеописании Ликурга) сообщает, что дома спартиатов должны были строиться только с помощью топора и пилы и не выделяться раздражающей сограждан роскошью.

По свидетельству Ксенофонта («Государственное устройство лакедемонян»): «Ликург сделал равноправными в государственных делах всех, исполняющих его постановления, не принимая во внимание ни бедности, ни физических недостатков; он постановил, чтобы только не считались в числе равноправных граждан, которые уклоняются от исполнения его суровых постановлений». Однако на протяжении всей истории существования государства лакедемонян, провозглашенное Ликургом равенство оставалось, в известной степени, формальностью. Имелись семьи, которые могли влиять на продвижение своих детей по деловой лестнице. Высокие посты в государстве из поколения в поколение занимались членами одних и тех же

фамилий. Это говорит о том, что внутри спартанской системы сохранялись элементы наследственной аристократии. Высшие государственные должности, по сути дела, были «номенклатурными». Хотя, скорее всего, они утверждались народным собранием, но предварительный отбор вряд ли зависел от этого органа. В Спарте имелся привилегированный круг граждан, которые благодаря знатности, богатству или личным заслугам легче достигали влияния и личных должностей. Ведущая роль в политической жизни принадлежала прежде всего Гераклидам (к числу последних относились оба царских рода).

Община гомеев делилась на пять территориальных фил (пять об). Из них четыре составляли собственно Спарту (это были обы Лимна, Киносура, Месса и Питана). В более позднюю эпоху пятой обой сделались ахейские Амиклы. Это деление соответствовало числу эфоров. Кроме того, спартанская община делилась на три родовые филы (Гилеев, Диманов и Памфилов), игравших важную роль в религиозной жизни (именно это деление лежало в основе таких институтов как 30 старейшин, 30 советников, сопровождающих царя в походе, а также 300 царских телохранителей). Каждая фила делилась на 10 фратрий, фратрии делились на триады, триады – на семейства.

Как уже говорилось, происхождение не гарантировало спартанцу автоматическое пребывание в общине гомеев. Существовал институт атимии – поражения в гражданских правах, распространявшийся и на потомков. Из числа полноправных граждан исключались, прежде всего, те, которые при воспитании детей или в собственной жизни не соблюдали сурового режима, установленного по преданию Ликургом. Далее, эта судьба ожидала тех, кто не проявил должной твердости в бою. Плутарх (в жизнеописании Агесилая) сообщает, что граждане, которые проявили трусость в сражении и лишились гражданской чести, по закону теряли права занимать какую-либо должность. Каждый, кто встречал «убоявшихся», мог их ударить. Они обязаны были ходить жалкими, неопрятными, в старом, потертom плаще с разноцветными заплатами и брить только полбороды. На улице «убоявшиеся» обязаны были уступать дорогу и вставать, давая место даже младшим. Считалось позорным вступать с кем бы то ни было из них в родство по браку. Своих дочерей «убоявшиеся» должны были воспитывать дома, так что вина отцов переходила на их дочерей, и те оставались без мужей. Не имели политических прав также парфении (дети, рожденные девушками до брака). Кроме того, как мы узнаем из Аристотеля («Политика», II, 6), поражались в правах все те, кто по бедности не мог делать установленных взносов на содержание общего стола (фидитий). Все эти лица исключались из категории гомеев и составляли особый разряд неполноправных гипомейонов. Они лишались политических прав, но пользовались всеми личными и имущественными правами. Гипомейоны («младшие», «меньшие», «опустившиеся») не принимали участия в управление государством (возможно, они участвовали в народном собрании); не являлись членами гоплитской фаланги; вряд ли они занимали выборные должности. Как правило, они становились наемниками, часть гипомейонов использовалась государством в административно-полицейском аппарате (карательные отряды, постоянно прочесывавшие спартанские территории).

Атимия была одной из причин олигантропии («малолюдства») – неуклонного и все более ускорявшегося процесса сокращения числа полноправных граждан в Спарте. Считается, что с начала V до середины IV в. до Р.Х. количество гомеев в уменьшилось с 10 до 1 тыс. К моменту битвы при Левктрах (371 г. до Р.Х.) численность спартанцев по максимальным подсчетам составляла 2400 человек, а по минимальным – около 1000. Таким образом, спартанская армия при Левктрах (700 чел.) включала в себя треть всех граждан призывного возраста. Потеря 400 из них оказалась таким тяжелым ударом, от которого Спарта никогда не смогла оправиться. Спартанцы сознавали, что олигантропия ведет их государство к гибели. Поэтому всемерно поощрялись многодетные семьи. Гражданин, имевший трех сыновей, освобождался от военной службы, а 4-х – от всех гражданских повинностей. Впрочем, льготы эти оказались малоэффективными и не привели к росту числа граждан.

б) Илоты

Самым многочисленным сословием в государстве лакедемонян были илоты (буквально, «взятые в плен»). Считается, что это были потомки ахейского населения Лаконики и Мессении, поработанного дорийцами в XI–VIII вв. до Р.Х. Илоты не имели ни личной свободы, ни права владения недвижимым имуществом, они сами считались имуществом своих господ, однако последние не могли ни предавать их смертной казни, ни продавать. Некоторые историки считают илотов государственными крепостными, переданными частным лицам лишь во временное пользование, но греческие писатели без обиняков называли их рабами. Илоты являлись обязательным атрибутом земельных участков; каждый полноправный гражданин получал илотов в комплекте с землей в бессрочное владение. Илоты жили отдельно и обязаны были доставлять своим господам строго фиксированный оброк (он назывался апофорой и составлял 70 медимнов ячменя на мужчину, 12 – на женщину; также доставлялось некоторое количество вина и других продуктов). Плутарх пишет, что спартанцы под страхом проклятья не могли требовать с илота более установленной нормы, все излишки доставались производителю, и потому «илоты, получая выгоду, работали с удовольствием».

Илоты обязаны были всячески обслуживать своих господ и выступать (обыкновенно легковооруженными) в случае войны (в походе каждого спартанца сопровождало несколько илотов-оруженосцев его клера, по-видимому, из числа домашних слуг). Сословие это не было полностью бесправным. Илоты имели возможность устраивать свою семейную жизнь, они обладали своей движимой собственностью; по свидетельству Фукидида, они имели право убежища в храме Посейдона на Тенаре. Каждый спартанец был ответственен перед государством за своих илотов. Но вообще спартанцы обращались с илотами грубо и презрительно; они заставляли илотов пить несмешанное вино, а потом приводили их на общие трапезы, чтобы показать молодежи, что такое опьянение; им приказывали петь дрянные песни и танцевать смешотворные танцы, запрещая развлечения, подобающие свободному человеку. Илотов заставляли носить шляпу из кожи собаки и одеваться в шкуры животных, каждый год им полагалось определенное число ударов, даже если они не совершили никакого проступка, для того, чтобы они помнили, что они рабы. Более того, если какой-то илот превосходил меру физической силы, которая прилична рабу, его наказывали смертью, а на хозяина накладывали штраф.

Стараясь удержать илотов в повиновении, спартанцы время от времени прибегали к открытому террору. Плутарх пишет, что время от времени спартанское правительство высылало за город отряды молодых людей. С ними не было ничего, кроме короткого меча и необходимых съестных припасов. Днем они скрывались, рассеявшись по тайным местам, и спали, ночью – выходили на дорогу и убивали попадавшихся им в руки илотов. Часто они бегали по полям и умерщвляли самых сильных и здоровых из них. Древнегреческий философ Аристотель говорит даже, что время от времени спартанцы объявляли илотам войну, чтобы иметь возможность убивать их, не делаясь преступниками. Известны два случая массовых избиений илотов – незадолго до 464 г. до Р.Х. и в 425 г. до Р.Х. (тогда, по свидетельству Диодора, в своих домах были за одну ночь перебиты 2 тыс. илотов).

Есть, впрочем, свидетельства и другого рода – о верности некоторых илотов своим господам, ведь тесные, «домашние» отношения между ними продолжались на протяжении многих поколений. В среде илотов существовала привилегированная прослойка, из среды которой кооптировались надзиратели, управляющие имениями и прочие организаторы хозяйственной деятельности.

Хотя спартанцы находились в вечной тревоге, опасаясь восстания илотов, они в экстренных случаях готовы были их вооружить. Так при угрозе со стороны Эпаминонда в 370/369 г. до Р.Х. эфоры распространили среди илотов прокламацию такого примерно содержания: все те,

кто выразит желание получить оружие и вступить в армию, получают свободу, в чем их эфоры клятвенно заверяют.

Думается, что изначально существовали различия между лаконскими и мессенскими илотами. По-видимому, положение последних было значительно хуже. Скорее всего, мессенские илоты не привлекались к военной службе и не использовались в домах в качестве слуг.

В первые века существования государства лакедемонян сословие илотов было однородным. В классическую эпоху в нем выделилось несколько прослоек, статус которых не всегда ясен. Так источники называют адеспотов, деспосионавтов, мофаков и неодамодов.

Адеспотами, возможно, именовали получивших свободу жителей Мессении.

Деспосионавтами называли илотов, отпущенные своими хозяевами служить на флот, но продолжавших уплачивать им оброк – апофору.

Мофаки («выскочки») – это незаконнорожденные дети отцов-спартанцев и матерей-ило-ток; они воспитывались вместе с детьми спартанцев и часто получали не только свободу, но и политические права. Возможно, мофаками становились также сыновья гипомейонов. В III в. до Р.Х. каждый спартанский юноша имел сотоварищей из числа мофаков. По словам Филарха, при спартанском мальчике в зависимости от имущественного положения его отца мог находиться один или даже несколько воспитанников-мофаков; среди них могли быть также сыновья иностранцев и дети неодамодов. Для того, чтобы сделать гражданином мофак должен был обладать наследственным клером; остальные служили в качестве наемников. Незаконнорожденные могли стать спартиатами в случае усыновления их собственными отцами и получения от них клера. Усыновление осуществлялось гласно в присутствии царей, которые следили за законностью этого юридического акта. Возможно, государство побуждало зажиточных спартиатов к тому, чтобы оно брало на воспитание сыновей своих менее удачливых сограждан. Важно подчеркнуть, что мофаками именовали только несовершеннолетних юношей (до 20 лет).

Неодамоды – это илоты, отпущенные (или выкупившиеся) на свободу, пользовавшиеся личной свободой, но не имевшие гражданских прав. Неодамоды не были, подобно спартанцам, организованы в фидитии и не владели клерами. Как явствует из Фукидида, неодамодов в качестве гоплитов стали использовать в эпоху Пелопонесской войны между 424 и 421 гг. до Р.Х., хотя вольноотпущенники, возможно, существовали и раньше. Возможно, они получали в свое владение вакантные клеры; в перерывах между компаниями они располагались в казармах или в самой Спарте или в ближайших перизекских общинах. У них отсутствовала правильная военная подготовка; кроме того неодамоды (как и все остальные неполноправные) относились к спартанцам недоброжелательно. После 370 г. до Р.Х. неодамоды не упоминаются в источниках (возможно, они стали гражданами мессенских городов или превратились в наемников). С 421 г. до Р.Х. значительная часть неодамодов проживала в Лепрее; другой их гарнизон находился в Ойе. Обычно подобные гарнизоны возглавлял спартиат в звании гармоста.

Неодамоды никогда не смешивались с гражданскими полками: они не входили в спартанские лохи и моры, а представляли собой в спартанской армии особый контингент гоплитов. В своем правом отношении неодамоды, скорее всего, приближались к перизекам. Низший командный состав спартанской армии бесспорно формировался из неодамодов. Сыновья наиболее преуспевших неодамодов становились мофаками, хотя вряд ли это было правилом по отношению ко всему потомству неодамодов.

7) Перизеки

Перизеками (буквально, «жителями окрестных мест») именовались покоренные спартанцами жители лаконских городов (а также, возможно, части мессенских). Они пользовались личной свободой и гражданскими правами, но были лишены всех политических прав. В войске перизеки служили в качестве гоплитов, составляя его главную силу. Им были предостав-

лены лишь очень небольшие участки земли, и поэтому перизки занимались преимущественно ремеслами, занятие которыми было запрещено самим спартиатам. В классическую эпоху в Лаконике и Мессении существовало около сотни цветущих городков, большую часть населения которых составляли перизки. К числу наиболее выдающихся городов относились Эгии, Гитион, Тевфрона, Лас, Пиррих, Кенеполис, Ойтил, Левктра, Фаламы, Алагония, Герения, Асоп, Акрии, Бойи, Заракс, Эпидавр, Лимера, Брасии, Геронфры.

Перизки производили железные и медные изделия, им принадлежали мастерские мечей, топоров, щитов, панцирей, султанов. Они изготавливали колесницы, столы и другие деревянные вещи, одежду и обувь. Особенно славилась в Греции амиклейские башмаки и лаконские багряные плащи. Горные заводы также были в их руках. Они выделывали кубки, были плотниками, каменщиками, каменотесами, кирпичниками, архитекторами, гончарами, ламповщиками, столярами.

8) Землевладение

Согласно преданиям, экономический и политический строй Лаконики сформировался в результате реформ Ликурга. Первым и самым главным его нововведением стала ликвидация частной собственности на землю. С тех пор земля в Лаконике считалась государственной и находящейся (вместе с прикрепленными к ней илотами) в бессрочной аренде у спартиатов.

Равновеликие земельные наделы спартиатов, площадью примерно в 11–15 га, назывались клерами. В Лаконике их насчитывалось порядка 6000, и еще 3000 было в Мессении. Подавляющее большинство клеров спартиатов было сосредоточено в центре государства, именно в долине Эвроты, начиная от ущелья подле города Пеллены, в 60 стадиях от моря, лежащего у Селасии, до Лаконского залива и, кажется, на западном берегу до мыса Малей. Разделены были только пахотные поля, леса же и пастбища для скота и места охоты находились в общем пользовании.

На протяжении нескольких столетий в Лаконике была запрещена купля-продажа земли даже в таких замаскированных ее видах, как дарение и завещание. Земля не делилась между наследниками и переходила, по-видимому, к старшему из сыновей. Впрочем, эти законы распространялись лишь на, так называемые, гражданские клеры; вполне возможно, что богатые спартанцы могли скупать землю у перизков.

В конце V в. до Р.Х. был принят, так называемый, Эпитадиев закон, разрешивший свободное дарение и завещание клеров внутри сословия спартиатов. Последствия его оказались для спартанского государства чрезвычайно разрушительными. Через полтора века этот процесс привел к тому, что в Спарте осталось не более ста семей владевших землей. Аристотель пишет: «Оказалось, что одна часть граждан владеет собственностью очень больших размеров, другая – совсем ничтожной...».

9) Денежные отношения

Чтобы окончательно искоренить роскошь, Ликург запретил свободное обращение внутри государства золота и серебра. Деньги в Лаконике имели вид железных прутьев или вертелов. Ценность их по отношению к серебру определялась как 1200:1. Охалка прутьев, помещавшаяся в руках, называлась драхмой. Возможно, наряду с железными деньгами в Лаконике имела хождение мелкая эгинская монета из меди. После Пелопоннесской войны было разрешено ввозить в Спарту золото и серебро, но только для государственных нужд (их использовали для вербовки наемников и подкупа демагогов в других государствах). Частным лицам под страхом смертной казни запрещалось иметь золотые и серебряные деньги (впрочем, исторически засвидетельствован лишь один случай осуждения по этому закону, возможно, он не действовал). В

начале IV в. до Р.Х. Лаконика считалась самой богатой страной в Греции. Многие спартиаты, разбогатевшие на взятках и казнокрадстве, хранили свои капиталы за границей (например, в Аркадии), помещали их в виде вкладов в храмовые кассы или тайно прятали в своих домах. Чаще всего в качестве банкиров для спартанской элиты выступали жрецы храма Афины Алеи в соседней Тегее, а также жрецы Дельф.

Аристотель говорит о коррупции, процветающей в современной ему Спарте, как о явлении широко распространенном и глубоко проникшем во все слои общества, особенно в его высшую среду. По словам философа подкупы были доступны как эфоры, так и геронты; другие авторы, говоря о национальном характере спартанцев, часто отмечали их безудержную страсть к деньгам.

10) Государственный строй

Основы государственного строя Спарты были заложены Ликургом. Впрочем, сам он, приступая к своей политической реформе, ссылаясь на оракул, полученный им в Дельфах. В последующие века в Спарте тщательно сохранялся древний документ, так называемая «Большая ретра» (буквально, «речь», «изречение», «слово»; в более узком смысле – «изречение оракула», «ставшее законом речение божества»), излагавшая в сжатом виде основы «спартанской конституции». В ретре упомянуты основные органы и институты государства лакедемонян: «цари богочтимые», «старцы людские» (составлявшие герусию геронты) и «люди народа» (экклесия). Не хватает только коллегии эфоров, появившейся позже. В изложении Тиртея (см. его «Благозаконие») государственный строй Спарты предстает в следующем виде:

Так нам из пышного храма изрек Аполлон-дальновержец,
Златоволосый наш бог, с луком серебряным царь:
«Пусть верховодят в совете цари богочтимые, коим
Спарты всерадостный град на попечение дан,
Вкупе же с ними и старцы людские, а люди народа,
Договор праведный чтя, пусть в одномыслии с ними
Только благое вещают и правое делают дело,
Умыслов злых не тая против отчизны своей, —
И не покинет народа тогда ни победа, ни сила!»
Так свою волю явил городу нашему Феб.

11) Народное собрание

Народное собрание в Спарте (экклесия), «созываемое царями по фратриям», происходило между ручьем Кнакион и мостом Бабука. В этом месте, по свидетельству Аристотеля, не было ни портика, ни каких-либо других укрытий. Никому из граждан не позволялось подавать свое суждение, и народ, сходясь, громкими криками лишь утверждал или отвергал предложенные правительством постановления. Если результат голосования был неясен, подсчет производили посредством разделения на части. В том случае, когда народ выступал из пределов, установленных законом, собрание могло быть распущено без всякого решения.

Наряду с большой экклесией (в которой вместе с гомеями могли принимать участие гипомейоны и неодамоды), важную роль играла малая экклесия одних только полноправных спартиатов. Малые собрания происходили в здании, примыкающем к центральной площади, которое построено было самосским архитектором Феодором ок. 600 г. до Р.Х. и называлось скиас. Здесь избирались геронты и эфоры. Здесь решались вопросы внешней политики, войны и мира.

Экклеты (члены малой экклесии) принимали все важнейшие решения, которые просто «протамповывало» общее народное собрание.

12) Цари

Со времен Феопомпа, царская власть в спартанском государстве основывалась преимущественно на законе, но она не являлась верховной властью в полном смысле: царь был верховным вождем военных сил лишь в том случае, когда он выходил за пределы страны. Ни один спартанец не смел тогда ему противодействовать; непокорные подлежали проклятию. В битве царь выступал впереди всех и последним покидал поле сражения. Три сотни отборных воинов служили ему телохранителями. Когда же царь находился дома, его влияние было сильно ограничено герусией, эфорами и всем строем спартанского государства.

Цари имели значительные доходы: им принадлежали участки полей, обрабатываемые периэками, которые давали им натуральные подати. В каждое новолуние и седьмой день месяца им доставляемы были отборные животные. Из всех жертв, приносимых во время похода, цари получали кожи и хребты. Им принадлежала значительная часть добычи, взятой у неприятеля. Для жительства царю предназначался особый дом («дворец»), к которому прилегал пруд.

Чтобы цари не питались дома, Ликург предписал им участвовать в общественных трапезах. Находясь на родине, цари ели за одним столом. Законодатель разрешил им получать двойную порцию, но не для того, чтобы цари ели больше других, а для того, чтобы они могли почтить пищей того, кого пожелают. В походе чести обедать в царской палатке удаивались только полемархи и еще три лица из сословия гомеев, на обязанности которых лежали заботы о довольстве царя и полемархов.

Цари являлись также первосвященниками Зевса, приносили жертвы от имени народа, хранили ответы прорицалища и каждый из царей избирал по два чиновника, называвшихся, пифитидами. Им было предоставлено право получать поросенка от каждой опоросившейся свиньи; благодаря этому у царей никогда не ощущалось недостатка в жертвенных животных. Им полагалось первое место во время жертвоприношений и почетное место на всех состязаниях. При их появлении вставали все, кроме эфоров, которые продолжали сидеть на своих стульях.

Эти почести и права спартанская община предоставляла царям при жизни. Посмертные же почести были следующие. О кончине царя всадники сообщали во все концы Лаконики, а женщины ходили вокруг города и били в котлы. Лишь только раздавались эти звуки, в каждом доме двое свободных людей – мужчина и женщина – должны были облечься в траур. Тех, кто не подчинялся этому указу, ожидала суровая кара. На погребение собиралось много тысяч периэков, илотов и спартанцев вместе с их женами. Они яростно били себя в лоб, поднимали громкие вопли и при этом причитали, что покойный царь был самым лучшим из царей. После погребения царя на десять дней закрывался суд и рынок, а также не бывало собраний по выборам должностных лиц, но в эти дни все облакались в траур.

В период малолетства царя его функции переходили к опекуну (продику), избираемому обычно из числа его ближайших родственников.

13) Герусия

Герусия – совет 28 старейшин (геронтов) – обладала равным с царской властью правом голоса при решении важнейших дел. Члены герусии (геронты) выбирались пожизненно из числа гомеев не моложе 60 лет. Существует мнение, что геронты кооптировались из среды

древней аристократии. И в самом деле, аристократический совет старейшин служил в государстве лакедемонян противовесом «демократической» диктатуре эфоров.

14) Эфоры

Роль правительства (исполнительной власти) в Спартанском государстве играла коллегия из пяти эфоров, ежегодно избираемых народом. Первый из них назывался эпонимом, его именем обозначался год. Эфоры имели каждодневные заседания в особом здании на центральной площади Спарты. В течение года они никому не давали отчета в своих действиях, были абсолютно независимы от других должностных лиц и практически безнаказанны, но по сложению полномочий могли быть обвинены своими приемниками. Стулья эфоров стояли среди рынка на открытом месте.

Служебный год эфоров начинался в день осеннего равноденствия, с началом спартанского года. Фактически только эфория давала реальную возможность выступать с законодательной инициативой. Контролю эфоров, которые председательствовали в народном собрании и герусии, подлежали все прочие власти, даже сами цари. Они являлись также уполномоченными представителями народного собрания во внешних сношениях, вследствие чего сильно влияли на войско и на полководцев. Эфоры принимали иностранных послов, вели с ними переговоры, делили военную добычу и заведовали государственной казной. В походе царя обычно сопровождали два эфора, они состояли при нем для совета и наблюдения; и хотя царь мог принимать самостоятельные решения без оглядки на эфоров, он всегда мог опасаться доноса или обвинения с их стороны.

Политическая и социальная роль коллегии эфоров заключалась в противостоянии монархической власти царей. В этом смысле весьма показательна ежемесячная клятва царей и эфоров, причем эфоры приносили клятву от имени гражданской общины, а цари – от своего собственного имени. Цари клялись править по закону, а эфоры обещали не уменьшать значения и достоинств царской власти.

В суде эфоры решали дела, относившиеся к нарушению законов чиновниками и частными лицами. Периэков и илотов они могли приговаривать к смерти без всякого формального суда, а на полноправных граждан (включая царей) налагать любые взыскания, за исключением смертной казни. Вместе с тем им принадлежала важная роль в надзоре за публичной нравственностью и за соблюдением гражданами старинных предписаний Ликурга.

Не смотря на демократический характер своей власти эфоры не отражали мнения всего общества, но лишь его элиты. Бедные эфоры, по свидетельству Аристотеля, были очень даже доступны подкупу.

15) Всадники

В Спарте существовал особый элитарный корпус, члены которого именовались «всадниками», хотя не имели никакого отношения к спартанской коннице. Численность его была неизменной и составляла 300 человек. В отличие от обычной армии корпус никогда не распускался. Как отряд быстрого реагирования, он в основном действовал внутри Спарты. В том случае, когда всадники отправлялись за границу, они всегда сражались рядом с царем.

Корпус служил своеобразным резервом для пополнения политической и военной элиты. Сюда зачислялись самые способные и энергичные юноши с явными задатками лидерства. Служба в корпусе была важным шагом в военно-политической карьере спартиата. Руководили корпусом три гиппагрета, назначаемых эфорами, каждый из которых набирал по своему усмотрению сто молодых людей.

16) Магистраты

До нас дошли известия лишь о некоторых общественных должностях Спартанского государства.

Агетоерги – выполняли всякого рода деликатные поручения, в том числе полицейско-разведывательного характера. Всего агетоергов был пятеро. Они избирались эфорами из числа 300 всадников.

Армосины – надзирали за поведением женщин.

Эмпелоры – наблюдали за порядком на рынке.

Пифии (пифитиды) – посланцы Спарты в те или иные культовые центры Эллады. Они же обычно присутствовали на играх, возглавляя лаконские посольства. В ведении пифии находился государственный архив, где хранились древние документы и изречения оракула, начатая с ликурговой ретры. В действующей армии пифии исполняли обязанности снабженцев, были постоянными сотрапезниками царей и в походе жили в их палатках. Всего пифиев было четверо, но одновременно в посольстве участвовали только двое из них.

Проксены – так в Спарте именовались избранные царями граждане, оказывающие гостеприимство иностранцам и защищающие их интересы.

Некоторые значимые должности в Спарте традиционно занимали потомки чужеземцев, не являвшиеся полноправными гражданами. Герольды принадлежали к старинному ахейскому роду Талфибиадов; прорицатели – к знаменитому жреческому роду Иамидов из Элиды. Впрочем, даже высшее жречество в Спарте стояло ступенью ниже спартиатов-гомеев.

17) Гармосты

Гармостами называли наместников, которых спартанцы посылали в подвластные города, для того чтобы они во главе спартанских гарнизонов защищали преданные спартанцам олигархические партии. Назначались они как эфорами, так и царями. Ни сроки действия гармостов, ни круг их обязанностей не были строго определены.

Прежде всего, гармосты ежегодно рассылались в города периеков для наблюдения за состоянием дел в этих общинах и поддержания в них порядка. Правом вмешательства в дела местного самоуправления они, видимо, не обладали. В особо важные пункты могли посылаться гармосты, наделенные более широкими полномочиями и сопровождаемые гарнизоном. Так, к примеру, очень важное стратегическое значение для Спарты имела Кифера; здесь постоянно находился спартанский гарнизон под командованием особого должностного лица – киферодика.

В источниках имеется целый ряд фактов, свидетельствующих о «ненасытном корыстолюбии» спартанских гармостов. Они считались самыми наглыми грабителями и взяточниками.

18) Пелопоннесский союз

Военное могущество Спарты опиралось как на собственные силы, так и на помощь союзников. Первым союзником лакедемонян, еще в VIII в. до Р.Х., стали олигархи Элиды. Потом в союз вступила Тегея и других города Аркадии. А в VII в. до Р.Х., после победы над аргосским тираном Фидоном, в союз вошли Коринф, Мегара и Сикион. Формирование его завершилось ок. 505 г. до Р.Х., когда решение союзного собрания было признано обязательным для всех союзников. В случае войны каждый член Союза выставлял 2/3 своей военной силы, но верховное командование принадлежало спартанцам. Подавляющее большинство полисов, входивших

в союз, относилось к аграрным. Для них было характерно слабое развитие ремесла и торговли. Они имели олигархическое устройство с консервативной политической программой и архаическими общественными отношениями.

Высшим органом Пелопоннесского союза было собрание (возможно, самое первое союзное собрание состоялось ок. 504 г. до Р.Х., когда царь Клеомен решил вернуть тирана Гиппия в Афины и хотел заручиться согласием союзников). Во многом эти собрания напоминали спартанскую экклесию. Последняя, как уже говорилось, собиралась нерегулярно, а деятельность ее в значительной степени зависела от ее председателей. Вероятно, эфоры заведовали всеми текущими делами союза и председательствовали в союзных собраниях. Постоянных союзных магистратов не избирали. Обычно собрания проходили в Спарте и лишь в исключительных обстоятельствах на территории союзников, например в Олимпии или Коринфе. Каждый полис, независимо от того, был ли он большим или маленьким, имел один голос, что позволяло Спарте добиваться принятия необходимых ей решений, противопоставляя мелкие полисы более крупным.

19) Судебная и правовая система

Право в Спарте сознательно не кодифицировалось.

Судебные полномочия были разделены между царями, народом, герусией и эфорами. Царям принадлежало право решать вопросы о замужестве дочерей-наследниц, в их введении находились религиозные суды. В походах они председательствовали на военных судах эландиков. Геронты под председательством царей и эфоров решали уголовные дела. В народном собрании решались споры между наследниками престола. Эфоры решали дела, относившиеся к нарушению законов чиновниками (магистратами) и частными лицами. Гармоны решали дела периеков.

Обвинителем в частных делах выступал потерпевший, в государственных – чиновник. Дело производилось на словах. Каждый говорил сам за себя. Адвокатов не было.

Осужденные могли быть подвергнуты штрафу, изгнанию или смертной казни. Смертная казнь совершалась двумя способами – либо осужденного вешали ночью в темнице, в специальном отделении, называемом дехадою, либо сбрасывали в глубокую пропасть Каяды за городом.

20) Государственная идеология

Вся система спартанского воспитания была построена на том, что гражданам с малых лет разными способами внушалось: Спарта есть самый совершенный греческий полис! Многие писатели из других областей разделяли эту точку зрения. Их восхищали равенство и единодушие, царившее в спартанской общине, а также свойственное всем спартамцам «чувство локтя» и стремление ставить общественные интересы выше личных.

Плутарх в «Ликурге» сообщает, что каждый конкретный гражданин воспринимался в Спарте только как член коллектива. Никому не разрешалось жить так, как он хочет: точно в военном лагере, все в городе подчинялось строго установленным порядкам и делали то из полезных для государства дел, какое им было назначено. Считая себя принадлежащими не самим себе, но отечеству, спартамцы, если у них не было других поручений, либо наблюдали за детьми и учили их чему-нибудь полезному, либо сами учились у стариков. Благодаря труду илотов и периеков спартамцы не имели забот о хлебе насущном. Все свободное от военной службы время они посвящали хороводам, пирам, празднествам, охоте, гимназиям и лесхам. Те, кто был моложе тридцати лет, вовсе не ходили на рынок и делали необходимые покупки через родственников и возлюбленных. Местом обычного общения у спартамцев была лесха –

портики и тому подобные постройки. В аристократической Спарте она играла ту же роль, что рынок в демократических Афинах.

Платон в «Законах» рисует облик идеального государства, явно списывая его со Спарты: «Никто никогда не должен оставаться без начальника – ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: нет, всегда – и на войне и в мирное время – надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. Даже в самых незначительных мелочах необходимо ими руководствоваться, например, по первому приказу останавливаться на месте, идти вперед, приступать к упражнениям, умываться, питаться и пробуждаться ночью для несения охраны и для исполнения поручений... Словом, пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет возможно более сплоченной и общей... Упражняться в этом надо с самых ранних лет, и не только в военное, но и в мирное время. Надо начальствовать над другими и самому быть у них под началом. А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям».

У нас есть два источника, позволяющих судить о духе спартанского общества, а также о тех ценностях и идеалах, которые юные спартанцы усваивали с молоком матери. Это собранные Плутархом «Высказывания знаменитых лакедемонян» и стихотворения Тиртея.

Однажды, пишет Плутарх, царя Агесилая спросили: «Какой лучший закон дал Ликург спартанцам?» «Презирать сластолюбие» – ответил тот.

«Как могут лакедемоняне наслаждаться грубой жизнью и бескультурием?» – спросили царя в другой раз. «Мы истребляем те семена, которые лишают свободы!» – объяснил Агесилай.

На вопрос «Почему Спарта не имеет стен?», Агесилай, указав на воинов, будто бы заметил: «Вот ограда Лакедемона!»

Другие изречения Агесилая были в том же духе.

«Каким образом ты приобрел венец славы?» – спросили у него. «Презрением смерти!» – ответил царь.

«Отчего спартанцы счастливее других народов?» – «От того, что они лучше других умеют покорять и покоряться».

«Что нужно сделать для приобретения величия и славы?» – «Говорить о прекрасных предметах и совершать прекрасные подвиги!»

«Чему нужно учить детей?» – «Всему полезному и благому для граждан и отечества!»

«Не пышность и роскошь, – говорил Агесилай, – но мужество и храбрость различают вождя и его воинов». Своим соотечественникам он советовал: «Обогащайтесь не золотом, но добродетелями!» А о себе сообщал: «Я привык быть постоянным и в самих переменах счастья».

Другой спартанский царь, Агис, прославляя доблесть своих соотечественников, заявил: «Лакедемоняне никогда не спрашивают о количестве врагов, но только восклицают: «Где они?»»

В том же духе высказался герой Фермопильской битвы царь Леонид: «Если воевать с персами по многочисленности, то мало целой Греции, но если сражаться по могуществу, то довольно одной Спарты».

Помимо изречений знаменитых лакедемонян спартанская молодежь заучивала наизусть стихи Тиртея. Слова их были просты и безыскусны, зато сам предмет – величав и нравоучителен. Поэт героизировал ратный труд, воспевал отвагу патриотов и завидную судьбу тех, кто погиб за отечество.

«Да, – писал Тиртей, – хорошо умереть для того, кто за землю
родную
Бьется и в первых рядах падает, доблести полн».

Или:

«Юноши, не отходя ни на шаг друг от друга, сражайтесь,
И да не ляжет на вас в бегстве позорном почин...
Гордостью будет служить и для города и для народа
Тот, кто, шагнув широко, в первый продвинется ряд...
Так как потомки вы все непоборного в битвах Геракла,
Будьте бодры, еще Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов...»

Своего рода квинтэссенцией всей спартанской идеологии может служить двустишие из их погребальной песни:

«Благо – не жизнь и не смерть; они умерли, благом считая
Доблестно жизнь провести, доблестно встретить конец».

21) Религиозная жизнь. Праздники

Лакедемоняне поклонялись тем же богам, что и все греки. Из местных божеств источники упоминают только Порка (спартанского аналога Нерея) и Пороса (олицетворявшего долю, выпавшую человеку при рождении).

Впрочем, сами культы отличались своеобразием и «местным колоритом». Так, например, в Лаконике почитали Артемиду Корифалию, в честь которой исполнялись непристойные танцы. В ее храм было принято приносить грудных детей. В честь другой ипостаси этой богини – Артемиды Кариатийской – спартанские девушки исполняли сложный танец – с корзинами на голове. Также устраивались состязания в беге между девушками. В древности у лакедемонян имели место человеческие жертвоприношения Артемиде Ортии. Ликург заменил их ежегодным бичеванием нескольких юношей, кровь которых орошала алтарь в Лимнее. Плутарх пишет, что бичевание было весьма жестоким, и случалось, бичуемые умирали. Однако, согласно спартанским обычаям, они должны были переносить порку молча, со всей возможной сдержанностью.

Афродите лакедемоняне давали различные прозвища, которые с нашей точки зрения были в высшей степени бесстыдны. Так мы знаем об Афродите Перибасо («уличной бродяжке») и об Афродите Трималитиде (Афродите «с дыркой»).

Из героев в Спарте особо почитались Диоскуры, считавшиеся домашними богами. В каждом доме для них были приготовлены еда и ложе. Часто божественных близнецов изображали в виде змей. Был популярен особый знак Диоскуров – две вертикальных столба, соединенных двумя горизонтальными перекладинами.

Героические почести воздавались Ликургу. По свидетельству древних авторов, в Спарте существовал храм Ликурга, где ему приносили ежегодные жертвоприношения.

Еще одним почитаемым героем был Гиакинф, сын Амикла, основателя Амикл. В память о его ужасной смерти справлялся особый праздник – Гиакинфии. Афиной приводит его описание: «Спартанцы праздновали священный праздник Гиакинфий три дня; в знак печали о

смерти Гиакинфа они не возлагали на головы венки, участвуя в застолье, не ставили на стол хлеб, пироги и сладости; они пели пеан богу, ничего не делая сверх того, что обычно совершают при жертвоприношениях; очень скромно приняв пищу, они удалялись». В тот же день приносили надгробную жертву Гиакинфу, гробницу которого показывали под алтарем Аполлона в Амиклах. «Во второй день имели место различные представления и собрания, на которые стоило посмотреть. Вперед выходили мальчики в высоко поднятых хитонах, играли на кифарах и пели в сопровождении флейты, ударяя сразу по всем струнам и пронзительными голосами восхваляя бога в ритме анапеста. Другие в полном вооружении скакали на лошадях на место встречи; затем вперед выходили молодые люди, распевая местные песни: вместе с ними появлялись плясуны, сопровождаемые аккомпанементом флейт и песен. В плетеных корзинах или в специально украшенных колесницах прибывали девушки; другие девушки, как в хороводе, сводили процессии друг с другом, и весь город пребывал в радостном возбуждении в предвкушении представления. В этот день совершались многочисленные жертвоприношения, и граждане веселились, вовлекая в празднования своих знакомых и даже собственных рабов. Все присутствовали на священном празднике, и казалось, весь город вымер, поскольку все сходились на представление». Что происходило в третий день, об этом никто не упоминает. Возможно, он был посвящен различным гимнастическим играм. В этот же день статую бога облачали в новый хитон, ежегодно приготавливаемый спартанскими женщинами. На празднике председательствовали наследственные жрецы Аполлона из влиятельного рода Эгеидов (фиванского по своему происхождению).

Другим знаменитым празднеством лакедемонян были Гимнопедии – хоровые пляски обнаженных юношей в честь Аполлона Пифаея, проводившийся ежегодно, начиная с 670 г. до Р.Х. По словам Павсания, этот праздник был любим больше, чем какой-либо другой. Он настолько высоко почитался спартанцами, что даже самые печальные события не могли служить оправданием отсутствия на этом празднике. Проходил праздник в месяце гекатомбее (июль-август) и состоял главным образом в военных плясках: хоры красивейших мальчиков и лучших мужей, без всякой одежды, намазавшись маслом, плясали и пели песни Фалета, Алкмана, а также пеаны Дионисодора. Это происходило в Спарте, на рынке, подле статуи Аполлона Пифийского и Артемиды. В память сражения при Фирее (550 г. до Р.Х.) начальники хоров носили на головах венки из пальмовых листьев, называемых фирейскими. Слава храбрых воинов, павших в этот день, воспевалась с мимическими представлениями сражений. Начало пляски было тихо и мерно: плясавшие изображали движением рук и ног различные гимнастические игры (борьбу, панкратий); затем следовала торжественная пирриха, которая заканчивалась самыми живыми, быстрыми, изящными движениями. Все это требовало большого напряжения сил и долговременных упражнений. Телесная красота, стройность и ловкость движений молодых людей представляли прекрасное зрелище, на которое стекалось множество зрителей. В эти дни Спарта была наполнена гостями из других полисов. В последний день гимнопедий выступал хор мужей.

Наконец, Лаконика была знаменита своими Карнейскими празднествами (в честь Аполлона Карнейского и прорицателя Карна из Акарнании) – ежегодными выступлениями танцоров и певцов, имитирующих военные тренировки. Каждый из участников выступал от своей фратрии (всего было представлено 27 фратрий). Праздник начинался в седьмой день месяца карнейос (августа) и продолжался девять дней. По свидетельству Афиная, он представлял собой полную картину лагерной жизни. На девяти площадках в городе ставились палатки или шалаша, называемые скиадами, в каждой из которых помещалось по девять человек, обедавших вместе и совершавших все действия по команде. Главный жрец, распорядившийся священными обрядами, назывался агитом. Он имел из каждого спартанской филы по пяти служителей, именуемых карнеатидами, которые исполняли обязанности четыре года и в продолжении этого времени не могли вступать в брак. Бегание происходило следующим образом.

Один из молодых людей выступал вперед, желал благополучия государству и потом убегал. Несколько других, называемых стафилодрамами, преследовали его, и если догоняли, это считалось хорошим предзнаменованием, потому что уходивший изображал осенний сбор плодов; таким образом надеялись, что государство будет иметь изобилие плодов. На Карнейских празднествах устраивались также музыкальные состязания, в которых принимали участие лучшие артисты со всей Эллады.

Из других характерных явлений религиозной жизни Спарты упоминают соревнование девичьих хоров в шествиях на женских праздниках. При этом исполнялись парфении – специальные песни для хора девушек. Основателем и лучшим мастером жанра парфениев считался Алкман (630 г. до Р.Х.) – грек из лидийских Сард. В качестве раба он был привезен в Спарту, где вырос в доме Агесида, был отпущен на волю и даже, кажется, приобрел гражданство.

22) Брак и семья

Все греческие авторы (и многие из них с осуждением) говорят о необычайной для Древней Греции свободе, которой пользовались спартанские женщины и девушки. При этом в Спарте попирались и как бы демонстративно игнорировались обычные в других полисах представления о благопристойности и стыдливости. Уже сама внешность спартанских девушек казалась вызывающей. Обычно они не носили ничего, кроме короткого шерстяного хитона без рукавов, который доходил до колен и сбоку имел высокий разрез, так что при ходьбе было видно бедро; зимой девицы накидывали поверх хитона короткий плащ. В гимнасиях и при исполнении упражнений спартанские девушки скидывали с себя и эту единственную одежду, оставаясь обнаженными (или снимали хитон с одного плеча, обнажая грудь, и подпоясывались повыше). Согласно установлениям Ликурга, они, как и юноши, должны были являться во время торжественных процессий без платья, плясать и петь на некоторых праздниках обнаженными в присутствии и на виду у молодых людей. Подтверждением того, что спартанцы совершенно спокойно, без всякого осуждения относились к наготы, служат архаические бронзовые статуэтки лаконского производства. Они изображают девушек либо одетых в короткие хитоны, либо совершенно обнаженными.

Если в Афинах девушки проводили свою жизнь дома взаперти за каким-нибудь рукоделием и всегда находились под строгим надзором родителей, то в Спарте они могли без помех перемещаться по городу, участвовать в соревнованиях и охотиться. Непринужденное общение между девушками и юношами естественно приводило к тому, что между ними завязывались любовные отношения. Однако, допустив с одной стороны подобную свободу нравов, Ликург, с другой стороны, стеснил и ограничил брачную жизнь. Юноши в Спарте считались призванными на военную службу и фактически не имели ни своего дома, ни своего личного времени. Только после 30 лет спартанцы покидали казармы и получали право на частную жизнь. Тогда они могли заводить свой дом и семью. Все это привело к тому, что среди спартанской молодежи сложился весьма своеобразный институт «полулегального брака».

Поскольку нельзя было устроить официальную свадьбу, невест (как правило, по взаимному соглашению) брали уводом. Похищенную, пишет Плутарх, принимала так называемая подружка, коротко стригла ей волосы и, нарядив в мужской плащ, обув на ноги сандалии, укладывала одну в темной комнате на подстилке из листьев. Жених, не пьяный, не размякший, но трезвый и как всегда пообедавший за общим столом, входил, распуская ей пояс и, взявши на руки, переносил на ложе. Пробыв с нею недолгое время, он скромно удалялся, чтобы по обыкновению лечь спать вместе с прочими юношами. И впредь он поступал не иначе, проводя день и отдыхая среди сверстников, а к молодой жене навещаясь тайно, с опаской, как бы кто-нибудь в доме его не увидел. Со своей стороны и женщина прилагала усилия к тому, чтобы они могли сходить, уловив минуту, никем не замеченные. Так тянулось довольно долго: у иных

уже дети рождались, а муж все еще не видел жены при дневном свете. Такая связь, продолжает Плутарх, была упражнением в воздержности и в здравомыслии – тело благодаря ей всегда испытывало готовность к соитию, страсть оставалась новой и свежей, не пресыщенной и не ослабленной беспрепятственными встречами; молодые люди всякий раз оставляли друг в друге какую-то искру вождения.

Плутарх был склонен идеализировать спартанские обычаи, но другие авторы, например, Аристотель, не были так ослеплены. Они пишут, что свобода, которой искони пользовались спартанские женщины, не пошла им на пользу, сделала их распущенными и легкодоступными. Этому способствовала также их экономическая независимость. После Пелопоннесской войны, во время которой погибло много мужчин, большое число земельных наделов (клеров) перешло в руки овдовевших женщин. Вследствие этого они приобрели в Спарте чрезвычайное (и, по мнению Аристотеля, совершенно недопустимое) влияние. Часто бывало и так, что единственной наследницей клера оказывалась незамужняя девушка. Если отец не успел обручить её, она становилась женой ближайшего родственника. Если же по этому делу выходил спор, выбор мужа принадлежал царям.

Некоторые авторы (в частности, Аристофан в своих комедиях) говорят о «мужеподобии» спартанок. Действительно, под тотальным влиянием мужской этики они были вынуждены формировать свои сообщества по мужскому типу, имитируя их систему воспитания, включая обряды инициации и культовые церемонии. Не только девушки, но и женщины постоянно посещали палестру. Лучшей считалась преуспевшая в физических упражнениях.

Брачные отношения рассматривались в Спарте как своего рода государственная повинность. Их главной целью было воспроизводство граждан-воинов. На это намекала, между прочим, и сама обстановка родов (женщины рожали, лежа на щитах). С самого рождения ребенок принадлежал не матери, а государству. Решение о его дальнейшей судьбе (жить ему или не жить) принимали старейшины в лесхе.

Тот же грубоватый, казарменный рационализм виден и во многом другом. Ликург, как известно, осуждал ревность, считал, что спартанцы даже в интимных отношениях должны помнить о нуждах государства. Так муж молодой жены, если у него был на примете порядочный и красивый юноша, мог ввести его в свою опочивальню, а родившегося от его семени ребенка признать своим. Главным было получить здоровое и крепкое потомство!

Бедность и недостаток внешних данных не должны были служить препятствием к браку. В Спарте существовал обычай закрывать в темной комнате неженатых юношей и незамужних девушек; и каждый молодой человек обязан был взять в жены без приданного ту девушку, которую ухватил в темноте.

Полибий пишет о другом, весьма распространенном среди лакедемонян обычае, в силу которого трое-четверо мужчин (а то и больше, если они братья) имели одну жену, и дети их были общие. Похвальным и обычным почиталось, когда какой-либо гражданин, произведши достаточное количество детей от своей жены, предоставлял ее кому-нибудь из друзей.

В Спарте было принято усыновлять чужих детей. В том числе и по экономическим причинам. Поскольку клеры не дробились и целиком передавались старшим сыновьям, часто единственным механизмом получения земельного участка для младших сыновей было усыновление их семьями, где не было наследников-мужчин. Условием подобного усыновления могла быть женитьба на дочери владельца клера.

23) Однополая любовь

Полноправные граждане могли быть рождены только в браке полноправных граждан. Поэтому холостая жизнь в Спарте однозначно осуждалась. Как обычаи государства, так и его законы принуждали неженатых мужчин к вступлению в брак. Ликург, пишет Плутарх, уста-

новил своего рода позорное наказание для холостяков: их не пускали на гимнапедии, зимою, по приказу властей, они должны были нагими обойти вокруг площади, распевая песню, сочиненную им в укор (в песне говорилось, что они терпят справедливое возмездие за неповиновение законам), и, наконец, они были лишены тех почестей и уважения, какие молодежь оказывала старшим. Вот почему, продолжает наш автор, никто не осудил дерзости, которую пришлось выслушать даже такому прославленному человеку, как полководец Деркиллид. Какой-то юноша не уступил ему места и сказал так: «Ты не родил сына, который бы в свое время уступил место мне».

Однако, не смотря на подобные поношения, значительная часть спартиатов не спешила отягощать себя узами брака. Как и в любом военизированном обществе с сильно развитой половой сегрегацией массовые гомосексуальные связи считались здесь обычным явлением. Особенно процветала в Спарте педерастия – тесная дружба между мальчиками и мужчинами. Каждый мужчина выбирал себе юного партнера в качестве возлюбленного. Подобные любовные отношения не считались у спартанцев предосудительными. Более того, юношу порицали, если он не мог найти себе друга или любовника. Считалось, что крепкая любовная связь между воинами есть та сила, которая поддерживает государство. Оба, и мужчина, и мальчик, стремились насколько возможно развивать в себе качества мужской добродетели. Старший отвечал за поведение младшего и должен был во всем служить ему примером. Любовники всеми силами помогали друг другу на гимнастических состязаниях, в народном собрании и в сражении.

Женщины вели себя точно так же. Плутарх пишет, что у спартанцев допускалась такая свобода в любви, что даже достойные и благородные женщины любили молодых девушек.

24) Воспитание и образование молодежи

Воспитание детей считалось в Спарте государственным делом, и поэтому оно было отдано в ведение особому магистрату – педоному. Педоному подчинялась коллегия из пяти бидиеев, ведавшая организацией состязаний юношей и наблюдавшая за их гимнастическими упражнениями. При бидиеях состояли особые лица, осуществлявшие наказание детей – мастигофоры.

Едва мальчику исполнялось семь лет, педоном приписывал его к группе (иле или агеле) однокотков. Здесь старший группы (иларх), более взрослый товарищ и одновременно учитель, руководил детьми на занятиях гимнастикой. Агелы были полностью свободны от сословных различий; по словам Аристотеля, «дети богатых живут в той же обстановке, что и дети бедных, и получают такое же воспитание, какое могут получать дети бедных». Из нескольких небольших групп составлялась одна большая, которую спартанцы называли стадом (буа). Буагоры, командовавшие буа, назначались из умнейших и храбрейших 19-летних юношей.

Постепенно взрослея, юные спартанцы последовательно именовались сидевнами (в 13–15 лет), меллиренами (в 16–18 лет), иренами (в 19 лет) и, наконец, сфереями (так называли юношей, зачисляемых в число взрослых мужчин).

Плутарх пишет, что условия, в которых жили спартанские мальчики, с каждым годом становились жестче. В двенадцать лет мальчики должны были обходиться без хитона, получая раз в год по гиматию. Бани и умачения были им мало знакомы. За весь год они лишь несколько дней пользовались этим благом (вместо этого предписывались ежедневные купания в холодных водах Эвроты). Спали мальчики вместе, по илам и отрядам, на подстилках, которые сами себе приготавливали, ломая голыми руками метелки тростника на берегу Эвроты. Кормили детей весьма скудно, чтобы, перенося лишения, они сами, волей-неволей, понаторели в дерзости и хитрости. Один раз в десять дней мальчики и юноши появлялись без одежды перед правителями города, которые осматривали атлетов и оценивали результаты тренировок.

В 20 лет сфереи становились полноправными гражданами, но, не смотря на это, вплоть до 30 лет (пока продолжалась их служба государству) они оставались под контролем педонома.

Девушки, подобно юношам, были разбиты на агелы и илы. Они также имели свои гимнасии, где занимались беганьем, прыганьем, борьбой, метанием. Во время атлетических и музыкальных состязаний, обычно сопутствующих религиозным празднествам, илы девушек вступали в борьбу друг с другом, как соревнующиеся за первенство «команды».

Вся образовательная и воспитательная система в Спарте была направлена исключительно на формирование военных навыков. Гуманитарный цикл занимал в их образовании минимальный объем. Фактически оно ограничивалось изучением Гомера и спартанских поэтов-патриотов, главным из которых считался Тиртей. Поэзия вообще играла огромную роль в создании и закреплении в общественном сознании необходимых норм поведения. Кроме того, мальчики обучались чтению и письму. Большого от них не требовалось. Ведь в Спарте не было своей интеллигенции. Письменная культура рассматривалась здесь как нечто неуместное и даже опасное. Изучение музыки, напротив, поощрялось; мальчиков обучали хоровому пению и обращению с такими музыкальными инструментами как четырехструнная кифара (форминга) и флейта. Это было связано с тем, что музыкальные инструменты являлись в древности неотъемлемым аксессуаром любого войска. Ритмическая, однообразная музыка сопровождала каждое действие, каждое событие и помогала объединиться в общем порыве. Даже во время сражения в рядах спартанцев находились авлеты, игравшие ном и напоминавшие лакедемонянам о доблести их предков.

25) Военная подготовка

Спартанцы были первые, кто, опираясь на опыт, полученный в сражениях, пришли к определенным выводам и написали об этом книги. Военное дело, которое по всеобщим представлениям зависело от одной только доблести и до известной степени от счастья, они сделали предметом опыта и изучения, сведя к системе дисциплины и тактики. Они же выдвинули учителей военного искусства, которых называли тактиками, чтобы те обучали их молодежь искусству боя и различным приемам владения оружием. Под руководством буагоров спартанцы постоянно занимались военными упражнениями – маршами, маневрами, построениями – и обретали благодаря им отличную выучку – спартанские отряды мгновенно исполняли команду и в сражениях действовали как члены одного тела.

Слаженность действий достигалась хорошо поставленной строевой подготовке. Спартанцы с детства обучались ходить в ногу и делать перестроения. Для проверки боевой готовности периодически устраивались смотры, заканчивающиеся состязаниями. Обучение начинали с того, что новобранцев учили маршировать колонной по одному, следуя за командиром. Все приказы отдавались голосом и выполнялись по сигналу трубы. Когда новобранцы были обучены ходить шеренгой, им показывали, каким образом перестраиваться в ряды различной длины. Основные приемы отрабатывались на уровне энмотии – небольшого подразделения, численностью в 36 человек. Так, по команде перестроиться в колонну по три, номера с 1 по 12 оставались на месте. Стоящие за ними номера с 13 по 24 и с 25 по 36 двумя колоннами выходили из строя и продвигались вперед. Если каждая колонна разделялась на две, можно было образовать квадрат шесть на шесть. Ряды можно было разомкнуть на два шага или соединить, уменьшив расстояние до шага.

Более крупные подразделения (лохи и моры) учили разворачиваться в боевой строй из походной колонны и обращать его по команде налево или направо. Учили совершать обходные маневры – например, выдвигать вперед фланги, охватывая строй противника. Происходило это так: по сигналу трубы оба крыла сворачивали строй в походную колонну и начинали двигаться от центрального ядра. На определенном расстоянии они поворачивались и, колонной

же, начинали продвигаться вперед, по направлению к противнику. Когда оба крыла заканчивали эту часть маневра и подобно рогам устремлялись вперед, начинал продвигаться и центр колонны. Сравнявшись с противником, атакующие фланги разворачивались внутрь, лицом к врагу, и вступали в бой.

Для того чтобы воспитать в молодежи боевой дух, периодически устраивались бои между различными отрядами. Как это происходило, можно узнать из Павсания: «местность (в Спарте), так называемая «Платановая аллея»... назначено для упражнений эфебов в боях. Оно кругом обведено рвом, наполненным водою, как будто какой-то остров, окруженный морем; пройти сюда можно по двум мостам... Вот что совершается тут эфебами: перед сражением они приносят жертву в Фойбее... Тут каждая половина эфебов приносит Эниалию (богу кровопролития) молодого щенка... На следующий день, незадолго до полдня, они входят по мостам в данное место... Они сражаются здесь, пуская в ход кулаки и ноги, кусаются, выбивают друг другу глаза... нападают друг на друга толпой и сталкивают друг друга в воду».

26) Спартанское войско

Все спартанское войско делилось на шесть мор, находившихся под командованием своих полемархов. Каждая мора в свою очередь делилась на четыре лоха (в среднем ок. 280 чел.) под командованием своего лохага; каждый лох – на четыре пентекостии (ок. 70 чел.) под командованием пентеконтера; каждая пентеконтера – на два эномотия (ок. 35 чел.) под командой эномотарха.

Первый лох каждой моры состоял из воинов младшего возраста (от 20 до 40 лет) и предназначался для активной службы. Второй лох составляли воины старшего возраста (от 40 до 60 лет). Благодаря присоединению к нему периэков, которые были причислены к шести морам, его численность могла достигать до 500 человек. В третий лох входили спартанцы старше 60 лет, а в четвертый – моложе 20 лет. Третий и четвертый лохи не были обязаны нести службу за пределами государства. Они составляли немногочисленные гарнизоны в укрепленных пунктах, которые в случае необходимости усиливались периэками и илотами.

В походе обычно участвовало несколько лохов. Например, четыре первых лоха только четырех мор или же все первые лохи шести мор. Очень редко в поход отправлялись первые и вторые лохи всех шести мор – общим числом 12 лохов. Полемарх отправлялся в поход всегда, даже если в нем участвовал только один лох его моры.

В состав первой моры входили 300 лучших гоплитов, составлявших личную гвардию царя.

К каждой море пехоты присоединялась мора конницы, которая разделялась на два улама (по 50 чел.). Собственно конников-спартанцев было мало. Недостаток компенсировался за счет наемников.

Должность полемарха была выборной, причем эти должностные лица избирались не только в военное, но и мирное время, так как Спарта и в мирное время представляла собой военный лагерь. Полемархам принадлежало верховное наблюдение за общими трапезами спартанцев.

При построении все спартанские командиры (эномархи, пентеконтеры и лохаги) занимали место на правом фланге того подразделения, которым руководили. Самым маленьким подразделением лаконской армии, как уже говорилось, была эномотия (36 человек). При глубине фаланги в 12 рядов каждая эномотия делилась на три ряда и соответственно на шесть полурядов. Лучший воин в каждом ряду и полуряде был его командиром. Все старшие командиры и командиры рядов находились в первой шеренге.

Вне общей структуры лаконского войска оставались скирийцы – особая группа периэков (от имени Скиритиды – северо-западной, дикой горной области Лаконики). Они образовывали

в войске лакедемонян отдельный отряд легкой пехоты, служивший в лагере, главным образом на передовых постах, а во время похода исполнявший авангардную и арьергардную службу; в сражениях скирийцы всегда занимали определенную позицию на левом фланге.

Важную роль в заграничных походах лакедемонян играли отряды союзников. Для вербовки их контингентов спартанское государство направляло в союзные города особых чиновников – ксенагов (по одному в каждый город). Они же предводительствовали союзными контингентами во время боя совместно с местными офицерами, координируя их действия.

Спартанцы не имели своего флота (даже в период наивысшего могущества собственный флот Спарты не превышал двух-трех десятков кораблей). Тем не менее, со времен персидских войн им приходилось командовать весьма значительными морскими силами, состоявшими из кораблей союзников. Обычно над спартанской армией начальствовали цари; но так как один из царей должен был стоять во главе сухопутного войска, а, по традиции, оба царя не выступали одновременно из Спарты, во главе флота находился наварх – выборное лицо, избираемое народным собранием на один год. Навархи, как и все без исключения спартанские магистраты, подчинялись эфорам. В случае гибели наварха командование переходило к его помощнику и заместителю эпистолею.

27) Спартанцы в походе

Все зачисленные в армию обязаны были являться на службу со своим вооружением и продовольствием. Содержание за счет государства полагалось только для царя и его свиты. В случае объявления мобилизации каждый призванный спартиат должен был иметь припасов на 20 дней, как для себя, так и для сопровождавшего его оруженосца-илота. Основу рациона составлял ячмень, которого на двоих на 20 дней требовалось около 50 л. Кроме ячменя воины брали сыр, лук, соленое мясо и небольшое количество вина. Носили пищу в заплечном мешке. Ячмень обычно мололи заранее. Помимо провианта воинам приходилось нести постельные принадлежности (их иногда прикрепляли для переноски прямо к щиту), а также некоторое количество одежды. Точно также мобилизовывались вспомогательные части. Каждой повозке полагалось иметь лопату и мотыгу, а на каждое вьючное животное приходился топор и серп. Среди сопровождавших армию ремесленников числились кузнецы, плотники, кожевники из перизков – все призывного возраста.

При выступлении в поход царь приносил жертву Зевсу-Предводителю. К жертвоприношению всегда приступали в сумерках, как бы желая предвосхитить благоволение богов. При жертве присутствовали полемархи, лохаги, пентеконтеры, начальники наемников, заведующие обозом. Присутствовали также два участвовавших в походе эфора, которые без приглашения царя не вмешивались в дела, но внимательно следили за всем происходящим.

Предметом особого внимания спартанцев было соблюдение секретности. Когда какой-либо спартанский военачальник или вообще магистрат отправлялся на службу за границу, ему давался с собой деревянный жезл с винтовой нарезкой, называвшейся «скиталой». Такой же экземпляр скиталы оставался на родине. Если заграничному представителю нужно было передать важное секретное поручение, на оставшуюся на родине скиталу по нарезке наворачивалась полоса кожи и затем на ней писали вдоль скиталы. Затем ремень снимали, написанное на нем мог прочесть только адресат, снова накрутив ремень тем же способом на свою скиталу.

Когда войско достигало границы государства, здесь приносили жертвы (диабатерии) Зевсу и Афине. При совершении обоих жертвоприношений жрецы совершали гадания по внутренностям жертвенных животных. Особый «огненосец» при втором жертвоприношении зажигал с жертвенника священный огонь, который поддерживался в течение всего похода.

Все лохи, выступившие в поход, образовывали единый строй – фалангу. В походном построении каждый солдат имел по 6 греческих футов свободного пространства, считая рас-

стояние от копья одного солдата до копья его соседа и от груди переднего до груди за ним стоящего. В сомкнутом (боевом) построении это пространство сокращалось до 4 футов. Непосредственно перед боем ряды смыкались, так что щит одного солдата касался щита другого.

В походном строю лохи двигались один за другим. Впереди основных сил шла конница и скириты (лучники). Ночью вперед выступала тяжеловооруженная пехота. Для перевозки припасов, снарядов, сосудов, палаток и другого снаряжения требовалось много упряжного и выючного скота, повозок и прислуги. В обозе ехали слуги и щитоносцы тяжелой пехоты. Они заботились о провианте, помогали носить щиты и другое снаряжение. Кроме того, в обозе находился убойный скот, для которого также везли запас корма. Вся эта толпа распадалась на несколько отрядов и находилась под управлением особых начальников. Обоз двигался вместе с отдельными частями войска, то спереди от него, то посередине.

Лакедемоняне продвигались вперед с пением маршевых песен – их мелодии игрались на авлосе, а слова более речетатировались, нежели пелись; ритм отбивался ногами гоплитов.

Приказы на марше подавались не трубой, а рогом. Сигналы эти большей частью касались разбивки лагеря, движения вперед и остановки на отдых. Однако команда «подъем» подавалась утром при помощи трубы. Если армии нужно было пройти по ущелью, то вся она делилась на две колонны, а обоз размещался между ними, чтобы защитить его от возможного нападения. Причем каждая мора сопровождала свое собственное имущество. Каждый лох становился так, чтобы люди могли двигаться в один ряд там, где дорога была узкой, и перестраиваться в колонну по несколько человек там, где местность становилась достаточно открытой. Сзади часть воинов, построившись фалангой, охраняла вход в ущелье. Когда войско останавливалось на дневку или ночевку, на господствующие высоты отправлялись конные разъезды.

Лагерь спартанцев имел форму правильного круга, и каждая мора имела в нем свое определенное место. Там она разбивала свои палатки, оставляя перед ними довольно обширную свободную площадь для упражнений. Рядом с царем в государственной палатке располагались полемархи и остальная свита, в которую входили гадатели, лекари, музыканты и др. Никто не смел покинуть лагерь без веской причины. Каждый день утром в лагере проводились военные упражнения. За ними следовали завтрак и смена караулов. Остальную часть дня проводили в отдыхе и забавах. Вечером обедали, потом совершали молитвы. Всеми внутренними делами в лагере заведовал первый полемарх. Он давал пароли и распоряжения. Обучение, пайки, вооружение – все находилось в его ведении.

Часто в лагере устраивались песенные соревнования – каждый спартанец должен был пропеть отрывок из Тиртея. Командир был судьей и врусал в качестве награды победителю лишнюю порцию мяса.

28) Спартанцы в бою

В преддверии битвы спартанцы полировали щиты, готовили оружие и расчесывали свои длинные волосы. В день битвы воины увенчивали себя венками, а затем царь под звуки флейты непосредственно перед лицом противника приносил в жертву козу (по одним свидетельствам, Артемиде-Агротере, по другим – музам). Гадатели изучали знамения и давали царю совет, следует ли тому начинать битву. Если все благоприятствовало сражению, спартанцы шли завтракать, а затем, все еще украшенные венками, занимали свое место в фаланге. Царь отдавал приказы полемархам, а те передавали их своим лохаргам. (В спартанском войске приказания военачальника не передавались звуками трубы или поднятием сигнала, что могли бы легко заметить враги; каждый воин устно передавал команду своему соседу, и таким образом она обходила все войско).

Когда все распоряжения были переданы, командиры занимали свои обычные места в первой шеренге фаланги – каждый на правом фланге подчиненной ему единицы. Там они ожидали

команды к наступлению, которую подавали сигналом трубы. Затем царь передавал по рядам боевой клич, он прокатывался по шеренгам от воина к воину и возвращался к правителю. Царь запевал «Касторову песнь». Звучали трубы, играли флейты, гоплиты выравнивали свои копья и начинали движение вперед, придерживаясь заданного флейтой темпа. Воины наступали, твердо держа строй и не испытывая никакого смятения. На ходу они затягивали пеан – своего рода призыв к Аполлону-искупителю, распевный речитатив, служивший пробуждению воинского духа и обретению покровительства демонов-керов. Непосредственно перед столкновением пение стихало, и криком «Алалай!» спартанцы призывали бога кровопролития Эниалия.

Когда фаланга сближалась с противником, снова раздавались звуки трубы и гоплиты опускали копья в боевую позицию над правым плечом. Теперь они переходили на бег. Затем фаланги с грохотом, происходившим от удара щитами о щиты, сталкивались. Задние ряды напирала на передние и пытались давить всем своим весом на фалангу противника. Когда какой-нибудь воин падал, его место в шеренге занимал следующий в ряду. Когда царь считал, что победа одержана, вновь звучала труба, и раздавался сигнал к отходу.

Павших воинов погребали завернутыми в багряный плащ, с венцами на голове. Тело усыпали оливковыми листьями и предавали земле.

Захваченная во время войны добыча считалась достоянием казны. Особые должностные лица – лафиропопы – сохраняли ее, а потом продавали с аукциона.

9. Афины

Реформы Солона

1) Государственное устройство в Афинах

После трагической смерти Кодра, афинские цари из рода Меланфидов начали постепенно утрачивать свою власть, которая стала переходить к избираемым должностным лицам – архонтам. Первой, еще в начале XI в. до Р.Х., была учреждена должность полемарха – военачальника. В царствование сына Кодра Медонта появилась новая высшая должность архонта-эпонима. При этом, если полемарх занимался военными делами, то архонт должен был решать вопросы политической жизни.

Как и царь, два эти должностных лица сперва исполняли свои полномочия пожизненно. В 754 г. до Р.Х. было установлено, что их переизбрание должно осуществляться каждые 10 лет. С этого времени важное значение в жизни города стал играть совет родовой знати – Ареопаг. Роль аристократии еще более усилилась в 714 г. до Р.Х., когда в цари стали избирать не только Меланфидов, но и представителей других знатных родов. Таким образом, монархический строй окончательно заменился аристократическим. В 683 г. до Р.Х. пере выборы архонтов стали производить ежегодно. Тогда же их число было доведено до девяти. Шесть дополнительных архонтов являлись «хранителями установлений» – фесмофетами. Им вменялось в обязанность записывать правовые положения и хранить их для суда над спорящими сторонами.

Самым влиятельным государственным органом в Афинах сделался Ареопаг, который распоряжался большинством важнейших дел и был высшей судебной инстанцией. Что касается народного собрания, включавшего всех граждан полиса, то оно было в ту пору размытым и не имело решающего голоса. Простой народ находился в жестокой зависимости у богатых и знатных. Почти вся земля была захвачена ростовщикам. Крестьяне-арендаторы отдавали им за пользование наделами шестую часть собираемого урожая. Тех же, кто не мог выплатить причитающиеся проценты, безжалостно продавали вместе с семьей в рабство.

Наряду с гражданами в Афинах проживало значительное число приезжих, которых называли метэками. Они не имели политических прав, однако пользовались покровительством закона, выплачивали умеренный налог и должны были нести военную службу. Метэкам не позволялось иметь во владении землю. Поэтому они занимались ремеслом и торговлей.

2) Килонова смута и ее последствия

В ту пору, когда в других городах Эллады начались распри между знатью и народом, в Афинах произошла, так называемая, Килонова смута. Килон был человеком влиятельным и знатным. Славу своего рода он еще больше умножил, выиграв соревнования в двойном беге во время Олимпиады 640 г. до Р.Х. и женившись на дочери мегарского тирана Феагена. Как-то раз Килон спросил оракул в Дельфах, и бог изрек следующее многозначительное пророчество: на величайшем празднике Зевса Килон должен завладеть афинским акрополем! Килон истолковал оракул в том смысле, что ему предназначено сделаться афинским тираном. И вот, во время очередных игр в пелопонесской Олимпии (это случилось в 636 или 632 гг. до Р.Х.), он с отрядом вооруженных людей, присланных Феагеном, а также своими приверженцами из числа афинян захватил акрополь.

Едва распространилась весть об этом событии, горожане быстро сбежались с полей и осадили Килона. Впрочем, особенного рвения в войне они не проявили (ведь власть аристократии вовсе не была популярной). Убедившись, что осада будет долгой, афиняне разошлись по домам. Стеречь заговорщиков поручили девяти архонтам. Между тем, осажденные сильно страдали от голода и жажды. Килону и его брату удалось каким-то образом бежать. Остальные сели у алтаря, как умоляющие о защите. Архонт Мегакл, принадлежавший к знатному афинскому роду Алкмеонидов, уговорил их сойти, пообещав представить дело решению суда. Поведав ему на слово, заговорщики привязали к статуте Афины нитку и, держась за нее, вышли из акрополя (таким образом, они как бы продолжали оставаться под защитой богини). Поначалу все шло хорошо, но когда сподвижники Килона поравнялись с храмом богинь-мстительниц Эвменид, нитка вдруг сама собой оборвалась. «Богиня отвергла их мольбу!» – воскликнул Мегакл. Все обещания и клятвы были вмиг забыты. Архонты перехватили несчастных и велели побить их камнями. Тех же, кто искал убежища у алтарей, закололи. Многие афиняне, втайне сочувствовавшие Килону, были возмущены этой расправой. Убийц (в особенности, Алкмеонидов) стали называть «проклятыми» и все их ненавидели. Оставшиеся в живых заговорщики Килона вскоре опять вошли в силу и постоянно враждовали с партией Мегакла.

3) Законодательство Драконта

В те далекие времена право в Афинах еще не было писанным. Все законы, на основании которых судьи выносили свои приговоры, они хранили в памяти. Можно представить, к каким это приводило злоупотреблениям! Желая хоть как-то ограничить своеволие знати, народ требовал, чтобы законы были записаны и выставлены на всеобщее обозрение. Наконец, в 621 г. до Р.Х. законодатель Драконт осуществил запись основных статей афинского законодательства. Гражданские права были предоставлены тем, кто мог приобрести себе тяжелое вооружение. Были обозначены наказания за уголовные преступления. Но если народ надеялся облегчить таким образом свою участь, он жестоко просчитался. Все законодательство Драконта отличалось чрезвычайной суровостью. Почти за все преступления была назначена одна кара – смертная казнь. В результате, люди укравшие овощи или плоды несли тоже возмездие, что святотатцы и человекоубийцы. Недаром впоследствии славилось выражение одного оратора, что Драконт написал свои законы не черной краской, а человеческой кровью. (Говорят, когда законодателя спросили, почему он все проступки без разбора карает смертью, тот будто бы отвечал, что мелкие преступления, по его мнению, заслуживают именно такого наказания, а для крупных он не нашел большего).

4) Распря из-за Саламина

После килоновой смуты в течении долгого времени в Афинах происходили раздоры между знатью и народом. Из тогдашних условий государственной жизни самым тяжелым и горьким для народа было рабское положение. Впрочем, и всем остальным он тоже был не доволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли. Окончательно потеряв терпение, народ восстал против знатных. Смута была сильная, и долгое время одни боролись против других.

В это время среди афинских политиков видную роль начал играть Солон, сын Эксекида. Отец его по состоянию и положению относился к средним гражданам, но по происхождению принадлежал к первому знатному дому: отдаленным его предком являлся Кодр. Сам Солон в молодости занимался торговлей. Впрочем, к богатству он не стремился и лишь старался приобрести необходимое. Громкую известность среди афинян принесла ему война за Саламин – небольшой каменистый остров, замыкающий широкую лагунообразную Элевсин-

скую бухту. Афины и Мегары в течение долгого времени боролись за него, поскольку государство, владевшее островом, господствовало в водах Саронического залива. Но, увы, все попытки афинян утвердиться на этом клочке суши, закончились неудачей. Утомленные долгой и тяжелой войной, они приняли специальный закон, под страхом смертной казни запрещавший гражданам в письменной или устной форме вновь поднимать вопрос о Саламине.

Солона сильно огорчало это позорное положение. Он видел, что многие молодые люди ждут только повода начать войну, но не решаются поставить вопрос о ней на обсуждение. Как же обойти это затруднение? Солон решил притвориться сумасшедшим. Из его дома по городу распространился слух, что Солон выказывает признаки умопомешательства. Тем временем, он тайно сочинил стихи, выучил их, чтобы говорить наизусть, и вдруг бросился на площадь с шапочкой на голове. Сбежалась масса народа. Солон вскочил на камень, с которого обычно говорили глашатаи, и пропел стихотворение, начинавшееся словами:

С вестью я прибыл сюда от желанного всем Саламина,
Стройную песню сложив, здесь, вместо речи спою...

Когда Солон пропел свое сочинение до конца, его друзья начали хвалить стихи. Тогда афиняне отменили закон и опять объявили мегарянам войну, а начальником над войском поставили Солона. Чтобы добиться успеха, он решил действовать хитростью и послал на Саламин верного человека. Тот выдал себя за перебежчика и посоветовал мегарянам, если они хотят захватить афинских женщин высшего круга, как можно скорее плыть с ним на Колиаду. Поскольку все они, по древнему обычаю, как раз приносили там жертву Деметре. Мегаряне поверили ему и послали отряд на корабле. Когда Солон увидел отчаливавший корабль, он велел женщинам уйти прочь, а юношам, еще не имеющим бороды, приказал надеть их платья, головные уборы и обувь, спрятать под платьями кинжалы, а потом играть и плясать у моря, пока неприятели не выйдут на берег. Все случилось именно так, как он рассчитывал. Мегаряне, пристав к берегу, набросились на мнимых женщин, но встретили такой отпор, на который не рассчитывали. Ни один из них не спасся; все погибли. Афиняне взошли вместо них на корабль, поплыли на Саламин и легко овладели им (это произошло около 600 г. до Р.Х.).

Однако и позже мегаряне упорствовали в намерении вернуть себе утерянное. Наконец, обе стороны пригласили спартанцев и попросили их рассудить спор. Спартанцы приняли предложение и потребовали от обоих городов, чтобы те доказали основательность своих претензий на остров. Возник спор, и афиняне сумели взять в нем верх. Произошло это опять таки благодаря Солону, который ловко сослался на следующий стих из гомеровской «Илиады»:

Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов саламинских
Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги...

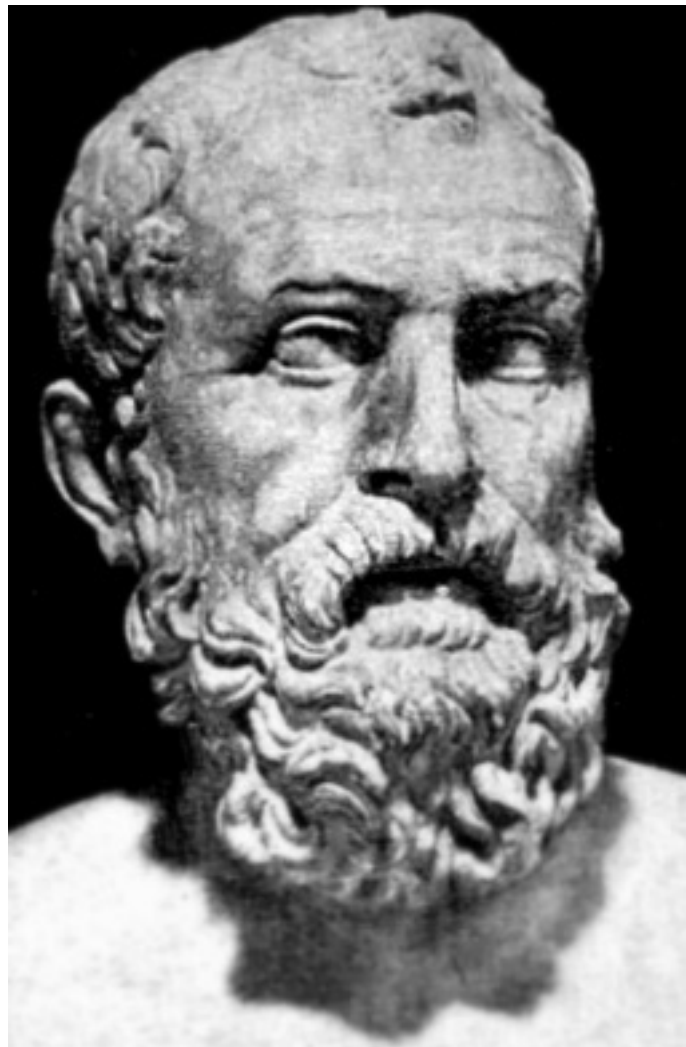
Таким образом он показал, что в древности остров принадлежал Афинам. Кроме того Солон заметил, что умершие похоронены на Саламине не по обычаю мегарян, а так, как хоронят афиняне: мегаряне обращают тела умерших к востоку, а афиняне – к западу. Спартанские судьи учли эти доводы и постановили, что остров должен остаться за Афинами.

5) Избрание Солона законодателем

Итак, к моменту, когда в городе вспыхнула гражданская смута, Солон уже пользовался среди сограждан большой известностью и мог выступить в качестве посредника. Прежде всего ему удалось смягчить последствия кошунства, совершенного при подавлении килонова мятежа, и много лет волновавшего афинское общество. Просьбами и убеждениями Солон уго-

ворил «проклятых» подвергнуться суду трехсот знатнейших граждан. Вскоре все они были осуждены. Оставшихся в живых приговорили к изгнанию, а трупы умерших были вырыты и выброшены за пределы страны.

Но едва «проклятые» ушли из Аттики, у афинян возобновился старый спор о государственном строе: население разделилось на несколько партий по числу различных территорий в Аттике. Горные жители более всех были сторонниками демократии. Главными приспешниками олигархического образа правления являлись жители равнин, а население побережья желало какого-то среднего, смешанного, государственного строя, и не давало ни той ни другой партии взять вверх. Поскольку неравенство между бедными и богатыми дошло до высшей точки, государство находилось в чрезвычайно опасном положении: казалось, оно сможет устоять, а смуты прекратятся только в том случае, если возникнет тирания. Весь простой народ был в долгу у богатых, но все большую популярность среди них обретали люди, которые призывали не оставаться равнодушными зрителями чужих несчастий, а выбрать себе одного вожака, освободить должников, пропустивших срок уплаты, поделить землю и совершенно изменить государственный строй.

*Бюст Солона. Коллекция Фарнезе. Музей национальной археологии Неаполя.
Wikimedia Commons / Krjas*

Тогда наиболее рассудительные люди в Афинах, видя, что Солон является, пожалуй, единственным человеком, за которым нет никакой вины, который никогда не был сообщником богатых и в то же время не угнетен нуждой, как бедные, стали просить его взять в свои руки государственные дела и положить конец раздорам. В 594 г. до Р.Х. он был избран архонтом, а вместе с тем посредником и законодателем. Все приняли его с удовольствием: богатые – как человека зажиточного, а бедные – как честного. Обе стороны были одушевлены большими надеждами; руководители их прямо предлагали Солону установить тиранию и обещали свою поддержку при перевороте. Однако никакие уговоры не могли поколебать его убеждений. Другим Солон сказал, что тирания – прекрасное местечко, вот только выхода из него нет.

б) Солон устраивает афинское государство

Хотя Солон отказался от тирании, во время своего правления он не проявлял особенной мягкости и слабости, не делал уступок лицам влиятельным и в законодательной деятельности не старался угодить тем, кто его избрал. Там, где дело обстояло вполне хорошо, он не применял врачевания и не вводил ничего нового, из опасения, что, "если в государстве все перевернуть вверх дном, то у него не хватит сил поставить все на место". Он применял лишь такие меры, которые, по его расчету, можно было провести путем убеждения, или такие, которые при проведении их в принудительном порядке не должны были встретить сильного сопротивления. По этому поводу он и сам говорил в своих стихах:

Я принуждение с законом сочетал!

Вот почему впоследствии, когда его спросили, дал ли он афинянам самые лучшие законы, Солон ответил: «Да, самые лучшие из тех, какие они могли принять».

Первым актом его государственной деятельности был закон, в силу которого существовавшие долги были прощены и на будущее время запрещалось давать деньги в долг под залог свободы. Судный процент был ограничен до приемлемого уровня. Те, кто лишился своих земельных наделов, получили их обратно. Солон сам говорил о своей заслуге:

Я убрал позор
Повсюду водруженных по межам столбов.
Была земля рабыней, стала вольною.

Вместе с тем он приказал разыскать и выкупить всех проданных в рабство афинян, куда бы их не угнали.

Все это были очень важные перемены, но, говорят, Солон не угодил своим нововведением ни той ни другой стороне: богатых он озлобил уничтожением долговых обязательств, а бедных – еще больше тем, что не произвел передела земли, на который они надеялись, и, по примеру Ликурга, не установил полного равенства жизненных условий. Впрочем, афиняне скоро поняли пользу нового закона и, оставив ропот, устроили общее жертвоприношение, которое называли сисахтией («стряхиванием бремени»), а Солон назначили исправителем государственного строя и законодателем. Они предоставили ему полномочия вводить и упразднить по своему усмотрению государственные должности, реформировать народные собрания, суды и советы, короче, дали ему право отменять или сохранять все, что он найдет нужным из существующих, сложившихся порядков.

Сосредоточив в своих руках высшую государственную власть, Солон прежде всего отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве.

Далее, желая оставить все высшие должности за богатыми, как было и прежде, а к прочим должностям, в исполнении которых простой народ раньше не участвовал, допустить и его, Солон ввел оценку имущества граждан и разделил их на четыре имущественных разряда.

(Следует отметить, что избрав в качестве главного критерия достаток, а не происхождение, Солон уже одним этим заметно подточил господство родовой аристократии). Тех, кто производил в совокупности пятьсот мер продуктов, как сухих, так и жидких, он поставил первыми и назвал их пентакосиомедимнами (то есть, людьми, чья земля давала ежегодно не менее пятисот медимнов (1 медимн равнялся 52,5 л) зерна, вина, масла или равной меры прочих продуктов). Вторыми он поставил тех, кто мог содержать лошадь или производить триста мер; этих называли "принадлежащими к всадникам". Зевгитами были названы люди третьего разряда, у которых было двести мер тех и других продуктов вместе. Все остальные назывались фетами (к этой беднейшей категории граждан принадлежали, в основном, поденщики и наемные работники); им он не позволил исполнять никакой должности; они участвовали в управлении государством лишь тем, что могли присутствовать в народном собрании и быть судьями. Последнее казалось сначала ничего не значащим правом, но впоследствии стало в высшей степени существенным, потому что большая часть важных дел попадала к судьям. Это было связано с общим усилением значения судебной власти, ведь даже на приговоры по тем делам, решение которых Солон предоставил должностным лицам, он позволил апеллировать в суд. Таким образом, простой народ почувствовал свою силу и получил реальные рычаги влияния на государственные дела, при том что богатые сохранили за собой все высшие должности. Солон не зря говорил в похвалу себе:

Власть даровал я народу в той мере, в какой он нуждался,
Чести его не лишил, но и не дал лишних прав.
Также о тех позаботился я, кто богатством и силой
Всех превзошел, – чтобы их не позорил никто.
Встал я меж тех и других, простерев мощный щит свой над ними,
И запретил побеждать несправедливо других.

Что касается древних родовых фил, то здесь Солон не стал ничего менять – их осталось четыре, как и раньше. Он сохранил также совет Ареопага из ежегодно сменяющихся архонтов. Но наряду с ним Солон учредил второй совет Четырехсот, выбрав в него по сто человек от каждой из четырех фил. Им он поручил предварительно (раньше народа) обсуждать дела и не допускать внесения ни одного дела в народное собрание без предварительного обсуждения. А совету Ареопага он предоставил надзор за всем и охрану законов: законодатель рассчитывал, что государство, стоящее на двух советах, как на якорях, меньше подвержено качке и доставит больше спокойствия народу.

После введения новых законов к Солону каждый день приходили люди. Одни хвалили его, другие – бранили, третьи советовали вставить что-либо в текст законов или, напротив, выбросить. Но больше всего было таких, которые обращались с вопросами и просили дополнительных объяснений о смысле каждой статьи и о ее назначении. Солон нашел, что исполнять эти желания нет смысла, а не исполнять значит возбуждать ненависть к себе. Поэтому под предлогом, что ему как владельцу корабля надо странствовать по свету, он попросил у афинян позволения уехать за границу на десять лет, и отплыл из Афин: он надеялся, что за это время они привыкнут к новым законам.

7) Солон и Крез

Во время своего путешествия Солон побывал в Лидии, на побережье Малой Азии. Лидийский царь Крез, был одним из самых могущественных властителей того времени. Царство его занимало половину Малой Азии. Вместе с тем он был сказочно богат – его сокровищницы буквально ломились от золотого песка. Его дворец в Сардах блистал пышностью и шумел

весельем, а подданные любили его за доброту и справедливость. Чего же еще мог желать человек? Сам Крез считал себя самым счастливым человеком на земле, и очень многие были с ним согласны.

Когда Солон приехал в Сарды, Крез устроил в его честь пышный пир, показал ему все богатства, а потом спросил: «Друг Солон, ты мудр, ты объездил полсвета; скажи, кого ты считаешь самым счастливым человеком на земле?» Солон ответил: «Афинянина Телла». Крез удивился и спросил: «А кто это такой?» Солон ответил: «Простой афинский гражданин. Но он видел, что родина его процветает, что дети и внуки его – хорошие люди, что добра у него достаточно, чтобы жить безбедно; а умер он смертью храбрых в таком бою, где его сограждане одержали победу. Разве не в этом счастье?»

Тогда Крез спросил: «Ну а после него кого ты считаешь самым счастливым на земле?» Солон ответил: «Аргосцев Клеобиса и Битона. Это были два молодых силача, сыновья жрицы богини Геры. На торжественном празднике их мать должна была подъехать к храму в повозке, запряженной быками. Быков вовремя не нашли, а праздник уже начался; и тогда Клеобис и Битон сами впряглись в повозку и везли ее на себе восемь верст до самого храма. Народ рукоплескал и прославлял мать за таких детей, а блаженная мать молила у богов самого лучшего счастья для Клеобиса и Битона. И боги послали им это счастье: ночью после праздника они мирно заснули в этом храме и во сне скончались. Совершить лучшее дело в своей жизни и умереть – разве это не счастье?»

Раздосадованный Крез спросил прямо: «Скажи, Солон, а мое счастье ты совсем ни во что не ставишь?» Солон ответил: «Я вижу, царь, что вчера ты был счастлив, и сегодня ты счастлив, но будешь ли ты счастлив завтра? Если хочешь услышать мудрый совет, вот он: никакого человека не называй счастливым, пока он жив, ибо счастье переменчиво. Помни, что в году 365 дней, а в жизни человеческой, считая ее за семьдесят лет, – 25550 дней, и ни один из них не похож на другой!» Крезу слова мудреца пришлись не по душе, и он довольно холодно с ним расстался. Однако последующие события показали, насколько справедливым оказался совет Солона.

8) Стремление Писистрата к тирании

Когда Солон уехал, в государстве опять начались неурядицы. Партий, боровшихся между собой, как и прежде, было три. Во главе прибрежных жителей стоял Мегакл из рода Алкмеонидов. Обитателями равнины предводительствовал Ликург. А вождем горных жителей (к числу которых принадлежала масса фетов, особенно враждебно настроенных против богатых) стал удачливый полководец Писистрат, сын Гиппократ. Все они мечтали об изменении государственного строя. Когда, десять лет спустя, Солон возвратился на родину, он с горечью убедился в том, что его законы не избавили государство от смут. Правда, все относились к нему с уважением и почтением, но он был уже стар, прежние силы его покинули. Солон больше не выступал публично и вообще отошел от политической деятельности. Только при встречах с руководителями враждующих партий он в частных беседах пытался уничтожить раздор и примирить их между собой.

Казалось, что более остальных к его речам прислушивался Писистрат. Однако именно он внушал Солону наибольшие подозрения. Речь Писистрата всегда была вкрадчивой и любезной. Беднякам он нравился за отзывчивость, с какой, по-видимому, всегда относился к их бедам. А богатые не так его боялись, потому что он производил впечатление мягкого и умеренного политика. Все верили, что Писистрат человек осмотрительный, друг порядка, сторонник равенства, враг людей, колеблющих государственный строй и стремящихся к перевороту. Так он обманывал народ, но Солон прекрасно видел его злые замыслы и прилагал усилия к тому, чтобы исцелить Писистрата от страсти к тирании. Увы, он старался напрасно!

Размышляя над тем, как ему лучше захватить государственную власть, Писистрат придумал следующую хитрость. Он изранил сам себя мечом, изранил также своих мулов, а затем въехал в повозке на рыночную площадь и стал жаловаться народу на врагов, которые едва не убили его до смерти. Бедняки, увидев своего вождя окровавленным, подняли негодующие крики, а богатые стояли в смущении. Один Солон не дал себя обмануть. Он подошел к Писистрату и сказал: "Нехорошо, сын Гиппократ, ты играешь роль гомеровского Одиссея: он обезобразил себя, чтобы обмануть врагов, а ты это делаешь, чтобы ввести в заблуждение сограждан". К сожалению, афиняне внимали предостережениям Солона так же мало, как троянцы пророчествам Кассандры. Толпа горячо защищала Писистрата. Было устроено народное собрание, на котором тот попросил дать ему для охраны пятьдесят человек, вооруженных дубинами. Солон встал и возразил против этого незаконного предложения. Но видя, что бедные готовы исполнить любое желание Писистрата и шумят, а богатые в страхе хранят молчание, Солон ушел домой. Он не без основания говорил потом, что вел себя в этот день умнее одних и храбрее других.

Между тем, все о чем предупреждал Солон, очень скоро сбылось! Вооружив дубинами своих единомышленников, Писистрат неожиданно захватил акрополь (в 560 г. до Р.Х.). Когда афиняне узнали об этом, в городе начался сильный переполох. Мегакл со всеми Алкмеонидами сейчас же бежал, а Солон, несмотря на свою глубокую старость и отсутствие помощников, все-таки явился на площадь и обратился к гражданам с призывом не предавать свою свободу. Конечно, заметил он, несколько дней назад было легче помешать возникновению тирании в самом ее зародыше, но и теперь афинянам не следует терять мужества. Ведь им предстоит более славный подвиг – искоренить тиранию, когда она уже возникла и выросла. Но старик даром тратил свое красноречие! Никто не слушал его; все были в страхе. Тогда Солон вернулся домой, взял оружие и встал вооруженный перед дверьми на улице. Когда его спрашивали что он задумал, Солон отвечал: "Я по мере своих сил защищаю отечество и законы". Ему предлагали поскорее бежать, но Солон с презрением отвергал эти трусливые советы и писал стихи, в которых упрекал афинян:

Если страдаете вы из-за трусости вашей жестоко,
Не обращайтесь свой гнев против великих богов.
Сами возвысили этих людей вы, им дали поддержку
И через это теперь терпите рабства позор.

Смущенные афиняне спрашивали, на что он рассчитывает, поступая с такой отчаянной смелостью. "На свою старость", – отвечал Солон. Он не верил, что Писистрат способен причинить ему зло. И в самом деле, тиран был слишком умен для этого. Вместо того, чтобы преследовать Солона, он постарался привлечь его на свою сторону: сохранил большую часть Солонových законов, сам первый исполнял их и друзей своих заставлял исполнять. Все это несколько примирило Солона с Писистратом. Впрочем, после установления тирании он прожил меньше двух лет.

Тирания Писистрата. Реформы Клисфена

1) Изгнание и возвращение Писистрата

Малое время спустя после смерти Солона приверженцы Мегакла и Ликурга объединились и изгнали Писистрата. Но после победы между ними вспыхнули взаимные распри. Попав вскоре в затруднительное положение, Мегакл послал вестника к низложенному тирану с пред-

ложением вернуться и вместе низвергнуть Ликурга. Тот согласился. Для утверждения Писистрата была придумана следующая уловка. В одной деревне близ Афин заговорщики нашли высокую и красивую женщину по имени Фия. Ее облекли в панцирь, дали копье, щит и шлем, поставили на повозку и показали, какую она должна принять осанку, чтобы казаться благопристойной. Затем заговорщики отправили вперед глашатаев. Прибыв в город, те провозгласили: "Афиняне! Примите благосклонно Писистрата, которого сама Афина возвращает в свой акрополь из изгнания!" Уловка себя оправдала. Большинство афинян поверило, что Фия и в самом деле является богиней. Они приветствовали Писистрата и вновь покорились ему.

2) Утверждение тирании

Впрочем, этим дело не кончилось. Ведь мир между Писистратом и Мегаклом не мог быть продолжительным! Последний опять пристал к Ликургу и стал злоумышлять против прежнего союзника. Узнав, что враги затевают против него заговор, Писистрат добровольно покинул Афины. На этот раз он пробыл в изгнании 11 лет. Но он никогда не терял из виду город, копил оружие и деньги. В 546 г. до Р.Х. войско, состоявшее из его наемников, вторглось в Аттику и овладело Марафоном. Когда весть об этом распространилась среди афинян, к Писистрату пристали многие из тех, кому тирания казалась меньшим злом, чем царящее беззаконие. Его противники, правда, смогли собрать достаточно большие силы, но в их рядах не было ни порядка, ни дисциплины. Вскоре противоборствующие армии сошлись у святилища Афины Паллены и там расположились станом друг против друга. На следующие утро часть афинян после завтрака занялась игрой в кости, а другие вновь улеглись спать. Между тем Писистрат выстроил своих солдат и двинулся на врага. Застигнутые врасплох горожане обратились в бегство. А чтобы их войско не собралось вновь, Писистрат велел своим сыновьям скакать на конях следом. Настигая бегущих, они говорили им: «Господа афиняне! Спокойно расходитесь по домам и ничего не бойтесь, ведь Писистрат вам друг, а не враг!» Афиняне так и поступили.

Вот при каких обстоятельствах Писистрат в третий раз завладел городом. Чтобы его господство было прочным, он окружил себя отрядами наемников и взял в заложники сыновей тех афинян, которые сопротивлялись и не сразу бежали с поля боя. Самых непреклонных своих противников из числа знати (прежде сего Алкмеонидов) Писистрат изгнал из страны. Простой народ также внушал ему опасения, поэтому тиран постарался отнять у него оружие. Произошло это следующим образом. Устроив смотр войска у Тесейона, Писистрат обратился к народу с речью, но нарочно говорил тихо. Когда же присутствующие стали кричать, что не разбирают слов, он попросил подойти их к преддверию акрополя. И вот, пока он произносил свою речь, его люди быстро собрали оставленное оружие и заперли его в Тесейоне. Окончив говорить о других делах, Писистрат в заключении упомянул и об оружии: дескать, пусть афиняне не удивляются его исчезновению и не беспокоятся. Самое лучшее для них, это разойтись по домам и заниматься своими делами. Что же касается общественных дел, то он позаботится о них сам!

Государством Писистрат руководил с умеренностью, скорее в духе гражданского равноправия, чем тиранически. Он вообще был гуманным и кротким человеком, снисходительным к провинившимся. Во время сельскохозяйственных работ он снабжал бедных деньгами, чтобы они могли кормиться, занимаясь земледелием. Делалось это по двум соображениям. С одной стороны, Писистрату было спокойнее, когда те жили в своих деревнях, рассеянные по всей стране. С другой – для того, чтобы, пользуясь средним достатком и занятые своими личными делами, они не имели ни желания, ни досуга заниматься общественными. По этим же соображениям он учредил специальные выездные суды, которые разбирали тяжбы на местах, дабы крестьяне не забрасывали своих работ, без конца мотаясь в город.

Вообще, Писистрат старался ничем не раздражать простой народ. Во всех случаях он руководствовался установлениями закона и никогда не допускал для себя никакого преиму-

щества. Рассказывают, что однажды какой-то афинянин вызвал тирана в суд по обвинению в убийстве. Подобно обычному гражданину Писистрат явился на заседание Ареопага, чтобы оправдаться. Впрочем, суд не состоялся, поскольку обвинитель устранился своей дерзости и оставил дело.

Когда в 527 г. до Р.Х. Писистрат умер, о его кончине одинаково сожалели как бедные, так и богатые. И не спроста! Никогда афинское государство не пользовалось таким покоем, благополучием и процветанием, как в годы его тирании.

3) Заговор Аристокитона и Гармодия

После кончины Писистрата власть над страной перешла к его сыновьям Гиппию и Гиппарху. При этом Гиппий, как старший по возрасту и как человек от природы одаренный способностями государственного деятеля, стоял во главе правления. Что до Гиппарха, то он был человек легкомысленный, влюбчивый и большой поклонник муз. По его приглашению Афины посещали тогда многие известные поэты.

Подобно отцу, Гиппий стремился избегать всякого народного недовольства, стараясь проявлять больше доблести и благоразумия. Налоги с народа он взимал весьма умеренные, да и те тратил не на себя, а на благоустройство города и на проведение общественных праздников. В остальном в Афинах продолжали действовать прежние законы. Тираны заботились лишь о том, чтобы кто-нибудь из их семьи всегда занимал должность архонта. Благодаря разумной сдержанности господство Писистратидов не было афинянам в тягость. Братья даже пользовались у них некоторой популярностью. Но такова уж судьба любой тирании, что рано или поздно ей приходит конец. Ведь народ не может бесконечно сносить несправедливую власть, хотя бы она и старалась во всем ему угодить!

Повод, из-за которого в Афинах с новой силой разгорелась борьба партий, был, по-видимому, совсем незначительный. Гиппарх находился в ссоре с одним юношей по имени Гармодий. Желая его унижить, тиран сначала пригласил сестру Гармодия нести на праздничной процессии священную корзину, а затем отказал ей, высокомерно заявив, что она недостойна такой чести. Этот поступок Гармодий воспринял как тяжкое оскорбление. Охваченный благородным гневом, он вместе со своим другом Аристокитоном задумал трудное, но славное дело – убить обоих тиранов и вернуть городу свободу. В заговоре с ними было еще несколько человек.

Покушение отложили до празднования Великих Панафиней. В намеченный день Гармодий и Аристокитон, скрыв под одеждой кинжалы, стали подбираться к Гиппию, и вдруг увидели рядом с тираном одного из своих товарищей по заговору. Их беседа показалась друзьям подозрительной. Они решили, что сообщник изменил им, выдав весь замысел, и не решились приблизиться к старшему из Писистратидов. Вместо этого Гармодий и Аристокитон устремились к воротам акрополя и тут неожиданно столкнулись с Гиппархом. Оба разом бросились на тирана и сразили его ударами кинжалов.

В следующее мгновение Гармодий был убит телохранителями, а Аристокитон схвачен. Несчастного подвергли жестоким пыткам, стараясь узнать у него о других заговорщиках. И действительно, Аристокитон назвал имена множества знатных афинян, причем все они считались друзьями тиранов. Одни утверждают, что он сделал это нарочно, добиваясь, чтобы Гиппий казнил невинных и тем самым вызвал к себе всеобщую ненависть. Но другие говорят, что Аристокитон ничего не выдумал, и эти люди в самом деле являлись его сообщниками. Как обстояли дела на самом деле, так и осталось неизвестным. Не в силах более выносить муки, Аристокитон решил ускорить свою смерть и прибег для этого к следующей хитрости: он пообещал Гиппию выдать еще многих своих товарищей, но только с одним условием – тиран должен был обещать ему помилование. Гиппий согласился и в знак крепости своей клятвы подал узнику руку. Тут Аристокитон рассмеялся в лицо тирану и поздравил его с новым бесчестьем

– ведь он пожал руку убийце своего брата! Эти слова так раздражили Гиппия, что он не мог сдержаться от гнева – выхватил меч и убил Аристоклитона. Все это произошло в 514 г. до Р.Х.

С тех пор власть Писистратидов над Афинами стала не в пример более тяжелой. Мстя за брата, Гиппий перебил и изгнал многих своих прежних друзей. Но чем больше он казнил и карал, тем меньше у него оставалось доверия к приближенным. В свою очередь, афиняне глубоко возмущали жестокость и беззакония Гиппия. Их нелюбовь к тирании росла с каждым днем и обратилась, наконец, в непреклонную ненависть.

4) Алкмеониды и их борьба с тиранией

В это время в борьбу с Писистратидами включились Алкмеониды. Род этот вел свое происхождение от мифических пилосских царей и всегда пользовался в Афинах большим влиянием. Положение его поколебалось только в конце VII в. до Р.Х., после жестокой расправы архонта Мегакла над участниками килоновой смуты. С тех пор над Алкмеонидами постоянно висела угроза изгнания. Однако, удача не покинула их даже в этих прискорбных обстоятельствах.

Как-то раз в Дельфы прибыло посольство из далеких Сард. Лидийцы желали спросить оракул для своего царя Креза, но столкнулись в Греции с большими затруднениями. Ведь число желающих попасть к Пифии было огромно, своей очереди приходилось ждать неделями, а порой и месяцами! Лидийским послам пришлось бы не сладко, но тут заботу о них взял на себя Алкмеон, сын Мегакла. Он помог чужеземцам быстро и без задержки исполнить возложенное на них поручение, а потом оказал им много других важных услуг. Возвратившись в Сарды, лидийцы не раз с благодарностью вспоминали об Алкмеоне. Крез решил по-царски отблагодарить доброжелательного грека. Он просил Алкмеона прибыть в Сарды, а когда тот явился, сказал ему: «Твоя доброта достойна примерного воздаяния. Ступай в мою сокровищницу и возьми оттуда столько золотого песка, сколько сумеешь унести!» – «Блаженны те, кто отмечен твоей милостью, царь, ибо она безмерна, – отвечал Алкмеон. – А раз я сумел ее заслужить, то сумею ей и воспользоваться!» Когда пришло время отправляться в сокровищницу, Алкмеон облекся в длинный хитон с глубокой пазухой, а на ноги надел самые большие сапоги, которые только можно было найти. Бросившись на кучу золотого песка, он сначала заполнил им доверху сапоги. Потом Алкмеон наполнил золотом всю пазуху, густо насыпал его в волосы на голове и еще набрал в рот. Выходя из сокровищницы, он еле волочил ноги; его рот, щеки и вся одежда были набиты золотом. Увидев Алкмеона, Крез не мог удержаться от смеха. Он, впрочем, совсем не рассердился и не только оставил гостю все унесенное им золото, но еще добавил от себя не меньше.

Сыном этого Алкмеона был Мегакл, умноживший славу рода чрезвычайно выгодной женитьбой – он взял в жены Агаристу, дочь влиятельного сикионского тирана Клисфена, руки которой добивались знатнейшие юноши со всей Эллады. Позже Мегакл упорно боролся за власть с Писистратом, однако потерпел поражение, после чего Алкмеониды вновь оказались в изгнании. Они укрепились в местечке Лепсидрий на границах Аттики и отсюда строили всякие козни Писистратидам.

От брака Мегакла с Агаристой родился Клисфен, названный так в честь деда по матери, и еще один сын – Гиппократ. У Гиппократа позже родилась дочь – Агариста, которая вышла замуж за знатного афинянина Ксантиппа. Когда Агариста ожидала ребенка, ей приснилось, что она родила льва. Сон оказался пророческим, ведь несколько дней спустя она произвела на свет Перикла – величайшего политического деятеля в истории Древней Греции. Но о Перикле мы поговорим потом, а пока вернемся к его двоюродному деду Клисфену.

В 548 г. до Р.Х. случился пожар, уничтоживший древний храм Аполлона. Клисфен отправился в Дельфы и подрядился выстроить новый. По договору он должен был воздвигнуть

фасад из известкового туфа. Однако Клисфен не стал скарденничать и отстроил его целиком из паросского мрамора. Все восхищались щедростью Клисфена и говорили, что новый храм вышел гораздо богаче и красивее прежнего. С этого времени у Алкмеонидов установились очень близкие отношения с дельфицами. Клисфен подкупил Пифию деньгами и заручился ее поддержкой в борьбе против Писистратидов. Всякий раз, когда в Дельфы по частному ли делу или от имени государства являлись спартанские послы, Пифия возвещала им один и тот же оракул: «Аполлон повелевает лакедемонянам освободить Афины от тирании!»

Спартанцы всегда поддерживали с Писистратидами дружбу, но, получая постоянно одно и то же изречение, должны были наконец начать против них войну. Ведь они считали веление божества важнее долга к смертным. Первый их поход окончился неудачей, однако спартанцы не успокоились и снарядили новое войско во главе с царем Клеоменом. Когда оно проникло в Аттику, его прежде всего встретили союзники Гиппия фессалийские всадники. Произошел короткий бой, завершившийся победой лакедемонян. Фессалийцы обратились в бегство, а Клеомен вместе с восставшими афинянами, занял нижний город.

Впрочем, даже этот успех не сулил победы. Писистратиды укрылись в неприступной крепости, где у них имелось вдоволь продовольствия и питьевой воды. Убедившись, что осада обещает быть долгой и трудной, лакедемоняне стали собираться домой. Но тут произошло событие, роковое для осажденных и счастливого для осаждающих. Писистратиды решили увезти из Аттики и отправить в безопасное место своих сыновей. Афиняне проведали об этом и сумели всех их захватить в плен, смешав таким образом Гиппию его расчеты. Чтобы вернуть детей он должен был исполнить все требования афинян: сдал им крепость и в течении пяти дней покинул Аттику. Это знаменательное событие произошло в 510 г. до Р.Х.

5) Победа демократии и реформы Клисфена

После изгнания тиранов во главе афинян встали два вождя: Алкмеонид Клисфен и Исагор, сын Тисандра. Между ними тотчас развернулась борьба за власть. И поскольку богатые пошли за Исагором, Клисфен стал заискивать перед простым народом и обещал ему самым радикальным образом реформировать государственный строй. Афиняне в ту пору уже не довольствовались олигархией. Они мечтали о демократическом правлении и охотно прислушивались к речам Клисфена. Популярность Исагора стала падать, и ему пришлось призвать себе на помощь лакедемонян. По его наущению Клеомен отправил в Афины глашатая с требованием изгнать Клисфена и вместе с ним остальных «проклятых». Горожане были смущены, а Клисфен тайно бежал из города. Вскоре Клеомен сам явился с небольшим отрядом в Афины и изгнал 700 семейств, якобы запятнавших себя скверной. Затем царь сделал попытку распустить совет Четырехсот и отдать всю власть в руки тремстам приверженцам Исагора. Однако совет отказался подчиниться этому грубому нажиму. Война сделалась неизбежной. Сторонники олигархии захватили акрополь. Остальные афиняне взяли за оружие и начали осаду. На третий день было заключено соглашение, по которому все лакедемоняне смогли свободно покинуть страну. Судьба приспешников Исагора оказалась много хуже – афиняне бросили их в оковы и короткое время спустя казнили.

Изгнанники с триумфом вернулись на родину. Клисфен сделался вождем и простатом (то есть, «защитником») народа. Утвердившись во главе государства, он в 507 г. до Р.Х. приступил к своим политическим реформам. При этом главной целью Клисфена было окончательно сломить господство аристократии и передать власть народу. Влияние знати поддерживалось в то время самим устройством афинского общества, которое, делилось на четыре родовые филы. Желая разрушить родоплеменные отношения, Клисфен ликвидировал древние филы и распределил сограждан между десятью новыми территориальными филлами. Теперь главным для человека стала не его родовая принадлежность, но то место, где он проживал. А чтобы еще

больше перемешать людей Клисфен записал в новые филы значительное число иноземцев и даже рабов, лишенных до этого гражданских прав. Каждая фила выставляла в случае войны свой вооруженный отряд, во главе со своим стратегом (всего стратегов было десять). Вместо солоновского совета Четырехсот Клисфен учредил новый совет Пятисот, в который входило по 50 человек от каждой филы. В числе законов, принятых афинянами при Клисфене, был и закон об остракизме. В результате всех этих преобразований государственный строй в Афинах стал гораздо более демократичным, чем солоновский.

б) Войны афинян после победы демократии

Между тем Клеомен страшно негодовал на афинян: ведь лакедемоняне избавили их от тирании, а они отплатили им черной неблагодарностью. Царь решил вновь завоевать Афины и поставить над ними тираном Исагора. Помимо лакедемонян в новой войне участвовало значительное число их союзников из Пелопоннеса и других областей Греции. Когда Клеомен занял Элевсин, беотийцы захватили Эною и Гисии – пограничные селения в Аттике. В тоже время с другой стороны напали халкидяне. Многочисленность врагов не смутила афинян. Оставив пока халкидян и беотийцев, они двинулись против пелопоннесцев.

Однако до большого кровопролития не дошло, поскольку армия Клеомена распалась прежде, чем успела вступить в сражение. Первыми одумались коринфяне, которые сообразили, что воевать против свободного города ради утверждения в нем тирании – несправедливо. Поэтому они оставили союзников и возвратились домой. За ними последовал соправитель Клеомена Демарат, сын Аристора – второй спартанский царь. Когда остальные пелопоннесцы увидели, что среди спартанцев нет согласия, а коринфяне покинули боевые ряды, они также ушли из Элевсина.

Избавившись от опасности с этой стороны, афиняне тотчас двинулись в сторону Эвбеи. Беотийцы поспешили на помощь халкидянам и встретились с афинской армией на берегу Еврипа. Произошло ожесточенное сражение, в котором афиняне одержали полную победу: множество врагов было перебито, а 700 человек попали в плен. В тот же день афиняне переправились на Эвбею, напали на халкидян и также одолели их. Богачам Халкиды пришлось расстаться с частью своих плодородных земель, на которых обосновались 4000 афинских клерухов-поселенцев (клерухами их называли из-за выделенных им земельных наделов – клеров).

Тем временем фиванцы обратились за помощью к жителям Эгины. Эгинцы охотно откликнулись на их зов, без объявления войны переправились на кораблях в Аттику, опустошили Фалер и много других мест на побережье. Разгневанные афиняне хотели в ответ напасть на Эгину, но, получили неблагоприятный оракул из Дельф и решили пока отложить свой поход. Так среди военных тревог и опасностей началась в Афинах эпоха демократии.

10. Аргос, Сикион, Беотия, Фокида, Дельфы и Фессалия

Аргос

1) Темен и его наследники

Когда дорийцы одержали победу над жителями Пелопоннеса и стали делить его между собой, они уступили Арголиду Темену. Он был старшим из сыновей Аристомаха и потому получил самую богатую и значительную область. Однако вышло так, что аргосские цари прежде других Гераклидов утратили свое могущество и влияние. Одной из причин этого стали сильные семейные распри.

Рассказывают, что Темен почему-то не жаловал своих сыновей и из всех детей более всего благоволил к дочери Гирнефо, а когда та вышла замуж за царевича Деифонта, – к своему зятю (кстати, Деифонт также принадлежал к роду Гераклидов, только вел свое происхождение не от Гилла, а от младшего сына Геракла Ктесиппа). Все это совсем не радовало сыновей Темена, подозревавших, что он и царскую власть готовится передать Деифонту. Чтобы не упустить престол, Темениды устроили заговор и убили отца. Царем после этого стал старший из них Кейс.

Деифонт не захотел жить в одном городе с убийцами. Вместе с женой он переселился из Аргоса в Эпидавр и основал свое собственное царство. Однако Темениды и там не оставили его в покое. Они знали, что доставят наибольшую неприятность Деифонту, если смогут каким-либо образом разлучить его с Гирнефо. Двое из них – Керин и Фальк – пробрались тайком в Эпидавр и попытались похитить сестру. Деифонт бросился в погоню. Он убил Керина, а с Фальком вступил в борьбу. Каждый из них тащил несчастную женщину в свою сторону, и это стало причиной ее смерти. Фальку удалось после этого бежать. Деифонт же в великой скорби вернулся в город и похоронил жену в месте, которое позже называлось Гирнефионом. Спустя несколько лет, он вместе с частью аргосцев переселился на Эгину. С тех пор на этом острове распространились дорический язык и нравы.

2) Царская власть и тирания Фидона

В самом Аргосе права Теменидов были настолько ограничены, что приемники Кейса фактически носили только имя царей, но не пользовались никаким влиянием. Рассказывают, что его далекому потомку Фидону, чтобы вернуть себе реальную власть, пришлось сделаться тираном. Сокрушив врагов внутри государства, Фидон попытался воссоздать великую державу Ореста. Прежде всего он объединил под своей властью большую часть городов Арголиды, включая Микены, Тиринф и Эгину. В сражении при Гисиях (ок. 669 г. до Р.Х.) он наголову разгромил армию лакедемонян и отвоевал у Спарты все восточное побережье Лаконики вплоть до Малей. В Элиде он занял округ Олимпию и сам провел игры, но вскоре после этого погиб (в 657 г. до Р.Х.), вмешавшись во внутренний конфликт в Коринфе. После его смерти аргосская держава быстро развалилась.

Потомки Фидона были отстранены от управления, и царей в Аргосе стали выбирать на народном собрании как обычных должностных лиц с весьма ограниченными полномочиями. Реальная власть оказалась в руках коллегии, так называемых, демиургов, избравшихся из представителей аристократических родов.

3) Борьба аргивян с лакедемонянами

Через всю историю древнего Аргоса проходит соперничество со Спартой. Не только во времена Фидона, но и много позже аргивяне постоянно воевали с лакедемонянами. Причиной конфликтов было, с одной стороны, желание обоих государств властвовать над Пелопоннесом, а с другой, – спор из-за приграничных территорий. Около 546 г. до Р.Х. при Фирее (на спорной территории Фиреатиды) состоялась необычная «битва победителей». Триста аргивян вышли здесь сражаться против трехсот спартанцев и дрались с таким ожесточением, что по окончании битвы в живых остались только два аргивских воина и один спартанский. Впрочем, она равным счетом ничего не решила. Обе стороны провозгласили себя победителями, так что между противниками последовало новое столкновение. На этот раз они обрушились друг на друга всей мощью своих армий. И те и другие понесли тяжелые потери, но под конец верх взяли спартанцы. Аргивяне в знак скорби постригли себе волосы, ибо их притязания на главенство над Пелопоннесом были после этого растоптаны.

В последующие годы произошло несколько новых кровопролитных войн. Так около 494 г. до Р.Х. спартанский царь Клеомен, спросил дельфийский оракул и в ответ получил изречение, что завоюет Аргос. Лакедемоняне тотчас погрузились на корабли и переправились в Навплию. Узнав об этом, аргивяне спешно выступили навстречу. Свой стан они устроили близ Тиринфа на небольшом расстоянии от врага. Открытого сражения аргосцы не боялись, однако опасались, как бы их коварно не захватили врасплох. На то, что подобный оборот событий возможен, указывало данное им изречение оракула:

Если же в битве жена одолеет когда-либо мужа,
Дав изгнание в удел, меж аргивян же славу стяжает,
Много аргивянок станет свой лик от печали царапать.
Скажет тогда кто-нибудь из грядущих потомков:
"Страшный в извивах дракон погиб, копием прободенный".

Слова Пифии приводили аргосцев в ужас. Посовещавшись, они решили, что единственный способ избежать беды – это подражать действиям глашатая врагов. Поэтому они стали действовать следующим образом: когда спартанский глашатай что-нибудь объявлял лакедемонянам, то и глашатай аргосцев повторял его слова.

Последующие события показали, что путь, избранный аргивянами, оказался не самым лучшим. Клеомен вскоре обратил внимание на необычное поведение противника и решил извлечь из него пользу. Однажды он приказал воинам по знаку глашатая «к завтраку» взяться за оружие и идти в атаку. Так лакедемоняне и поступили. Между тем аргосцы, не ожидая подвоха, разбрелись по палаткам и стали спокойно вкушать пищу. Лакедемоняне внезапно ворвались в их лагерь и многих перебили, а еще большую часть, которая нашла убежище в священной роще Аргоса, окружили и держали под стражей.

Тут Клеомен придумал новую хитрость. Узнав от перебежчиков имена запертых в святилище аргивян, он велел вызывать их поименно, объявляя при этом, что уже получил за них выкуп. Но едва несчастные выходили из-под защиты божества, их хватили и тут же безжалостно умерщвляли. Так Клеомен вызвал одного за другим 500 аргивян и всех их казнил. Оставшиеся в храме не знали о печальной судьбе товарищей, так как роща была густая и те, кто там находился, не могли видеть, что происходит снаружи. Наконец один из осажденных влез на дерево и сообщил своим о творимых злодеяниях. После этого, конечно, уже больше никто не вышел на зов.

Сообразив, что его разоблачили, Клеомен приказал илотам навалить вокруг святилища дров и затем поджечь рощу. Когда роща уже загорелась, царь спросил одного из перебежчиков: какому божеству она посвящена. Тот сказал, что это – роща Аргоса. Услышав такой ответ, Клеомен с глубоким вздохом воскликнул: «О прорицатель Аполлон! Сколь жестоко ты обманул меня твоим изречением, что я завоюю Аргос! Я полагаю, что пророчество это теперь исполнилось». И он велел своим воинам двигаться в Спарту.

По возвращении, враги царя привлекли его к суду, утверждая, что он дал себя подкупить и потому-де не взял Аргоса, который можно было бы легко захватить. Клеомен, возражая им, объявил: после взятия святилища Аргоса он решил, что предсказание бога сбылось. Поэтому он счел неразумным нападать на город, пока не принесет жертвы и не узнает, отдаст ли его божество ему в руки или сохранит под своей защитой. Но когда он стал приносить жертвы в святилище Геры, то из рук кумира сверкнуло пламя. Таким образом, он совершенно ясно понял, что не возьмет Аргоса. Если бы пламя сверкнуло из головы кумира, то он, наверно, взял бы город и акрополь. Но так как пламя воссияло из груди, то он понял, что совершил все так, как желало божество. Слова Клеомена показались спартанцам убедительными и правдоподобными, и он был оправдан значительным большинством голосов.

Тиринфский разгром, оказавшийся куда горше Фирейской неудачи, практически вывел из строя целое поколение аргивян. Чтобы восполнить страшную убыль населения, им пришлось принять в число граждан значительное число периеков. Вскоре эти новые граждане настолько усилились, что захватили верховную власть. Они распорядились всеми делами до тех пор, пока сыновья погибших не возмужали. Тогда они вновь отвоевали Аргос и изгнали периеков, которые ушли в Тиринф и поселились там. Некоторое время у аргосцев были с изгнанниками дружественные отношения, но потом началась долгая война. Наконец с огромным трудом аргосцы взяли в ней верх.

Сикионские Орфагориды

На северном побережье Пелопоннеса, между Ахайей и Коринфией, располагалось крошечное государство Сикион. Город этот вырос на плодородных землях у подножия двух широких плато, в местности, где, низвергаясь по глубоким ущельям, сливались две небольших реки – Асоп и Гелиссон. На одном из плато располагался городской акрополь. В годы нашествия Гераклидов Сикион был завоеван дорийцами, однако местное ахейское население сохранило свое имущество и политические права. Сикионяне владели довольно обширными и хорошо орошаемыми угодьями, дававшими хороший урожай разнообразных плодов и овощей.

История Сикиона была достаточно обычной для той эпохи: на смену древнему царскому роду здесь со временем пришла олигархия, а около 655 г. до Р.Х. она уступила место тирании Орфагоридов. Однако сикионская тирания была в чем-то уникальной. Если повсюду в Греции она оставалась явлением кратковременным (редко кому из тиранов удавалось продержаться у кормила правления более двух-трех десятков лет), то в Сикионе династия Орфагоридов сохраняла за собой власть ровно сто лет. Древнегреческие историки, объясняя этот феномен, сообщают что сикионские тираны кротко обращались с подданными и рабски подчинялись законам.

Известно, что основатель династии Орфагор сделался правителем государства после того, как его избрали военачальником и он успешно провел войну на границе.

Приемниками Орфагора были его брат и племянник, оба носившие одинаковое имя – Мирон. Но самым знаменитым представителем династии оказался внучатый племянник Орфагора Клисфен (дед по матери афинского Клисфена из рода Алкмеонидов). Он правил в первой половине VI в. до Р.Х. и имел один из самых блестящих дворов в тогдашней Греции. Свидетельства об этом тиране противоречивы. Одни древние историки говорят, что Клисфен был

хитрым и очень жестоким правителем, но скорей всего правы те, кто отзываются о нем, как о мягком и законопослушном политике. Рассказывают, что однажды Клисфен велел наградить венком за справедливость судью состязаний, не присудившего ему победу. После смерти Клисфена ему около 570 г. до Р.Х. наследовал его родственник Эсхин. Пятнадцать лет спустя он был низложен с помощью спартанцев, а все члены семейства Клисфена изгнаны из города. Так завершилось правление самой долгой в греческой истории тирании.

Союз беотийских городов

От героических времен дошло множество прекрасных беотийских мифов. А вот история Беотии в более позднюю эпоху нам практически неизвестна. Рассказывают, что, спустя шестьдесят лет после окончания Троянской войны, эта область была завоевана беотянами – выходцами из фессалийской Арны. В дальнейшем местное наречие считалась очень своеобразным, хотя в основе его, несомненно, лежал эолийский диалект.

Долгое время города Беотии (в их число, кроме Фив, входили Орхомен, Коронея, Галиарт, Платеи, Танагра, Ороп, Феспии и некоторые другие) были самостоятельны и каждый из них жил своей обособленной жизнью. Позже они объединились в общебеотийский союз. Устройство его известно нам в самых общих чертах: вся страна делилась на 11 округов; каждый из них избирал одного беотарха и 60 членов союзного совета. Кроме того существовали общесоюзный суд и общее войско. Центром союза стали Фивы, которым удалось таким образом вернуть себе главенствующее положение.

Фиванцы ревниво следили за целостностью союза и не допускали никакого сепаратизма. Тяготясь их господством, Платеи в 519 г. до Р.Х. решили выйти из беотийской федерации и обратились за помощью к спартанскому царю Клеомену. Однако лакедемоняне отказались поддержать их выступление. Они отвечали так: "Мы живем слишком далеко, и вам наша помощь бесполезна. Ведь вас успеют десять раз продать в рабство, пока весть об этом дойдет до нас. Мы советуем вам стать под защиту афинян. Они – ваши соседи и могут вас защитить". Этот совет лакедемоняне дали не столько из расположения к платейцам, сколько желая вовлечь афинян, в тягостные распри с фиванцами. Однако платейцы нашли его разумным. И вот, дождавшись, когда афиняне приносили жертвы 12 богам, они явились к ним, сели у алтаря, как умоляющие о защите, и отдали свой город под покровительство Афин. Узнав об этом, фиванцы пошли на платейцев войной; но афиняне немедленно выступили им на подмогу. Противники уже были готовы к бою, и лишь вмешательство коринфян не дало начаться кровопролитию. Последние находились как раз поблизости и с согласия обеих сторон уладили спор. Фиванцы должны были обещать, что оставят в покое те города, которые не желают примыкать к беотийскому союзу. С тех пор фиванцы сделались упорными врагами афинян и готовы были воспользоваться для войны с ними любым удобным поводом.

Фокида и Локриды

Севернее Беотии от Эвбейского залива на востоке до Крисейского залива на западе простиралась Фокида. Область эта заключала в себе удивительное разнообразие ландшафтов. Здесь можно было встретить как открытые равнины, так и неприступные скалы. На северо-западе границей ей служила гора Парнас, покрытая густыми, преимущественно еловыми, лесами. На юге от Парнаса лежала гора Кирифида. Между ними располагалась узкая долина, по которой в глубоком устье протекала река Плист. На западной окраине этой долины у подошвы Парнаса располагались Дельфы – скалистая, в виде амфитеатра местность, на вершине которой находился одноименный оракул и город. Наряду с Дельфами другим знаменитым (и самым большим!) фокийским городом была Элatea. Ее расположение являлось наиболее выгодным в

силу того, что она находилась в теснинах, среди труднопроходимых гор, и тот, кто владел этим городом, обладал проходами как в Фокиду, так и в Беотию.

Фокида оставалась главным образом пастушеским краем, ее городские поселения были незначительными. Все они составляли между собой политический союз, основанный на строгом равноправии. Целью союза провозглашалась взаимная защита от внешних врагов, но во внутреннем управлении каждый город был самостоятельным.

В глубокой древности всю эту горную страну населяли локры. Позднее, когда тут обосновались греки, они разделили локров на два народа: опунтских и эпикнемидских (названных так от горы Кнемиды). Затем часть эпикнемидских локров переселилась на берег Криссейского залива и получили название озольских локров. Таким образом, в исторические времена в Греции насчитывалось три Локриды, и все они граничили с Фокидой. (Озольские локры вывели в Италию свою колонию – Локры Эпизефирские. Пишут, что город был основан в 679 или 673 г. до Р.Х. беглыми рабами и ворами из материковой Локриды. Трудно теперь сказать насколько эта легенда основательна. Но любопытно, что именно здесь в 664 г. до Р.Х. законодатель Залевк дал согражданам первые писанные законы. Он был также первым законодателем, который определил самим законом меру наказания за каждое преступление (раньше это отдавалось на усмотрение судий). Локрийцам так понравилось законодательство Залевка, что они требовали от каждого, кто вносит новый закон, выступать в собрании с веревкой на шее, дабы в случае провала законопроекта его можно было тут же повесить).

К северу от Парнаса простиралась горная страна, переходившая уже за пределами Фокиды в хребет Пинд. Часть этой сплошной горы, обращенная к востоку, называлась Этой. Она скалиста и высока, но выше всего эта гора у Эвбейского залива, ибо здесь она достигает вершины и заканчивается у моря острыми и крутыми утесами, оставляющими между собой только узкий проход. Проход назывался Фермопилами; за ним лежала уже Фессалия. Путь из Локриды в Фессалию был возможен только через Фермопилы, так как неровности рельефа и обилие потоков вод, образующих пропасти, делали окружающую страну непроходимой.

Дельфы и первая Священная война

Дельфы – самое знаменитое и могущественное святилище Греции. Можно сказать, что в эпоху, предшествовавшую греко-персидским войнам, без его участия не делалось ничего важного и даже маловажного. Города и народы, правительственные и частные лица постоянно обращались к нему за советами и решениями, давали обеты дельфийскому богу, отправляли к нему священные посольства и приносили щедрые дары. Дельфы сыграли важную роль в истории великой колонизации, поскольку без их одобрения не была выведена ни одна мало-мальски важная колония. Предводители будущих переселенцев сообщали оракулу о предполагаемом месте выселок и спрашивали божеского благословения, которое служило религиозной опорой колонистам и вселяло в них бодрость духа.

Дельфы располагались высоко в горах на каменистом склоне отрога Парнаса. Путь к ним от моря проходил через глубокое и узкое ущелье, заросшее черными оливковыми деревьями. Над равниной амфитеатром поднимался город Дельфы. С юга перед ним высилась обрывистая гора Кирифида. У ее подножия, на краю плодородной Криссейской долины, лежала Кира – древний город у моря. Именно от него начинался подъем в святилище. Хотя наибольший почет выпал Дельфам из-за его оракула, так как из всех оракулов он оказался самым правдивым, все же и местоположение самого святилища кое-что прибавило к его славе. Ведь оно располагалось в центре всей Греции!

Первоначально Дельфы находились под властью Фокиды, но потом они вступили в новую стадию своей политической истории, став сосредоточием Дельфийской амфиктионии (собственно, союза «окрестных жителей» – амфиктионов). Это было содружество государств, имев-

шее прежде всего религиозное значение, но в случае нужды действовавшее и как политическая сила. В амфикионию входило двенадцать племен из Северной Греции, в том числе фессалийцы, фокидяне и беотяне.

Заручившись поддержкой окрестных народов, дельфицы вступили в ожесточенную борьбу с расположенной у моря Киррой. Причиной распри стал спор из-за права взимать пошлину с паломников, направлявшихся к прорицалищу. Разгневанные неуступчивостью своих противников, дельфийские жрецы объявили Кирре войну и призвали на помощь своих союзников. Амфиктирны спросили оракула: какому наказанию следует подвергнуть виновных? Пифия повелела: «воевать против них денно и ночью, область их опустошить, а самих обратить в рабство и посвятить Пифийскому Аполлону».

Так началась первая Священная война. На сторону Дельф, кроме амфикионов, встали также Афины и Сикион. Верховный стратег, фессалиец Эврилох, во главе союзной армии в 595 г. до Р.Х. осадил строптивую Кирру, но натолкнулся на ожесточенное сопротивление. Жители Кирры знали, что против них началась священная война, где нет места пощаде, и что как только амфикионы одержат над ними верх, для них и их семей наступит вечное рабство. Поэтому они защищались с чрезвычайной твердостью.

Осада продолжалась десять лет. Наконец Солон, также принимавший участие в войне (впрочем, афинянами предводительствовал не он, а Алкмеон) придумал следующую хитрость. В окрестностях Кирры росло много чемерицы. Древние употребляли ее против душевных болезней, но на людей со здоровым духом она производила вредное действие. Солон велел перенять воду реки Плиста, положить туда кореньев чемерицы, и когда вода пропиталась соком этого растения, реку опять пустили по ее руслу в осажденный город. Кирряне, ничего не подозревая, начали пить зараженную воду, вследствие чего между ними открылась болезнь, которая помешала им охранять и защищать город с прежним мужеством. В 583 г. до Р.Х. осаждавшие взяли Кирру и сравняли ее с землей. Все ее жители были поработаны, а прежние владения отошли служителям Аполлона. Что касается Дельф, то они были провозглашены независимым городом.

Теперь ничего не мешало дельфийцам наслаждаться выгодами своего положения. Со всех концов греческого мира в их город поступали богатые вклады и пожертвования. Святилище бога было буквально завалено грудями золота и серебра, а также произведениями искусства из слоновой кости, бронзы и мрамора. Священную дорогу, поднимающуюся снизу к святилищу, плотно обступали великолепные художественные творения.

В 582 г. до Р.Х. в Дельфах состоялись обновленные Пифийские игры. С тех пор они проводились регулярно каждые четыре года – на третьем году олимпиады. В отличие от Олимпийских игр, первое место здесь занимали не спортивные, а мусические состязания – игра на музыкальных инструментах, пение, декламация стихов и прозы, – но к ним прибавились также атлетические и конные соревнования, устроенные по образцу олимпийских. Стадион для состязаний в беге был вырублен в склоне Парнаса, а ипподром для колесничных ристаний соорудили на Крисейской равнине.

В 548 г. до Р.Х. храм Аполлона и близлежащие сооружения погибли во время пожара. Но уже в последнем десятилетии того же века, был воздвигнут новый огромный храм. При этом священный участок был значительно расширен и обнесен стеной. Средства на строительство дали многие греческие (и даже негреческие) государства. Но наибольшая поддержка исходила от богатого афинского рода Алкмеонидов.

Пифию, которая служила Аполлону, выбирали из среды всех дельфийских девушек. С момента выбора ее единственным супругом становился бог, желавший, чтобы она отличалась красотой и целомудрием. Сначала оракул довольствовался одной пифией, но когда к нему стали обращаться со всех концов мира, то уже едва хватало двух обыкновенных пифий и одной запасной.

К пифиям относились, как к орудию пассивному. Они не входили в состав той жреческой корпорации, которая пользовалась ими. При прочих равных условиях жрецы предпочитали, чтобы пифии были невежественными и простыми. Очень подходили для этой роли женщины, страдавшие нервными припадками, подверженные судорогам и истерии. Вопросать оракул можно было только через большие промежутки времени (девять дней в году).

Порядок, в котором допускались к оракулу желающие о чем-нибудь спросить его, решался жребием. Но прежде всего необходимо было предварительное испытание, чтобы узнать благосклонен ли Аполлон к просителям. Таким испытанием являлось жертвоприношение. Если, к примеру, жертвенная коза не дрожала всем телом, когда на нее совершали возлияние, делали вывод, что бог ее не принял, и вопрошающий не допускался к оракулу. (Для быков и кабанов применялось другое испытание – им предлагали муку или стручковый горох; если они отказывались от этого угощения, то считалось, что животное нездорово).

В том случае, когда признаки оказывались благоприятными, пифия совершала очищение: она омывалась в Кастальской воде, окуривалась сжигаемым лавровым деревом и ячменной мукой; затем она отправлялась в святилище. Здесь, напившись воды из Кассотидского источника, она брала в рот лавровый листок, с лавровой веткой в руках восходила на треножник и садилась над расщелиной.

Когда желающие предложить вопрос выходили из той комнаты, в которой они ожидали своей очереди, они вводились один за другим к оракулу и предлагали свои вопросы устно или письменно. Пифия, приходившая в исступление, как говорили, под влиянием поднимающихся из расщелины паров и божественного наития, впадала в особое состояние экстаза, для описания которого поэты не щадили самых ярких красок. Затем каждый предлагавший вопрос получал через прорицателя официально написанный ответ оракула.

Проницательность оракула всецело зависела от корпорации жрецов Аполлона. Жрецов было два, и должность эта считалась пожизненной. Вероятно, жрецы и прорицатели Аполлона были одни и те же лица. Во время припадка пифии около нее всегда находились один или несколько прорицателей, которые слушали ее неясные слова или нечленораздельные звуки и составляли из них предсказания, обыкновенно в стихотворной форме, высокопарными выражениями и с намеренной неясностью. Часто предсказание было непонятно для вопрошавших, поэтому они обращались к профессиональным истолкователям.

Фессалия

В конце героической эпохи Фессалию, где прежде обитали эолийцы, завоевали племена фессалийцев. Они пришли из лежавшей западнее Феспротии и были по происхождению эпиротами. Фессалийцы уничтожили прежние царства эолийцев, а взамен образовали четыре округа – Фессалиотиду, Гестиэтиду, Пеласгиотиду и Фтиотиду. Местных жителей победители либо свели до положения политически бесправных периеков, либо вообще обратили в пенестов – государственных крепостных вроде спартанских илотов.

Главным городом Фессалии была Лариса. Ее цитадель, располагавшаяся на холме, господствовала над обширной, плодородной равниной и была ограждена течением Пенея. Правил городом древний аристократический род Алевадов. Со второй половины VII в. до Р.Х. Алевады стояли также во главе Фессалийского союза, охватившего постепенно всю область. Входившие в него государства присылали своих представителей на религиозные празднества в святилище Афины Итонии близ Фарсала. Впрочем, до подлинного объединения всей страны дело не дошло. Каждый город жил своей собственной политической жизнью и по своим законам.

Обширная фессалийская равнина давала возможность разводить табуны лошадей. Фессалийцы издревле имели славу превосходных всадников, а их конница считалась лучшей во

всей Греции. Благодаря этому им удалось распространить свое господство на Фтию, Этею и часть Локриды, но когда фессалийцы попытались проникнуть далее на юг, то столкнулись в Фермопильском проходе с фокийцами. В дальнейшем между двумя этими народами сохранялась непрекращающаяся вражда и шли бесперывные войны.

Во время одной из таких войн фокийцы совершили удивительные подвиги. Под Гиамполем (ожидалось, что именно с этой стороны фессалийцы вторгнутся в их землю) они врыли в землю глиняные горшки, набросали на них сверху мусора и стали ожидать вражескую конницу. Не осведомленные о такой хитрости фокийцев, фессалийцы неосмотрительно погнали своих коней на эти горшки. Их лошади, попадая в них ногами, стали спотыкаться, люди же попадали с коней и были перебиты. Тогда фессалийцы, вспыхнув против фокийцев еще большим гневом, собрали войско со всех городов и выступили в новый поход. Фокийцы, видя такое приготовление фессалийцев к войне, пришли в сильный страх. С наступлением ночи они послали против врагов отборный отряд в триста человек, поручив им высмотреть все, что делается у фессалийцев. Но отряд попал в засаду и был весь до единого уничтожен. Это поражение навело на войско фокийцев такой ужас, что они собрали в одно место всех своих жен, детей, а также все их имущество, какое можно было унести: одежды, золото, серебро. Из всего этого они сделали огромный костер и оставили при нем тридцать человек мужчин. Последним был дан приказ, в случае, если фокийцы понесут поражение, перерезать жен и детей, а потом возложить все богатство как жертву на костер и поджечь его. Совершив все это, фокийцы двинулись против фессалийцев. Когда они вступили в рукопашный бой, то все время помнили на что обречены в случае поражения их жены и дети. Поэтому они шли на все, проявляя чудеса храбрости, и в результате одержали славную победу.

И впоследствии фокийцы вновь придумали военную хитрость, ничуть не уступающую прежним: когда войска и с той и с другой стороны стояли друг против друга у входа в Фокиду, то отборный отряд фокийцев в пятьсот человек, дождавшись полнолуния, ночью напали на фессалийцев. Фокийцы при этом и сами себя и свое оружие обмазали гипсом, и выглядели в свете луны совершенно белыми. Благодаря этому они произвели ужасное избиение среди фессалийцев, вообразивших, что это какое-то колдовство, а не ночное нападение врагов.

II. Эпоха греко-персидских войн

1. Великое ионийское восстание

1) Мильтиад

Полуостров Херсонес Фракийский, располагавшийся у самого входа в Геллеспонт, издревле принадлежал фракийскому племени долонков. В середине VI в. до Р.Х. против них выступило соседнее фракийское племя апсинтиев. Не зная, как им остановить врага, долонки решили воспользоваться советом у дельфийского оракула. Пифия в ответ велела им: «Призовите на помощь того, кто первый пригласит вас в гости на обратном пути».

Гонцы отправились в дорогу. Они прошли Фокиду и Беотию, но никто из местных жителей не обратил на них внимания. Наконец долонки добрались до Аттики.

В то время в Афинах большой известностью пользовался Мильтиад, сын Кипсела. Он происходил из знатной семьи: по отцу приходился потомком мифическому Эаку, а по матери – коринфскому тирану Кипселу. Этот-то Мильтиад сидел перед дверью своего дома и вдруг увидел людей в странных одеяниях с копьями в руках. «Сдается мне, – заметил он, – вы держите путь издалека! Уж больно у вас усталый вид!» Послы ответили, что так оно и есть на самом деле. Тогда Мильтиад пригласил фракийцев в свое дом и угостил их обедом. Он стал расспрашивать гостей об их путешествии. Те без утайки поведали ему о своих невзгодах, о полученном ими оракуле, а потом сказали: «Видишь теперь сам, что ты должен стать нашим правителем!»

Мильтиаду пришлось по сердцу их предложение. Прибыв на Херсонс, он встал во главе долонков (это случилось около 560 г. до Р.Х.). Чтобы защититься от апсинтиев он велел строить стену, которая протянулась через весь полуостров от города Кардии на западе до Пактии на востоке. Потом Мильтиад стал один за другим покорять греческие города и вскоре сделался тираном всего Херсонеса. Умер он вскоре после 524 г. до Р.Х. Детей у Мильтиада не было, и потому власть наследовали племянники – сыновья его брата Кимона. (Этот Кимон жил в Афинах и прославился своими замечательными конями, которые трижды подряд одерживали победу на ристалищах в Олимпии; в 524 г. он пал от рук наемных убийц, подосланных, как считали, сыновьями Писистрата). Сначала правителем долонков стал Стесагор, а когда он погиб, в 516 г. до Р.Х. в Херсонес прибыл его младший брат Мильтиад. Он был человек доблестный, отважный и сумел вскоре широко прославить свое имя.

2) Ионийские тираны

Мильтиад в то время был далеко не единственным тираном на фракийском и азиатском побережье. Ведь когда персы завладели ионийскими городами, они повсюду поставили у руководства тиранов. Царь считал, что легче всего удержит в своей власти греческое население Азии, если вверит надзор над городами его друзьям, всецело обязанным ему своим благополучием. Так в Кизике правил Аристагор, в Лампсаке – Гиппокл, на Самосе – Эак, сын Силосонта, в Митилене – Кой, в Фокее – Лаодам. Были и другие тираны, но более всех пользовался влиянием Гистией, тиран Милета.

Когда в 512 г. до Р.Х. персидский царь Дарий решил начать войну против скифов, всем ионийским и фракийским грекам поневоле пришлось участвовать в этом походе. Переправив-

шись по наведенному через Боспор мосту, персы вступили во Фракию, откуда быстрым маршем добрались до берегов Дуная. За ним начиналась бескрайняя Скифия. По приказу царя греческие мастера навели через реку мост. Когда вся персидская армия перешла по нему на другой берег, Дарий призвал к себе ионийских тиранов и вручил им длинный кожаный ремень, на котором были завязаны шестьдесят узлов. «Ионяне! – велел он. – Возьмите этот ремень и каждый день после моего выступления развязывайте по одному узлу. Когда все узлы кончатся, оставьте мост и расходитесь по домам: это значит, что я уже разбил скифов. Но до тех пор тщательно оберегайте мост от любых нападений!»

Говоря так, Дарий рассчитывал, что сумеет легко и быстро покорить Скифию. Но на деле все вышло иначе. Не принимая сражения, скифы стали отступать в глубь своих степей, сжигая за собой траву, засыпая колодцы и источники. Персидское войско шло за ними по выжженному следу. Скифы держались на один день пути впереди, но настичь их было никакой возможности. Так прошли два войска друг за другом всю Скифию с запада на восток, а потом с востока на запад. Персы вконец измучились и изголодались. Дарий осознал бессмысленность начатой им войны и решил повернуть назад. Но скифы не собирались так просто отпустить врага. Их конница обогнала персов и стремительно помчалась к Дунаю. Кочевники задумали уничтожить мост и поймать обессиливших персов в ловушку.

Когда гонцы один за другим стали приносить вести о поражении Дария и о преследовании его скифами, тиран Херсонеса Мильтиад принялся убеждать хранителей моста, что нельзя упускать предоставленный судьбой случай освободить Грецию. Ведь если Дарий со всеми переправившимися с ним войсками погибнет, то не только Европа избавится от опасности, но и греческое племя, населяющее Азию, освободится от господства персов и от страха перед ними. Причем сделать это легко. Если они разрушат мост, то царь в скором времени погибнет или от вражеского меча, или от голода. Некоторые согласились с этим советом, но Гистией из Милета воспротивился задуманному делу. Он говорил, что разный интерес у толпы народной и у них, обладающих верховной властью, поскольку господство их зиждется на мощи Дария. Если она рухнет, то и они потеряют власть и понесут наказание от сограждан. Большинство присоединилось к нему. Посоветовавшись, греки решили сделать вот что: часть моста со стороны скифов они разрушили, а остальную оставили. Скифы решили, что ионяне изменили царю и спокойно ускакали обратно в степь. Они собирались напасть на Дария, но разминувшись с ним в пути.

Ночью персы вышли к Дунаю и обнаружили, что мост разрушен. Тут их обуял великий страх. Они ведь решили, что преданы ионянами! Впрочем, все опасения вскоре рассеялись. В свите царя был один египтянин с зычным голосом. Дарий приказал ему стать на берегу реки и кликнуть милетянина Гистиея. Египтянин так и сделал. А Гистией по первому его зову доставил все корабли для переправы войска и снова навел мост.

Так ионяне спасли персов. Кочевники были сильно раздосадованы их успешным отступлением, но не могли ему помешать. Им оставалось только злословить над греками. «Если ионяне свободные люди, – заявили скифы, – то нет людей их трусливее; если же ионяне рабы, то нет людей более преданных своему господину и более достойных рабской доли, чем они!»

3) Дарий и Гистией

Едва перейдя Геллеспонт, Дарий тотчас вспомнил о великой услуге, оказанной ему Гистиеем из Милета. Он повелел ему прибыть в Сарды и предложил просить любой милости. Гистией попросил дать ему во владение местность Миркин на фракийском берегу, где он хотел основать колонию. Царь удовлетворил его желание, и Гистией сразу приступил к строительству города. Сатрап Фракии Мегабаз услышал о том, что делает Гистией, и, как только прибыл в Сарды, сказал Дарию: "Царь! Что это ты сделал, разрешив этому дошлому и хитрому эллину построить город во Фракии? Там огромные корабельные леса и много сосны для весел, а также

серебряные рудники. В окрестностях обитает много эллинов и варваров, которые, обретя в нем своего вождя, будут день и ночь выполнять его повеления. Не позволяй ему этого делать, иначе тебе грозит война в твоём собственном царстве. Прикажи ему явиться к тебе и заставь прекратить работы. А когда ты его захватишь в свои руки, сделай так, чтобы он больше уже не возвращался к эллинам".

Этими словами Мегабаз легко убедил Дария, так как царь ясно видел, какие последствия будет иметь строительство города. Он послал вестника в Миркин с повелением прибыть Гистиею в Сарды. Когда тиран явился к Дарию, тот назвал его своим другом и советником, повелел оставить Милет и Миркин и ехать вместе с ним в Сузы, чтобы быть там его постоянным сотрапезником.

4) Аристагор

Вместо Гистиея правителем в Милете стал его двоюродный брат и зять Аристагор, сын Молпагора. Некоторое время спустя на острове Наксос произошел политический переворот, и народ изгнал несколько богатых горожан. Изгнанники прибыли в Милет (ведь прежде они были большими друзьями Гистиея) и стали просить у Аристагора войско, чтобы с его помощью вернуться на родину. Аристагор тотчас сообразил, что, возвратив изгнанников, он может стать владыкой острова. Поэтому он предложил им воспользоваться помощью персов. Он сказал: "Вы знаете, что Артафрен, брат царя Дария, мой друг. Он повелевает всеми народами и городами на побережье Азии. Под его начальством большое войско и много кораблей. И он делает все, о чем мы его ни попросим". Убежденные его словами, наксосцы поручили Аристагору устроить это дело наилучшим образом.

Аристагор прибыл в Сарды и рассказал Артафрену об острове Наксосе: "Остров этот, правда не большой, но красивый и плодородный и находится поблизости от Ионии; здесь большие богатства и много рыбы. Поэтому выступи в поход и возврати на остров изгнанников. И если ты только это сделаешь, то у меня есть много денег на содержание войска. Затем ты сможешь завоевать царю не только Наксос, но и зависимые от него острова: Парос, Андрос и другие, так называемые Киклады. Отсюда ты легко сможешь напасть на Эвбею – большой богатый остров, не меньше Кипра – и без труда его завоевать. Сотни кораблей довольно, чтобы завоевать все эти острова". Артафрен отвечал ему: "Ты пришел в царский дом с добрыми вестями. Все, что ты советуешь, – хорошо. Только вместо сотни весной у тебя должно быть готово две сотни кораблей".

Весной милетяне снарядили 200 триер, а Артафрен прислал большое войско из персов и союзников. Во главе него царь поставил своего двоюродного брата Мегабата. Едва установилась хорошая погода, Мегабат вместе с Аристагором, ионийским флотом и наксосскими изгнанниками отплыл из Милета, держа курс якобы к Геллеспонту. Дойдя до Хиоса, он стал дожидаться попутного ветра, чтобы внезапно напасть на Наксос. Однако Наксосу не суждено было погибнуть при этом походе, и вот какой случай его спас. Обходя однажды сторожевые посты на кораблях, Мегабат на одном миндийском судне вовсе не нашел никакой стражи. В яростном гневе он приказал телохранителям схватить капитана этого корабля, по имени Скилак, связать его и просунуть его через бортовой люк таким образом, чтобы голова торчала снаружи, а туловище находилось внутри. Когда Скилак был уже связан, кто-то сообщил Аристагору, что Мегабат, мол, велел связать его друга из Минда и подвергнуть позорному наказанию. Аристагор явился к Мегабату и стал упрашивать его простить Скилака. Но перс оставался неумолим, и тогда Аристагор пошел сам и освободил Скилака. Узнав об этом, Мегабат пришел в негодование и теперь обратил свой гнев на Аристагора. А тот сказал: "Что тебе до моих дел? Разве Артафрен не послал тебя, чтобы повиноваться мне и плыть, куда я прикажу?"

Зачем ты суетишься и суешься ни в свое дело?" Так сказал Аристагор. А Мегабат в бешенстве с наступлением ночи отправил корабль на Наксос сообщить наксосцам все замыслы против них.

Наксосцы вовсе не ожидали, что этот флот нападет на них. Но теперь, получив такое известие, они немедленно перенесли все запасы хлеба с полей в город, заготовили для осады продовольствие и воду и восстановили городские стены. Так они приготовились к предстоящей войне. А когда враги из Хиоса переправились на кораблях к Наксосу, то нашли там все готовым и осаждали город четыре месяца. Израсходовав, наконец, все привезенные с собой деньги, персы построили наксосским изгнанникам крепость и с большим уроном вернулись в Азию.

5) Аристагор и Гистией возмущают ионийцев

Итак, Аристагор не смог выполнить своего обещания Артафрену. Вдобавок его угнетали расходы на содержание войска, которые нужно было оплачивать. Он опасался также, что ссора с Мегабатом будет стоить ему владычества над Милетом. Все это внушило Аристагору мысль поднять восстание против персов. О том же самом думал сосланный в Сузы Гистией. Он ведь понимал, что сделался пленником царя и никогда не увидит родины, если только чрезвычайные обстоятельства не вынудят Дария отпустить его обратно в Милет. Размышляя над своим положением, Гистией решил предпринять следующее: поднять восстание в Ионии, а потом отпроситься у Дария якобы для умиротворения своих соплеменников.

Но как объявить свой замысел Аристагору? Посылать обычное письмо было очень опасно. Все дороги из Суз тщательно охранялись. Что если персы перехватят гонца? Не долго думая, Гистией велел обрить голову своему верному слуге, наколол на его затылке татуировкой знаки, а затем, подождав, пока волосы отрастут, отослал его в Милет. При этом Гистией дал слуге лишь одно поручение: прибыв в Милет, просить Аристагора обрить ему волосы. Аристагор так и поступил. На голове у вестника он обнаружил записку Гистиея с советом отложиться от царя.

Поскольку настроения двоюродного брата вполне совпадали с его собственными, Аристагор немедленно приступил к подготовке восстания. Он собрал на совет своих приверженцев, изложил им план действий и рассказал о предложении Гистиея. Все одобрили его замысел. Один из его соратников должен был отплыть в Миунт, к флоту, возвратившемуся с Наксоса, и попытаться арестовать находившихся там тиранов. Ему действительно удалось хитростью захватить многих из них. В то же время сам Аристагор для вида отрекся от тирании и установил в Милете демократию. После этого большинство милетян добровольно примкнули к восстанию. Их примеру немедленно последовали все ионийцы. В 500 г. до Р.Х. одна за другой пали почти все здешние тирании. Города объявляли себя свободными и неподвластными персидскому царю.

Впрочем, даже действуя сообща, ионийцы едва ли могли рассчитывать на победу. Аристагор решил искать поддержки в материковой Греции и прежде всего отплыл в Спарту, где царем тогда был Клеомен. Вступив с ним в переговоры, Аристагор стал умолять о помощи. При этом он говорил, что спартанцам гораздо больше пристало воевать с варварами персами, чем со своими соседями аркадцами и аргосцами. Персы к тому же много богаче, а воюют они плохо, поскольку не знают правильного строя. Так рассуждал Аристагор, а Клеомен спросил его: "Сколько дней пути от берегов Ионийского моря до столицы персидского царя?" Аристагор ответил, что идти до царской столицы надо три месяца. Тогда Клеомен сказал: "Друг из Милета! Покинь Спарту до захода солнца! Ты хочешь завести лакедемонян в землю на расстоянии трехмесячного пути от моря: это совершенно неприемлемое условие для них!"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.